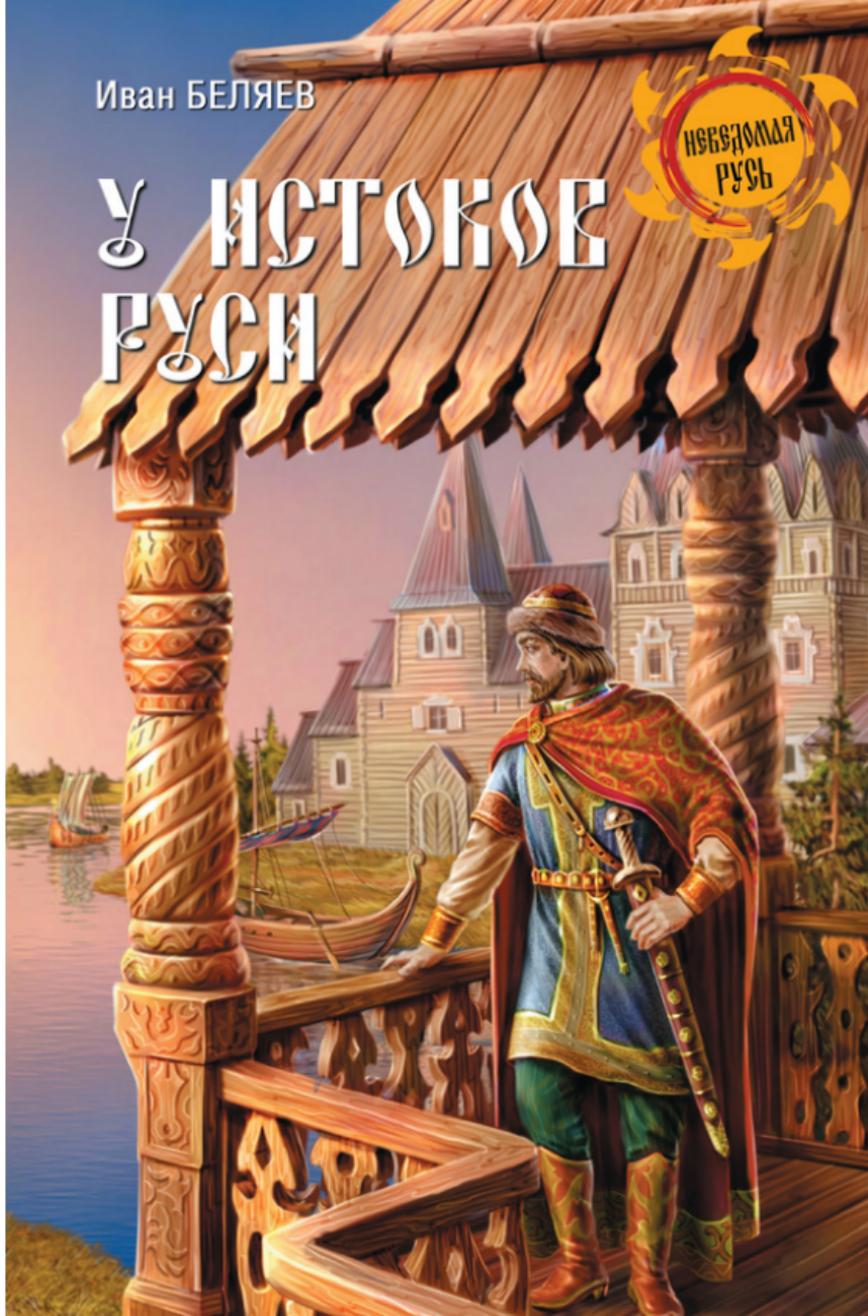

Иван БЕЛЯЕВ

У ИСТОКОВЕ РУСИ

НЕВЕСТА
РУСЬ

Иван Дмитриевич Беляев

У истоков Руси (Неведомая Русь)

Книга историка Ивана Беляева (1810–1873), профессора Императорского Московского университета, представляет собой фундаментальный обзор первых веков русской истории. Благодаря многолетней работе в сенатских архивах и Московском Государственном архиве, Беляеву удалось собрать и систематизировать гигантский корпус средневековых документов, летописей и актов, которые легли в основу его трудов. Параллельно с этим Беляев собирал исторические документы и древние акты в собственную библиотеку, насчитывавшую более 2 тысяч томов. Позже его собранием пользовались знаменитые историки В. О. Ключевский и С. Ф. Платонов. Труды Ивана Беляева были значительной научной вехой для своего времени и не потеряли актуальности до сегодняшнего дня. Настоящее издание было опубликовано в 1861 г. под названием «Рассказы из русской истории».

Содержание

#1	0005
Рассказ первый . Русская земля	0006
Рассказ второй. Первые князья из племени варягов-руси	0033
Рассказ третий. Русская земля при первых варяжских князьях	0073
Рассказ четвертый. Владимир и Ярослав . . .	0087
Рассказ пятый. Русская земля при Владимире и Ярославе	0144
Рассказ шестой. Сыновья Ярослава	0161
Рассказ седьмой. Русская земля при Ярославичах	0177
Рассказ восьмой. Внуки и правнуки Ярослава 0201	
Рассказ девятый. Русская земля при внуках и правнуках Ярослава	0286
Рассказ десятый. Суздальщина	0342
Рассказ одиннадцатый. Русская земля во время суздальщины	0459

Иван Беляев У истоков Руси

© ООО «Издательство «Вече», 2016

Рассказ первый[1]. Русская земля

Страна, в настоящее время называемая Россией, издревле, как только запомнят люди, была большою дорогою для народов, шедших из Азии в Европу. Здесь перебивали и скифы, и сарматы, и готы, и гунны, и другие народы, но не останавливались надолго, почти не оставили после себя никаких следов в пройденном ими краю и не имели никакого заметного влияния на судьбу русского народа. Позднее сих народов потянулись в здешний край разные племена славянские, жившие в Македонии, Фракии и Иллирии. Движение славянских племен в здешний край, на север и северо-восток от Дуная, их древней родины, началось с того времени, как римляне, называвшиеся у древних славян волохами, стали выдвигать свои владения к Дунаю и теснить тамошних славян, поселяя между ними свои военные колонии и строя города. Но славяне поднялись с Дуная не все зараз, а частями и в разное время, по мере того как насилия рим-

лян становились им невыносимы; и в продолжение нескольких веков они заняли своими поселениями берега Днестра, Восточного и Западного Буга, Днепра, Припяти, Десны, Сейма, Оки, Западной Двины, Приильменский край и верхнее течение Волги до впадения в нее Оки.

В IX столетии по Р. Х. (т. е. за тысячу лет до настоящего времени) славянские племена, выдвинувшиеся с Дуная на Русскую землю, были расселены следующим порядком: в ближайшем соседстве к Дунаю на самом юго-западном краю Русской земли по Днестру до Черного моря и Дуная жили славянские племена, называвшиеся уличами и тиверцами; несколько севернее их, в верховьях Восточного и Западного Буга, жили дулебы и бужане, вообще называвшееся вольнянами; на северо-восток от вольнян в углу, образуемом реками Горынью и Припятью, по тамошним лесам и болотам были поселения древлян; рядом с древлянами и вольнянами по западному берегу Днепра жили поляне; а перешедши Днепр прямо против полян жили северяне, которых поселения простирались по рекам

Суле, Десне и Сему; в этой же стороне, несколько севернее по реке Соже, жили радимичи; а к востоку от радимичей по рекам Угре и Оке, в тамошних диких непроходимых лесах, были поселения вятичей, которые простирались далеко на восток, может быть, до верховий Дона. На север от Припяти по правому берегу Днепра до Западной Двины жили дреговичи; а подле них по берегам Полоти, впадающей в Западную Двину, были поселения полочан; за полочанами на восток при верховьях Днепра, Западной Двины и Волги жили кривичи; а за ними севернее всех славянских племен, около озера Ильмень и по Волхову, поселились славяне ильменские, или новгородцы, которые впоследствии своими поселениями далеко распространились на север и восток.

Рядом с славянскими племенами на северо-западе по Неману и Западной Двине, в тамошних пущах, болотах и непроходимых лесах, вплоть до Балтийского моря жили племена латышские и литовские, перемешанные с финскими, таковы были: жмудь, литва, корсь, зимгола, летгола, ливь и другие; это были ста-

рожильцы тамошнего края, жившие там еще до пришествия славян в Русскую землю. На севере и северо-востоке жили племена финские: чудь, водь, корела, ямь, меря, пермь, весь, мурома, и на востоке черемись, мордова, и мещера, и богатые и сильные камские болгары, жившие при впадении Камы в Волгу, и на юго-востоке буртасы, и сильные в то время хазары, которых владения простирались от низовий Волги до Дона и Донца.

Славянские племена, выдвигавшиеся с Дуная на север, должны были занимать земли, уже прежде их занятые другими племенами неславянскими, а посему должны были пробиваться сквозь них, отнимать у них землю. Конечно, племена, занимавшие Русскую землю до славян, были не очень сильны и сидели разрозненно и неплотно на занятой ими земле, и простора было еще много для новых пришельцев; но тем не менее славяне как позднейшие пришельцы, и притом переселявшиеся не дружно, не все зараз, а незначительными партиями и в различное время, естественно, по разрозненности своей не могли делать завоеваний, и волей-неволей долж-

ны были довольствоваться лишь мирным заселением страны с согласия старожильцев, и только в продолжительные сроки, по мере собственного усиления и мирного ознакомления с старожильцами туземцами, распространять на них свое влияние и впоследствии подчинять их себе и ославянивать. Таковое положение пришельцев-славян и первоначальные их отношения к иноплеменникам-туземцам, конечно неласково смотревшим на новых людей, заселявших их землю, естественно, заставляло их жить в постоянной тревоге и с большою осторожностью. Славяне, по своему шаткому ненадежному положению на чужой земле, могли селиться не иначе как укрепленными городами, составляя союзы и общины, в которые дозволялось поступать всякому и чужеродцу, лишь бы кто сам пожелал вступить в общину и защищать ее вместе с другими членами общины; таким только образом, при таких условиях общинной жизни славяне могли занять и ославянить ту обширную страну, которая теперь называется Россиею; их новостреление в незнакомом краю, их малочисленность срав-

нительно с старожилками туземцами неволь-но вынуждали их прибегать к городскому об-щинному устройству их жизни, которое одно дозволяло им спланиваться в значительные массы, в которых не спрашивалось, кто како-го рода и племени, и обеспечивало их от на-падений туземцев, которые, живучи разроз-ненно, не могли нападать с успехом на укреп-ленные города. И действительно, славя-не-пришельцы большею частью так и устраи-вали свою жизнь в здешнем краю; они сели-лись преимущественно городами и подле го-родов под их защитою и так много настроили городов в Русской земле, что соседи их на се-веро-западе, жители Скандинавии, нынеш-ней Швеции и Норвегии, иначе не называли Россию того времени, как страной городов, на их языке Гардарикиею.

Впрочем, славянские племена, пришедшие на Русь не в одно время, не с одинаковыми силами и поселившиеся на огромном про-странстве от Черного моря до Балтийского и Белого и не при одинаковых условиях, не все жили одинаково. Иные из них, по обстоятель-ствам времени и места, скорее почувствовали

необходимость в общинной и городской жизни, значительными массами; а другие, смотря по местности, еще долго оставались в родовом быте и жили врассыпную, каждый со своим родом. Так уличи и тиверцы, жившие по берегу Черного моря от Дуная до Днестра, скоро прибегли к общинной и городской жизни, древние отечественные и иноземные писатели уже в IX веке находят у них множество городов; боевая жизнь на взморье вблизи прежней своей родины, занятой врагами-пришельцами, скоро заставила уличей и тиверцев укрепляться в городах. В том же почти положении находились дулебы, волыняне. Но не такова была жизнь полян, поселившихся на правом берегу Днепра, в местности, кажется, никем не занятой, удаленной от иноплеменников; они, по свидетельству летописи, долго жили в родовом быте, врассыпную по тамошним горам и лесам, каждый с своим родом, и только уже в более позднее время, может быть в VII столетии по Р. Х., выстроили в своем краю первый город Киев на самом берегу Днепра. Но, кажется, одни только поляне пользовались таким положением, которое

дозволяло им довольно долго оставаться в родовом быте, по крайней мере о них одних свидетельствуют летописи. Напротив того, ближайшие соседи полян – древляне, поселившиеся в болотах и лесах на запад от полян, в соседстве с литовскими племенами, при самом начале поселения, вероятно, принуждены были строить города, дабы держаться против воинственных и диких литовцев, живших по Припяти. По свидетельству летописи, древляне в IX столетии управлялись князьями, но вместе с князьями в управлении принимали сильное участие лучшие мужи, держащие землю, и народные веча или вся земля Древлянская. Но полное и раннее развитие общинного быта представляют ильменские славяне, или новгородцы, и их колонисты – полочане, кривичи и северяне.

Ильменские славяне, или новгородцы, далее других славянских племен врезавшиеся в глубь финских поселений и окруженные ими со всех сторон, естественно, при самом поселении должны были начать дело с построения городов и с полного устройства общинного быта, который позволял им принимать в

свое общество всех охотников, из какого бы племени они ни были. Только сим способом новгородцы могли отстоять свою самостоятельность и не затеряться между иноплеменниками-старожилами; и новгородцы так и поступили: они при самом поселении выстроили при истоке Волхова из озера Ильмень Новгород, от которого и получили свое название новгородцев, и прямо стали управляться вечем и лучшими мужами. Из Новгорода они мало-помалу стали выводить колонии сперва в ближайшем к Новгороду соседстве, а потом время от времени распространять свои поселения далее и далее и строить новые города, известные у них под именем пригородов и вполне зависевшие от старого города. Замечательнейшими колониями новгородцев, по свидетельству летописи, были: во-первых, полочане, поселенные по Западной Двине и имевшие своим главным городом Полоцк, при впадении Полоты в Двину; во-вторых, кривичи, широко распространившие свои поселения при верховьях Западной Двины, Волги и Днепра и имевшие своим старшим городом Смоленск, построенный на берегу Днепра

в верхнем его течении; и в-третьих, наконец, северяне, южнее всех удалившиеся от Новгорода и занявшие левый берег Днепра против полян. У них главными и старшими городами были Чернигов, Переславль и Новгород-Северский. Сии три старейшие новгородские колонии еще до IX века сделались отдельными от Новгорода и самостоятельными обществами, нисколько не зависящими от своей метрополии, но с устройством и характером по преимуществу новгородским.

Славянские племена, поселившиеся в Русской земле, по свидетельству отечественных и иноземных летописей и сказаний, в IX столетии по Р. Х. были в следующем положении. *Уличи и тиверцы* пользовались независимостью, охраняемые своими многочисленными городами, и были в сношениях, иногда мирных, иногда враждебных, с византийскими колониями по берегам Черного моря; они составляли довольно сильное славянское поселение в этом краю и не имели среди себя иноплеменных старожильцев. *Дулебы, или волянне, и бужане*, много страдавшие от аваров в VII столетии, в IX веке пользовались незави-

симостью и, может быть, на юге были обеспокоиваемы торками и другими степными кочевниками-грабителями и на северо-западе дикими ятвягами и литовцами. *Древляне*, жившие по лесам и болотам, на правом берегу Припяти, колонизировали земли литовские, доходившие на юге также до Припяти даже в XII столетии, а в древности, вероятно, простиравшиеся и за Припять на юг. Племя древлян в IX веке, по свидетельству летописей, было довольно сильным и грозным для своих соседей, как славян, так и неславян, и особенно теснило полян, вероятно прокладывая себе дорогу к Днепру, этой большой торговой дороге, доставлявшей много выгод своим прибрежным жителям. *Поляне*, примыкавшие своими поселениями прямо к Днепру, по свидетельству летописца, известные кротостью своих нравов, в IX веке имели уже богатый город Киев и пользовались выгодами днепровской торговли; но выгоды торговли не дали им силы, их княжеский род к этому времени вымер, и они были обидимы от соседей; с одной стороны их теснили древляне, а с другой, с юга, им приходилось защищаться от

кочевых грабителей торков, и наконец они вместе со своими заднепровскими соседями-северянами и вятичами были покорены сильным придонским народом хазарами и обложены данью. *Северяне*, подвергавшиеся игу хазарскому вместе с полянами, были с ними в одинаковом положении и до хазарского ига; примыкая одним боком своих владений к Днепру, они участвовали вместе с полянами в приднепровской торговле, их лодьи с товарами ходили в Константинополь, по свидетельству тамошнего императора Константина Порфирородного. Но кроме Днепра им был открыт и другой путь торговли на восток; они Окою и потом Волгою ходили в Камскую Болгарию, а Донцом и Доном в Хазарию, как рассказывают арабские писатели. Северяне, будучи колонистами Новгорода, удержали за собою в основных началах и новгородское устройство: они подобно Новгороду управлялись вечею и не имели князей. Соседи северян, *радимичи* и *вятичи*, выселенцы из Польши, – жители непроходимых лесов по Соже и Оке, не были известны по торговле и долго считались между соседями за дикарей; им

пришлось жить между разными мелкими финскими племенами, которых они не умели подчинить себе. По свидетельству Нестора, их привели из Польши два родоначальника, или князя, Радим и Вятко, и потомки сих родоначальников под именем князей владели ими еще в XII столетии. *Дреговичи*, жившие между Припятью и Двиною, были в близком соседстве с южными литовцами и, по всему вероятию, как иноплеменники, были с ними в постоянной вражде. Таким образом все славянские племена, большие и малые, сильные и слабые, жившие в нынешней Южной и Западной России, в начале IX века не имели никаких союзов одного племени с другим и жили друг от друга отдельно и независимо, и даже иные более сильные племена обижали слабейших.

Но совсем не таково было положение славян, живших на севере и северо-востоке России, при верховьях Днепра, по Западной Двине и Волхову. Весь этот обширный край принадлежал собственно одному племени, славянам волховским или новгородским, и их колонистам – кривичам и полочанам; следова-

тельно, между сими племенами, хотя самостоятельными и отдельными, не могло не оставаться некоторых связей друг с другом. Здесь Новгород, как старейший, как метрополия кривичей и полочан, естественно, имел на них значительное влияние; и у сих трех племен много было общего, родственного друг с другом, чего, конечно, не было у юго-западных племен.

Самое южное из трех северных племен, кривичи, как уже сказано, жившие при верховьях Днепра, Западной Двины и Волги, было одно из многочисленнейших и сильнейших; его земли на юг по Днепру простирались до границ полян и северян, а на северо-запад примыкали почти к Чудскому озеру, где был кривский пригород Изборск, а прямо на запад по Неману кривские колонии шли до устья сей реки; на севере и востоке они сходились с землями новгородскими и собственно на востоке далеко врезывались в поселения финского племени мерь, почти до нынешней Москвы. Преимущественное внимание племени кривичей было обращено на литовские племена, где по Неману кривичам была от-

крыта дорога в глубь литовских пущь и лесов. Здесь они заводили свои колонии и по Березине, и по Неману, и по их притокам, пробираясь постепенно в глубь страны, где среди литовских урочищ мы встречаем многие урочища с названиями славянскими, показывающие на ранние поселения славян в этом литовском краю; а что славяне сии преимущественно были кривичи, то на это, с одной стороны, намекает близкое соседство кривичей с сим краем, а с другой стороны, и то, что литовцы в простонародье и до сего времени русских называют кривичами, а Русскую землю Кривскою землею, что ясно показывает, что кривичи первые познакомились с литовцами, проникли в их землю и стали заводить там свои колонии. Кривичи имели главным своим городом Смоленск, из которого уже выводили свои колонии в разные края по соседству. У кривичей не было князей, они управлялись вече; в каждом городе было свое вече, но все городские вече подчинялись главному вече смоленскому, и что постановило смоленское вече, по тому и поступали вече всех других городов кривских. Кривичи были наро-

дом торговым, их лодьи с товарами по Днепру вниз ходили до Черного моря и Черным морем даже до Константинополя, а Неманом и Западною Двиною они доходили до Балтийского моря и там торговали с немцами и разными славянскими племенами, жившими в Померании.

Полочане, жившие на северо-запад от кривичей по Западной Двине и несколько южнее Двины, были хозяевами в финских и латышских землях тамошнего края. В нынешних Лифляндии и Курляндии их колонии простирались до устья Западной Двины, а в глубь Литвы до Пултуска, который в старых наших летописях называется Полтовеском, т. е. Полотеском, Полотском. Здесь в глубине Литвы по дороге до Пултуска они оставили свои следы в названиях рек Десны, Бобра и Нарева и в других урочищах, которым двойников находим в старых Новгородских владениях или в новгородских колониях за Днепром в земле северян; в Литовской земле полочане шли вместе с своими древними колонистами – кривичами, которые также оставили здесь свои следы в урочищах Смоленске, Смолини-

чах, Смоляны, Крево и Кривичи. Вообще Литовская земля представляет множество названий разных урочищ, совершенно одинаковых с названиями урочищ в Полотских и Смоленских владениях; там даже есть несколько Новгородов и Новгородков, в память Великого Новгорода, этой общей родины полочан и кривичей. Об управлении у полочан летописи говорят: «Мужи полочане управлялись вечем, так же как и Великий Новгород, и в каждом полотском городе было свое вече, зависевшее от главного веча полотского, и каждый полотский пригород составлял общину точно так же, как это было в Новгороде и в Смоленске».

Новгород был старейшею славянскою колонию на севере России, в самой глубине финских земель, среди воды, корелян, чуди и других. Есть предание, что еще в I веке по Р. Х. апостол Андрей Первозванный был у новгородских славян во время своего путешествия по Днепру и далее к Балтийскому морю. В VIII и IX столетиях новгородцы были сильнейшим племенем из всех славянских племен на Руси. На запад от озера Ильмень, главного ме-

ста поселения новгородцев, им были подчинены водь, чудь, корела и ямь до самого Балтийского моря; на северо-востоке более или менее зависели от них пермь, печора, самоядь, югра и другие тамошние племена по берегам Белого моря и Северного океана до Уральских гор; на восток от Ильмень озера новгородцы уже имели значительные колонии на Белоозере в землях финского племени весь, Ростов, Суздаль и Галич Мерский в землях финского племени мера, Муром в землях племени мурома; далее их влияние простиралось на черемису и мордву, вплоть до владений камских болгар. С камскими болгарам и хазарами новгородцы вели деятельную торговлю; они оттуда получали разные азиатские товары, дорогие ткани, золото, серебро, бисер и оружие, а сами доставляли болгарам и хазарам дорогие собольи и лисьи меха, моржовый зуб и другие произведения глубокого севера, высоко ценившиеся у азиатских народов, которые они сами получали от финских племен, зависевших от новгородцев и торговавших с ними. Товары, получаемые от болгар и хазар, а равным образом из Греции, нов-

городцы сбывали своим западным соседям – скандинавам, или норманнам, с которыми были в самых тесных сношениях через Балтийское море, которое служило большою дорогою и для скандинавских, и для новгородских лодий или кораблей.

Общественное устройство новгородцев было чисто общинное; в самом Новгороде каждая улица, каждый конец составляли самостоятельную общину, со своим управлением, со своими общинными уличанскими или кончанскими старостами, а целый город был союзом частных общин, управляемым народным вечем и выборными начальниками. Новгородские пригороды, или колоши, также состояли в общинном быте, управлялись выборными начальниками и местным вечем; но пригородские начальники и вече зависели от главного новгородского веча; новгородское вече было законом для всех пригородов, как прямо сказано в летописи: «На чем старшие сдумают на том и пригороды станут». Впрочем, нет сомнения, что в новгородском вече участвовали и представители пригородов, собственно, в важных и чрезвычайных случа-

ях, где требовалось знать голос всей земли Новгородской, т. е. всех новгородских пригородов.

Обширные новгородские владения, занимавшие собою весь север и восток нынешней Европейской России от Белого моря и Северного океана до впадения Оки в Волгу и от Балтийского моря до Уральских гор и до владений камских болгар, были главным образом приобретены торговлею и колонизациею, а не большими военными походами, до которых новгородцы, как народ торговый, были не охотники. Новгородцы, поселившиеся и выстроившие свой Новгород при истоке Волхова из Ильмень-озера между полудикими финскими племенами, начинали дело распространения своих владений сперва торговлею с ближайшими соседями, а потом, познакомившись с ними поближе, сажали на их земле небольшую колонию, где-нибудь в удобном месте при реке и, разумеется, в укрепленном городке; эта колония садилась сначала только для больших удобств торговли, для ближайшей складки товаров, а потом мало-помалу подчиняла туземцев себе и об-

лагала данью во имя Господина Великого Новгорода. Впоследствии, когда ближайшие туземцы более или менее попривыкали к новгородским колонистам и принимали их обычаи, далее в глубь туземных лесов и болот выдвигалась новая колония также с укрепленным городком и продолжала делать то же. Далее по времени выдвигалась еще новая колония, и таким образом незаметно росли колонии и с ними вместе распространялись владения новгородцев. Разумеется, власть Новгорода не во всех владениях была одинакова; земли, ближайшие к Новгороду, и, следовательно, колонии или пригороды старейшие находились в более тесной связи с Новгородом, тамошние туземцы от ближайших и более продолжительных сношений незаметно принимали все новгородские обычаи и сливались с новгородскими поселенцами в своем краю. А по мере отдаления земель от Новгорода слабела и связь тамошних жителей с новгородцами; так что в самых отдаленных краях, в землях печоры, югры и других, вся связь с Новгородом ограничивалась временным сбором дани и торговлею, для чего

каждогодно, или через год, или через два, смотря по мере отдаления, высылались туда новгородские даньщики с небольшими воинскими отрядами и караванами купцов, которые везли туда товары, требуемые туземцами, и брали у них тамошние товары, и в то же время собирали дань, или ясак, для Новгорода, а в случае сопротивления прибегали к силе и собирали дань из неволи.

Важным пособием для новгородцев в распространении владений и торговли служил обычай повольничества. В Новгороде точно так же, как и в соседней Скандинавии, молодые люди не сидели дома, но обыкновенно в продолжение годов кипучей молодости странствовали по соседним землям затем, чтобы себя показать и людей посмотреть, а при случае и понажить, если рука подойдет. Такие странствователи в Скандинавии назывались королями моря, потому что странствовали и разбойничали преимущественно по морям; в Новгороде же их называли *повольниками*, потому что они предпринимали свои походы не по чьему-либо приказанию, а по своей воле. Повольники сии обык-

новенно собирались небольшими ватагами, по зову самых удалых и бывалых молодцов и, построив лодьи, отправлялись вниз по рекам в глубину неведомых и непроходимых лесов и болот; в сих походах они переносили страшные трудности, возможные только для людей молодых и цветущих здоровьем или уже выдержанных, закаленных в труде удальцов; их ничто не удерживало на пути, они перетаскивали свои лодьи из одной реки в другую; встречаясь с горами, где лодий тащить нельзя, оставляли их в скрытых местах и переходили горы и пропасти сухопутьем, неся на своих плечах самые необходимые припасы; а перешедши горы и встретившись вновь с какою-либо рекою, строили новые лодьи и продолжали путь водой. Нашедши где-либо неведомое поселение лесных жителей, повольники начинали дело торговлею, предлагали свои товары на обмен их товаров; потом, ежели замечали, что новые знакомцы им по силам, начинали грабить или облагали данью во имя Великого Новгорода, а ежели новые знакомцы были им не по силам, то ограничивались торговлею и выведыванием, чем

они богаты и в чем нуждаются. Таковые походы иногда продолжались по нескольку лет; бывали случаи, что иные повольники возвращались домой еле живы, ободранные, заморенные и побитые, а иные и вовсе погибали на чужой стороне; но зато другие возвращались домой о большими богатствами, приобретенными добычею и торговлею, и сообщали новгородцам важные сведения о новооткрытых землях и народах и о том, в чем нуждаются их новые знакомцы, каковы они и как то можно получить от них пользу. И по сим сведениям и под руководством самих же повольников новгородцы начинали торговлю с новооткрытыми людьми, и, смотря по удобству, подчиняли их своему влиянию, и, ежели можно, заводили там свои колонии, строили городки и населяли их теми же повольниками или другими охотниками из старых городов. И таким образом торговля и колонии новгородцев раздвигались при помощи повольников, а вместе с колониями росло богатство и могущество Новгорода Великого. А приволье, свобода, которыми одинаково пользовались в Новгороде все, свои и при-

шельцы, манили туда охотников из всех соседних стран; особенно много молодцов приходило к новгородцам из соседней Скандинавии и Померании, которых у нас тогда называли варягами и волотами, так что таковыми выходцами заселялись целые улицы, погосты и даже города. В половине IX века влияние Новгорода по всему соседству так было велико, что новгородцы успели снова присоединить к себе в союз племена кривичей и полчан, своих старинных колонистов.

В 859 году по Р. Х. с новгородцами случилось несчастье; на них, по свидетельству летописи, напало какое-то племя варягов и взяло дань не только с славян ильменских, но и с чуди, мери, веси и кривичей; по всему вероятию, это нападение и дань были не более как набег и грабеж какой-либо многочисленной толпы скандинавских удальцов, которые, воспользовавшись случаем, когда удальцы новгородские были в разброде, проникли на своих кораблях Невою в Ладожское озеро и потом Волховом до Новгорода и разбрелись грабить далее и у соседних кривичей, и у чуди, и у мери и веси, но нигде не могли утвердиться

надолго; а посему когда снова пришли за данью, то были прогнаны новгородцами. Между тем в самом Новгороде началась большая разлада, разные племена, подчиненные новгородцам и на общинных началах принятые в состав Новгородской земли как союзники, пользуясь временным несчастьем самого Новгорода, начали междуусобствовать и производить раздоры, так что, по выражению летописи, *восстал род на род, и воевати почата сами на себя*, и все начинало грозить разорением и распадением Новгородского союза. Чтобы прекратить такие междуусобия, новгородцы, как старейшие, как начальные в союзе, в 862 году созвали в Новгород большое вече, на которое были приглашены и чудь, и кривичи как более сильные и важные члены Новгородского союза. На этом вече было решено – сыскать князя, который бы принял управление всею Новгородскою землею и судил и рядил по исконным новгородским обычаям и по взаимному договору и согласию. На том же вече, на котором решено было искать князя, который бы владел Новгородским союзом и судил по праву, было порешено отпра-

вить посольство за море к варягам-руси и просить тамошних князей, чтобы они шли править Новгородскою землею. Выбор новгородского веча пал на варягов-русь; потому что это племя, жившее по обеим берегам Ботнического залива, было ближайшим к Новгороду и находилось в самых тесных связях с новгородцами, так что часть этого племени еще прежде переселилась в Новгородскую землю и построила себе там город Старую Русь. Посольство новгородцев, чуди и кривичей, отправившееся к варягам-руси, сказало тамошним князьям братьям Рюрику, Синеусу и Трувору: «Земля наша велика и обильна, а наряда в ней нет; идите княжить и володеть нами». Князья Рюрик, Синеус и Трувор приняли это приглашение и со своими родственниками и со всем племенем руси отправились в Новгородскую землю.

Рассказ второй. Первые князья из племени варягов-руси

Прибывшим по приглашению варяго-руским князьям новгородцы по договору дали в непосредственное управление и для жителя: Рюрику – Ладогу при впадении Волхова в Ладожское озеро, Синеусу – Белоозеро в земле, где новгородская колония была поселена в племени весь, и Трувору – Изборск подле Чудского озера, принадлежащий кривичам; во всех же прочих городах обширного новгородского владения управление осталось за новгородским вечем и новгородскими мужами, только от имени князей и с платежом князьям определенных сборов. Но через два года по прибытии Рюриковы братья Синеус и Трувор умерли; и Рюрик, усилившись их дружинами и городами, передвинулся из Ладоги к самому Новгороду и на противоположном берегу Волхова выстроил себе крепость, которую также назвал Новгородом, и начал раздавать своим мужам города – кому Полотск, ко-

му Ростов, кому Белоозеро, приказавши им строить там себе крепости и управлять землею от его имени. Таковое самовольное распоряжение Рюрика так беспокоило многих новгородцев, особенно удалую вольницу, что они, под начальством своего выборного воеводы Вадима Храброго, восстали на Рюрика; но это восстание не имело успеха, лучшие, богатейшие и старейшие новгородцы не приняли в нем участия; и Рюрик в кровопролитной битве убил Вадима, а его товарищей принудил бежать из Новгорода. Потом, года через два, новгородцы, опять не все, а только часть, снова восстали на Рюрика и кричали на вече: беда нам от этого князя, быть нам рабами у него и его потомков! Но и это восстание не имело успеха и недовольные убежали в Киев. Даже дружинники, приведенные из Варяжской земли, не все были довольны Рюриком или житьем их в Новгороде, и часть их, самые удалые и беспокойные, под предводительством братьев Аскольда и Дира, оставили службу у Рюрика и отправились вниз Днепром искать службы в Константинополь, в Грецию, где охотно принимали варягов и да-

вали им хорошее жалованье. Но, идя вниз по Днепру, Аскольд и Дир со своею дружиною подошли к Киеву, и, узнавши, что тамошние жители платят дань хазарам, обещались защищать их от хазар и остались княжить в Киеве, и оттуда даже ходили войною на Константинополь, и потерпели там большое поражение от восставшей морской бури, которая разогнала и частью потопила их лодьи. Рюрик, прокняжив в Новгороде семнадцать лет, скончался в 879 году и за малолетством своего сына Игоря передал управление своему родственнику Олегу.

Олег прожил мирно с новгородцами только два года; но ему тесно было жить в Новгороде, тамошнее вече не давало ему большей воли; и он на третий год, собрав свою дружину и вольницу из чуди, славян и кривичей, и взявши с собою малолетнего Игоря, оставил Новгород и, плывя по Днепру, занял сперва Смоленск по согласию с тамошними жителями – кривичами и посадил в Смоленске своих мужей, потом взял Любеч, также по согласию с тамошними жителями, и от Любеча двинулся по Днепру к Киеву. Зная, что там сидят Ас-

кольд и Дир, удалые варяги, с которыми драться не совсем прибыльно, Олег против них употребил хитрость: он скрыл воинов в лодьях, а других оставил назади, сам же подошел к Киеву и, остановясь под Угорским, послал сказать Аскольду и Диру, что прибыл гость от Олега и княжича Игоря, идущий в греки, придите повидаться с ним, вашим однокотемцем и родственником, Аскольд и Дир пришли в лодью и были убиты воинами Олега; после чего Киев признал Олега своим князем.

Занявши Киев, Олег так полюбил этот город, что остался там жить и назвал его матерью городов русских; с ним вместе остались там варяжская дружина и вольница, приведенная из Новгорода; и с сего времени (с 882 года) Приднепровье, или Киевская сторона, стало называться Русскою землею, а владения Новгорода – Новгородскою землею. Сделавшись самостоятельным, независимым от новгородского веча князем, Олег, впрочем, не отказался и от рюриковских прав на Новгородскую землю: тамошние города и области, уступленные Рюрику, по-прежнему остались

под управлением Олеговых мужей, и он из Киева назначил, чтобы ему, как прежде Рюрику, платили дань кривичи, славяне ильменские и меря, и сверх того условился с новгородцами, чтобы они ежегодно присылали по 300 гривен его варягам для мира, вероятно за свободную торговлю по Днепру через Киев. Уладившись с новгородцами и их союзниками, Олег принялся воевать с своими ближайшими соседями, и прежде всего напал на древлян, которые обижали полян, и, одолевши их, наложил на них дань по черной куне; потом переправился на левый берег Днепра и обложил данью радимичей и северян, плативших до него дань хазарам; он сказал им: не платите дани хазарам, я буду защищать вас. Подчинивши северян и радимичей, Олег опять перешел на правый берег Днепра и начал воевать с уличами и тиверцами, с двумя самыми сильными племенами на юге России; война эта тянулась долго, и чем кончилась, неизвестно; только, кажется, Олег здесь в первый раз увидал Черное море и задумал начать войну с греками; впрочем, до этой войны прошло еще с лишком двадцать лет. В это

время Игорь успел вырасти и жениться, а воинственный Олег продолжал воевать с разными соседними славянскими племенами на западе и доходил в своих походах до хорватов; конечно, войны сии были не более как набеги для грабежа и добычи, чтобы обогатить князя и дружину. О покорении новых племен в это время мы не имеем известий.

Наконец в 907 году Олег, собравши большое войско из разных соседних племен, из приведенных из Новгорода варягов, из новгородской вольницы, из чуди, кривичей и мери, на двух тысячах лодий вступил в Черное море и спустился к Царьграду, или Константинополю. Греки, чтобы не допустить Олега к городу, заперли пролив; но это не удержало удалого князя: он велел вытащить свои лодьи на берег, поставить на колеса и, распустив паруса, при помощи попутного ветра двинулся сухопутьем к городу и начал все жечь и грабить по дороге. Греки, не имевшие в это время достаточно войска в городе, так перепугались, что сочли за лучшее откупиться, и согласились заплатить Олегу дань по 12 гривен на каждую лодью, и сверх того дать уклады

на русские города: на Киев, Чернигов, Пере-
славль и другие, которые непосредственно
были подчинены Олегу и где сидели князья,
им поставленные. Получивши такую богатую
добычу и выговоривши разные льготы рус-
ским купцам, приезжающим торговать в Гре-
цию, Олег с большою славою и богатством
возвратился в Киев; киевляне и другие сосед-
ные племена, удивленные большими богат-
ствами, принесенными Олегом из Греции, и
слышавши рассказы о его подвигах под Кон-
стантинополем, прозвали его Вещим, т. е. ча-
родеем.

Через четыре года по возвращении из гре-
ческого похода Олег отправил посольство в
Грецию для заключения нового мирного дого-
вора с тамошними императорами Львом и
Александром. Что заставило Олега вступить в
новый договор с греками и отправить к ним
свое посольство, летописи не упоминают, но
из самых слов этого договора, сохраненного
летописцем, уже видно, что главная забота
Олега здесь состояла в том, чтобы упрочить
торговлю руси с греками, чтобы сколько мож-
но отстранить поводы к ссорам и несогласию.

В договоре нет ни слова ни о дани, ни об укладах, ни о других требованиях насилия; статьи договора говорят только об определении мирных, безобидных отношений между греками и приезжающими к ним русами, о взаимном вспомоществовании мореходцев греческих и русских и о свободной продаже и покупке товаров. Олеговы послы были приняты радушно и дружелюбно, император константинопольский приставил к ним особого мужа, чтобы показать им красоту и богатство церквей и дворцов константинопольских, и на отпуске почтил богатыми дарами: золотом, драгоценными тканями и дорогими одеждами.

Заклучивши мир с греками, Олег скончался осенью 912 года. О кончине его летописец рассказывает следующее предание: «И жил Олег в мире со всеми странами, княжа в Киеве. И настала осень и вспомнил Олег про своего коня, которого поставил кормить и на котором давно уже не ездил. Потому что прежде когда-то он спросил волхвов и кудесников: от чего мне умереть? И один кудесник сказал ему: “Князь, тебе умереть от коня, на котором ты едешь и которого любишь”. Олег подумал

об этом и сказал: “Никогда же не сяду на этого коня и не увижу его более”, – и приказал кормить его и не подводить к себе. И так прошло много лет, конь оставался без дела; потом Олег вспомнил о нем и, призвав старейшину конюхов, спросил: “Где конь, которого я поставил на корм и приказал беречь?” Старейшина отвечал: “Конь умер”. Олег засмеялся и в укоризну кудеснику сказал: “Что они говорят, эти волхвы, все пустяки и лож, конь умер, а я жив”. И приказал оседлать себе другого коня и, приехав на место, где лежали голые конские кости и череп, с насмешкой наступивши ногою на череп, с насмешкою сказал: “От сего ли лба умереть мне”. А в это время выползла из конского черепа змея и укусила Олега в ногу. От этого Олег разболелся и умер. Далее летописец продолжает: “И плакали все люди великим плачем по Олеге, и донесли его и похоронили на горе”, что называется Щековица; и до сего дни цела его могила, и слывет Ольгова могила».

По смерти Олега русским князем в Киеве, во всем Приднепровье и в Новгороде сделался Рюрик сын Игорь. Этому князю тогда было

около тридцати пяти лет от роду. Игорь, сидевший дома и не известный никакими воинскими подвигами во все княжение Олега, кажется, так же мирно думал начать свое княжение, как мирно, кончил свое Олег. Но что было возможно для старого Олега, поседевшего в битвах, то оказалось не совсем удобным для молодого Игоря, только что начавшего княжить. Не стало старого грозного князя, и все пошло иначе; на первом же году Игорева княжения заратились древляне и уличи, примученные Олегом, и в то же время буйные дружинники, наскучившие миром в последние годы Олегова княжения, пустились сами мимо князя искать войны и добычи. Они в 913 году на пятистах лодьях явились в устье Дона и, подплыв к хазарской заставе, выпросили у хазарского кагана пропуск на Волгу и в Хазарское, или Каспийское, море, обещая за то половину добычи, какую возьмут в Прикаспийском крае; и, перетащивши волоком свои лодьи с Дона на Волгу, пустились Волгою в Каспийское море и начали грабить прибрежных жителей. В этом походе русы-повольники (т. е. дружинники, оставившие Иго-

ря) проникли до Азербайджана; они всюду являлись нечаянно, били мужчин, уводили в плен женщин, грабили богатства, и, опустошивши одно место, удалялись на острова; и потом снова нечаянно являлись в другом месте, также делали нападение, разбивали противников, грабили, опустошали и опять удалялись. Тамошние жители, собравшись с силами, хотели окружить их на островах, но были разбиты наголову. Русы, прожив несколько месяцев на море и награбив множество добычи и пленниц, отправились обратно к устью Волги и отсюда послали хазарскому кагану условленную часть добычи. Но мусульмане, жившие в Хазарской земле и состоявшие на службе у кагана, в числе пятнадцати тысяч, напали на русов и вступили в битву, желая поживиться чужим грабежом; три дня жестоко дралась русская вольница, много побила мусульман; но наконец и сама была подавлена многочисленностью неприятелей; из русов одни пали в битве, другие потонули в реке, а часть принуждена была бежать и истреблена по дороге буртасами и камскими болгарами.

Но в то время, как Олеговы дружинники, оставившие Игоря, в качестве повольников промышляли на берегах Каспийского моря, сам Игорь и дружина, оставшаяся при нем, не были без дела: Игорь отправился на заратившихся древлян, а воеводу своего Свенельда послал на уличей, предоставив ему собирать дань с этого племени на себя и на свою дружину. С древлянами Игорь управился скоро и, примучив их, наложил дань больше Олега-вой и возвратился в Киев; но многочисленные уличи, имевшие много городов по Днестру почти до моря, долго не поддавались Свенельду, и он, чтобы примучить их и добиться дани, три года осаждал их главный город Пересечен и едва успел взять его.

Между тем на другой год после Игорева похода в Древлянскую землю появился на границах Приднепровской Руси новый незнакомый народ — печенеги, выдвинувшиеся из азиатских степей; но они на первый раз мирно встретились с русскими и, заключивши с Игорем мир, удалились к западу. Впрочем, это прошла только передовая печенежская орда, а за нею шли еще семь орд, одна другой силь-

нее и неукротимее. Первая, заключив мир с Игорем, продвинулась до Дуная и вступила в союз с греками против дунайских болгар; за нею прошли еще три орды; они также переместились на запад за Днепр и заняли пространство от Черного моря до Венгерской земли и до южных пределов Руси; за тем еще четыре орды, не переходя Днепр, заняли все степи от Волги почти до Днепра и до моря, там что поставили свои кочевья прямо за семью, Сулою и Супоем, по тогдашним границам Приднепровской Руси. При таком близком соседстве сильных и беспокойных кочевников-грабителей, несмотря на мир, заключенный первою ордою, дело не обходилось без грабежей от соседних печенегов; и в 920 году Игорь был вынужден воевать с ними. Чем кончилась эта война, летописи не говорят; но нет сомнения, что дружина Игорева, преимущественно состоявшая из воинов Олеговых, опытных бойцов, дала себя знать диким кочевникам-печенегам и хотя на короткое время укротила их набеги и грабежи.

Управившись с печенегами, Игорь на другой же год стал собираться в какой-то даль-

ний поход, собрал множество ратников и наготовил кораблей; но поход не состоялся, Игорь остался дома. Летопись нам не говорит, что заставило Игоря отложить поход; но, по всему вероятно, его остановили новые толпы пененегов, в это время постоянно надвигавшие с востока на запад к пределам Русской земли, и так продолжалось не год, не два, а целые двадцать лет. В продолжение всего этого времени Игорь должен был сидеть дома и сторожить Русскую землю от этих незваных гостей, одним появлением своим наводивших ужас на всех соседей, и ждать, пока гости сии немного поусядутся по местам и поугомонятся. Наконец долго тяготевшее над Приднепровскою Русью томительное ожидание, когда перестанут подходить новые толпы печенегов, кончилось; все орды печенежские заняли свои места, новых полчищ более не являлось. И Игорь на старости лет (ему тогда было около 64 лет от роду) в 941 году отправился в поход на Константинополь. Но этот поход не удался, старик Игорь воротился домой, потерпев поражение; греки сперва разбили его на море, потом на суше и, наконец,

опять на море. Игоревы воины, воротившиеся домой, рассказывали: греки со своих лодий жгли нас, пуская какой-то огонь, аки молнию, что на небесах, и потому мы не могли одолеть их.

Воротившись домой с неудачного греческого похода, Игорь снова стал готовиться на греков; но войска у него сильно поубавилось в минувшем походе, и он послал кличь к охотникам, к повольникам, кого разбирает охота промыслить славы и добычи в далекой Греческой земле, славной своими богатствами. Сборы продолжались целых два года; дружина скоплялась не вдруг, охотники шли по мере распространения вести о походе, одни подзывали других, строили лодьи, снаряжались и пешие и конные, и все готовили необходимые запасы на дорогу. Не довольствуясь своими охотниками, Игорь нанял соседних печенегов и послал за море к варягам, приглашая тамошних удальцов принять участие в греческом походе. Созвавши таким образом многочисленную рать, Игорь в 944 году отправился во второй поход на греков; спустившись вниз по Днепру, по этой большой грече-

ской дороге из Русской земли, его сборная рать шла и в лодьях, и на конях. Корсунцы, греческие колонисты на северных берегах Черного моря, узнавши об этом, послали сказать греческому царю Роману: «Идут русь, кораблям их нет числа, покрыли море кораблями». А также и дунайские болгары подали весть, что идут русь и наняли печенегов. Царь, получивши такие вести и рассчитавши, что дешевле обойдется купить мир у Игоря за деньги, чем воевать с неугомонным стариком, послал к Игорю лучших своих бояр с такими речами: «Не ходи, но возьми дань, какую брал Олег, придам и еще к той дани». А также отправил к печенегам множество дорогих тканей и золота. Игорь дошел до Дуная, созвал свою сборную дружину на думу и передал ей речи царевых посланников. И дружина отвечала Игорю: «Коли царь говорит так, чего же нам, еще не бившись, взять золото и серебро и дорогие ткани; почем знать, кто одолеет, мы ли, они ли, или кто с морем советен: мы теперь идем не по земли, а по глубине морской, здесь общая смерть всем». Игорь послушал дружины и повелел печенегам вое-

вать Болгарскую землю; а сам, взявши от греков золото и дорогие ткани на себя и на всех воев, поворотил назад и пришел домой в Киев хвалиться богатою добычею.

Но не вся вольница, участвовавшая в настоящем греческом походе, воротилась в Киев, а напротив, самые удалые и неугомонные из них, не желая, чтобы их приготовления к походу пропали даром, и рассчитавши, что от Дуная им легче пробраться в какой-либо богатый край, нежели снова снаряжаться и начинать поход из Киева или Новгорода и Скандинавии, решились, не возвращаясь домой, прямо от Дуная или от устьев Днепра идти знакомым уже путем по Дону и Волге в Каспийское море. Спустившись в Каспийское море, Игоревы повольники поднялись вверх по Куре и проникли до главного тамошнего города Берды, разбили высланные против них войска и заняли этот город. Мусульмане, тамошние жители, собрались было против них; но опять были разбиты и обратились в бегство; потом правитель тамошнего края собрал против русов 30 000 войска, но также был разбит; и русы довольно долго владели Бердой и оттуда

один раз сделали набег почти до Тебриза. Но излишнее употребление плодов произвело между русами заразительную болезнь, от которой много их погибло. Тамошний правитель, пользуясь таким обстоятельством, снова напал на русов и после жестокой битвы принудил их запереться в Бердайской крепости, здесь болезни еще более их ослабили; и они, собрав лучшее имущество, удалились, и их никто не смел преследовать. Дальнейшая судьба этой русской вольницы нам неизвестна; мы не знаем, добрались ли они домой или погибли на обратном пути, как это нередко случалось с новгородскими повольниками или ушкуйниками.

Между тем мир, заключенный Игорем в устьях Дуная, вскоре оказался неудовлетворительным, и греческие императоры отправили своих послов в Киев заключить новый мирный договор; Игорь же, переговорив с греческими послами, сам также отправил своих послов в Константинополь, которые и написали там новый договор. Основная и главная мысль этого нового договора состояла в том, что грекам хотелось сократить проезд рус-

ской беспокойной вольницы в Константинополь. Для этой цели настоящим договором было постановлено, чтобы послы и купцы русские, приезжающие в Константинополь, предъявляли от русского князя грамоту, сколько с ними отправлено кораблей, дабы грекам по грамоте было известно, что корабли пришли с миром, а не для грабежа; приехавших же без княжьей грамоты греки имели право взять и держать под стражею до тех пор, пока перепишутся о них с русским князем. Мало этого, греки включили в договор и другое ограничение: они потребовали, чтобы русы не только не нападали на корсунские города, состоявшие под покровительством греков, и не мешали корсунцам ловить рыбу в Днепровском устье, но чтобы русы и не зимовали в устье Днепра, в Белобережье, и у острова Св. Эльферия. Сии заботы греков, высказанные в договоре, ясно показывают, что недаром же в это время Черное море называлось Русским морем; ясно, что русская вольница тогда рыскала по Черному морю из конца в конец и не давала покоя ни грекам, ни их колонистам – корсунцам.

Отпустивши греческих послов в 945 году, Игорь, когда наступила осень, стал думать о походе на древлян, замышляя взять с них большую дань. Ходить за сбором дани с побежденных племен в то время было обычным делом у русских князей, и они для этого каждую осень отправлялись с дружиною к тому или другому племени. Но, кажется, устаревший Игорь давно уже этим не занимался сам, а посылал своего воеводу Свенельда, имевшего свою дружину отдельно от Игоревой. А по сему Игорева дружина, завидуя Свенельдовой дружине, стала говорить князю: «Отроцы Свенельди изоделися оружием и платьем, а мы наги, пойди Княже с нами в дань, да и ты добудешь и мы». Игорь послушал дружины, отправился за данью в Древлянскую землю, начал там делать большие грабежи и насилия и, собрав столько дани, сколько никогда не собиралось с Древлянской земли, поворотил уже назад к Киеву; но на дороге раздумал и, сказав дружине: «Ступайте с данью домой, а я похожу еще», сам с немногими дружинниками снова пошел грабить. Древляне, услышавши об этом, составили со своим князем Ма-

лом думу и рассудили, что «ежели волк повадится к овцам, то потаскает все стадо, ежели его не убьют; так точно и сей, ежели его не убьем, всех нас погубит». И послали сказать Игорю: «Ты побрал всю дань, зачем же идешь опять». Но Игорь их не послушал, и древляне, вышедши из своего города Коростеня, убили Игоря и малочисленную дружину его и похоронили под Коростенем.

В то время как древляне убили Игоря, сын его Святослав был еще малолетен и находился в Киеве при своей матери Ольге. Ольга, по русскому обычаю, заступила место покойного мужа и стала править Киевом и всею Русью; она воспитание сына поручила одному дружиннику Асмуду, как это обыкновенно делалось в тогдашнее время и на Руси, и в Скандинавии, а воеводой, т. е. предводителем княжьей дружины, назначила Свенельда, известного уже покорителя тиверцев и уличей.

Древляне, убивши Игоря, порешили на своем вече так: «Вот мы убили русского князя, возьмем жену его за своего князя Мала, а с Святославом сделаем, что захотим». Принявши такое решение, они отправили к Ольге 20

человек лучших мужей, которые, пришедши в Киев, сказали Ольге: «Послала нас Деревская земля с таким наказом: мы убили твоего мужа за то, что он был, как волк, хищник и грабитель, а наши князи добры, распасли Деревскую землю, пойди за нашего князя Мала». Ольга на это отвечала: «Мне люба ваша речь, мне уже не воскресить своего мужа» – и велела им прийти на другой день; и когда те явились на другой день, то велела их бросить в приготовленную яму и зарыть в ней живых; а в Древлянскую землю послала сказать, чтобы прислали новых послов, самых лучших мужей, держащих землю; и когда те пришли, то пригласила их в баню и велела там сжечь. Потом собравши дружину, сама отправилась в Древлянскую землю, наперед пославши сказать древлянам, чтобы они наварили побольше меда для отправления тризны по Игорю. И когда это было сделано, то, прибывши с небольшою дружиною на могилу Игоря, Ольга приказала насыпать на могилу большой курган и потом стала угощать древлян, когда же те понапились, то сказала своим, чтобы изрубили пировавших, где их и перерезали

5000 человек, а сама воротилась в Киев.

На другой год по смерти Игоря Ольга, как говорит предание, набрала многих и храбрых воев и вместе с сыном своим Святославом пошла в Деревскую землю. Древляне, узнавши об этом, собрались всею землею и выступили против Ольги. Когда обе рати Ольгины и древлянская сошлись вместе, то малолетний Святослав, уже сидевший на коне, первый бросил в неприятелей копьё, которое, пролетев между ушей коня, пало под ноги. Вслед за тем Асмуд и Свенельд крикнули воинам: «Князь уже начал, дружина не выдавай». Дружина на зов вождей отвечала сильным натиском, и битва кончилась в пользу киевской княгини; разбитые древляне побежали и затворились по городам, которые скоро сдались; один только Коростень, осажденный самою Ольгою, оборонялся целое лето, но и этот город наконец пал. Ольга при сем употребила следующую хитрость. Она после продолжительной осады вступила в переговоры с коростенцами и потребовала вместо дани по три голубя и по три воробья от каждого двора, обещая затем удалиться в Киев. Коростен-

цы, обрадованные таким легким требованием, выслали с двора по три голубя и по три воробья; Ольга же раздала воробьев и голубей своим воинам и приказала, чтобы они, привязавши в птицам зажженный трут в тряпках, выпустили их в сумерки. Выпущенные воробьи и голуби полетели в свои гнезда и зажгли город; жители, не имея возможности тушить пожар, охвативший весь город зараз, бросились вон из города и были взяты воинами Ольги. Ольга старейшин города взяла себе, а прочих людей – иных приказала избить, других отдала в рабство своим дружинникам, а остальных обложила тяжкою данью и две части этой дани приказала собирать на Киев и одну на Вышгород; потом вместе с сыном и дружиною пошла по Древлянской земле, уставляя везде уставы и уроки, т. е. привела Древлянскую землю в совершенную покорность и зависимость от киевского князя, и уничтожила тамошнее независимое управление.

Устроивши Древлянскую землю по-своему, Ольга возвратилась в Киев и прожила там лето, а на другой год, т. е. в 947 году, отправи-

лась в Новгородский край и учредила там по Мсте погосты и дани и по Луге оброки и дани. Это путешествие, так же как и древлянское, надолго осталось памятным в народе и указывает, что Ольга успела несколько изменить отношения Киевского княжества к Новгороду и сумела вытребовать у новгородцев в свое владение земли, лежащие по Мсте и Луге.

После новгородского путешествия Ольга возвратилась к сыну своему Святославу в Киев и прожила там одиннадцать лет; потом в 958 году, с большою свитою в сопровождении купцов и посланников от русских князей подручников, отправилась в Константинополь. В Константинополе она была принята тамошним императором с большими церемониями, два раза обедала с императором и императрицею и, прожив там более трех месяцев и принявши святое крещение от тамошнего патриарха, возвратилась в Киев. Возвратясь домой, Ольга старалась обратить к христианству и сына своего Святослава; но тот не думал менять своей языческой веры и на все убеждения матери отвечал одно: «Как я приму другой закон, дружина будет смеяться». Он даже

иногда гневался на мать, когда она не переставала его убеждать.

И действительно, Святославу мудро было переменить веру: он совсем не тем был занят; воспитанный воинственным Асмудом, он только и думал о войне и храброй дружине, его тянуло на восток за Днепр, где много было противников, не знавших власти русского князя. Не зная ни обозов, ни котлов, легкий, как леопард, не возивший с собою шатров, спавший под открытым небом, сам жаривший на углях себе пищу, Святослав был окружен такою же храброю и неприхотливою дружиною и, постоянно занятый войною, посылал к соседним народам, объявляя им, что хочет на них идти. Он два раза ходил на вятичей в их непроходимые леса, куда до него еще не проникал ни один русский князь, разбил в Придонских степях грозного кагана хазарского и взял его крепкий город Белую Вежу, даже доходил до Кавказских гор и победил живших там сильных ясов и касогов. Сии походы Святослава продолжались три года и обогатили его дружину большою добычею.

Потом константинопольский император

Никифор Фока прислал к Святославу посланников просить помощи у русского князя против дунайских болгар, предлагая за это несколько пудов золота. Святослав, довольный таким приглашением и взявши золото, немедленно начал готовиться в поход, собрал дружину, приготовил лодьи и в 967 году, спустившись вниз по Днепру, обычным Русским путем добрался до Дуная. Болгары, узнавши об этом, вышли к нему навстречу с тем, чтобы не допустить его воинов к высадке на берег; но дружина Святославова, накрывшись щитами, пошла на пролом, смяла болгар и начала брать тамошние города один за другим. Болгарский царь Петр с горя умер; и Святослав, не встречая сопротивления, занял почти всю Болгарию и засел княжить в тамошнем главном городе Переяславце.

Но недолго пришлось Святославу оставаться в Переяславце Болгарском. Печенеги в его отсутствие осадили Киев, Ольга с своими внуками, детьми Святослава, заперлась в городе и была доведена до такой крайности, что киевляне, томимые голодом, думали уже сдать и решились на последнее средство изве-

стить как-нибудь воинских людей, стоявших на противоположном берегу Днепра, под начальством воеводы Претича. Для этого киевское вече кликнуло клич, не выищется ли кто охотник перебраться на другой берег и известить стоявших там людей, что ежели они к утру не приступят к городу, то Киев сдастся печенегам. На этот клич выискался один молодой человек и сказал вечу: «Я переберусь»; и вече сказало ему: «Иди». Взявши в руки конскую узду, он вышел из города и пошел в стан печенежский, спрашивая по-печенежски: «Не видал ли кто моего коня». Печенеги, считая его своим, свободно пропустили к реке; и он, сбросивши с себя платье, переплыл на другой берег и объявил тамошним воинским людям: «Мне наказано сказать вам, что ежели вы наутро не приступите к городу, то киевляне хотят сдать ся печенегам». Воевода Претич, услышавши такую речь, сказал своим: «Завтра подступим в лодьях и, подкравшись, увезем из города княгиню и княжичей, а ежели этого не сделаем, то Святослав погубит нас». И на другой день на солнечном восходе русские лодьи с шумом и с трубным звуком отчалили

от берега и поплыли к Киеву; киевляне, заметив это, откликнулись радостными криками; печенеги же, думая, что воротился Святослав, побежали от города; но, одумавшись, воротились назад, и печенежский князь сам явился спросить, кто подошел к городу, не князь ли Святослав; на что Претич отвечал: «Пришел я, муж Святославов, с передовым полком, а Святослав идет за мной, и с ним большая рать». Печенежский князь предложил Претичу мир, и они в знак мира подали друг другу руку и обменялись оружием. После чего печенеги отступили от города.

Киевляне, освободившись от грозившей беды, немедленно послали гонцов к Святославу с таким наказом: «Княже! Ты ищешь и бережешь чужую землю, а свою бросил; и нас и твою мать и твоих детей едва не взяли печенеги; и ежели не придешь и не защитишь нас, то они опять придут и возьмут нас; неужели тебе не жаль ни своей отчины, ни своей престарелой матери, ни детей». Святослав, получивши такую весть, немедленно сел на коней с своею дружиною и прибыл в Киев, ударил на печенегов, разбил их и про-

гнал в степи. Но не жилось Святославу в Киеве; он начал говорить матери своей и боярам: «не любо мне жить в Киеве, хочу жить в Переяславце на Дунае, там среди моей земли, туда сходятся все богатства, – от греков золото, дорогие ткани и вина и различные плоды, от чехов и угров серебро и кони, из Руси меха, воск, медь и невольники». Ольга на это отвечала ему: «Видишь, я больна, и куда же хочешь идти от меня, сперва похорони меня, а там и ступай куда хочешь». Впрочем, мать недолго останавливала Святослава: она через три дня скончалась. Ее похоронили как христианку на месте, которое она сама указала; и сын и внуки и весь Киев провожали ее до могилы с великим плачем; но по ее наказу не смели на ее погребении творить языческой тризны, ее отпевал бывший при ней христианский священник.

Похоронивши мать, Святослав начал готовиться к походу на Дунай в Болгарию и перед походом назначал в свое отсутствие управителями и князьями своих сыновей: Ярополка в Киеве, Олега в земле Древлянской. В это же время пришли послы из Новгорода и проси-

ли, чтобы он дал князя и новгородцам, грозя в противном случае отыскать себе князя на стороне. Святослав, зная, что князьям тесно жить в вольном Новгороде, сказал им: «Да кто к вам пойдет». И действительно, Ярополк и Олег отказались от чести быть новгородскими князьями; тогда Добрыня Любчанин, дядя по матери младшему Святославу сыну Владимиру, рожденному от Ольгиной ключницы Малуши, сказал новгородцам: «Просите Володимира». Те и сказали Святославу: «Дай нам Володимира». Святослав в ответ на это сказал: «Берите его, этот князь по вас». И взяли новгородцы Владимира и повезли к себе; с ним поехал в Новгород и Добрыня.

Святослав, отпустивши Владимира, сам собрав войско, отправился в Болгарию, как к свою область; но когда он подошел к Переяславцу, то болгаре затворились в городе. И началась страшная сеча; болгаре стали уже одолевать русских своею многочисленностью, день уже клонился к вечеру, а битва не прекращалась. Святослав, желая воодушевить своих воинов, повел к ним такую речь: «Братья, дружина! Нам уже пасть здесь, будем же

биться мужески». Дружина по зову князя действительно стала биться мужески, и болгары были разбиты наголову, и Переяславец взят приступом.

Но Святославу и на этот раз не посчастливилось прочно утвердиться в Болгарии. Греческий император Иоанн Цимисхий, заступивший место Никифора Фоки, лишь только получил известие о занятии Святославом Переяславца, отправил к нему посольство с требованием, чтобы русские немедленно оставили Болгарию, обещая за это заплатить Святославу столько же денег, сколько получил он в первый раз от императора Никифора, и грозя в противном случае походом самого императора в Болгарию. Святослав на это отвечал: «Зачем трудиться императору, мы сами придем к нему и выгоним из Константинополя». И вслед за тем, по своему обычаю, послал сказать грекам: «Хочу идти на вас и взять ваш город так же, как взял Переяславец». После сего у Святослава началась война с греками, сперва довольно для него удачная; Святослав разбил и прогнал высланных против него двух знаменитых греческих полководцев, беспре-

пятственно вступил в пределы Греческой империи, стал брать город за городом и таким образом дошел до Адрианополя. Но когда выступил против него с новыми многочисленными войсками сам император Иоанн Цимисхий, то дело переменилось не в пользу русских. Святослав, понадеявшись на свою до тех пор непобедимую храбрость, имел неосторожность не занять балканских проходов в Болгарию и беспечно распустил свои войска по городам; такую оплошностью Цимисхий воспользовался вполне, он быстро провел свои войска балканскими ущелиями и прямо устремился к Переяславцу. Сидевшие в Переяславце русы дали грекам жесточайшее сражение, но, подавленные многочисленною греческою конницею, принуждены были отступить в город; затем последовал приступ, и хотя русские, защищая город, показали чудеса храбрости, долго резались с греками в тесных улицах и защищали каждый дом, но, тем не менее, подавленные многочисленностью неприятелей, принуждены были оставить город и, пробившись сквозь греческие войска, успели уйти в Доростол и там соединились со

Святославом. Взявши Переяславец, Цимисхий сам двинулся к Доростолу, Святослав вышел к нему навстречу и дал жестокую битву, которая продолжалась целый день. Русские, покрытые огромными щитами и вооруженные длинными копьями, стояли как живая стена; греки несколько раз старались прорвать эту живую стену, но постоянно были отражаемы с большим уроном; наконец, при самом заходе солнца, Цимисхий собрал всю свою конницу и пустил ее на русских, этого последнего дружного натиска русские не выдержали и после страшной резни, стоившей дорого той и другой стороне, отступили и заперлись в Доростоле. На другой день император повел войска на приступ, но приступ был отбит, и началась осада Доростола, продолжавшаяся три месяца; русские первое время делали вылазки чуть не каждый день и много вредили грекам; но когда Цимисхий успел загородить все дороги к подвозу припасов в город, то осажденных стал одолеваеть голод; и Святослав, видя малочисленность оставшейся дружины, послал просить мира. Цимисхий с радостью принял Святославовых посланников и отпра-

вил к нему своих послов с дарами. Святослав, приняв дары, собрал на совет свою дружину и сказал ей так: «Ежели не сотворим мира с царем, а царь узнает, что нас мало, что запрет нас в городе, а Русская земля далеко, а печенегы с нами в войне, кто нам поможет? Сотворим лучше мир с царем, вот они уже прислали к нам дань, с нас довольно и этого; а не будут исправно платить дани, то мы снова соберем войско и двинемся из Руси прямо к Царьграду». Речь князя полюбилась дружине, и выбрали лучших мужей и отправили послами к царю. Царь принял посланников, выслушал условия мира и приказал с их слов писать грамоту, в которой Святослав за себя и за всю Русь клялся иметь мир и совершенную любовь с греческими императорами, ни самому не замышлять войны, ни других не приводить ни на греков, ни на корсунидов, ни на болгар; а император с своей стороны клялся не препятствовать русским возвратиться домой, снабдить их хлебом на дорогу и хранить нерушимо прежние договоры греков с русскими относительно торговли.

Заклучив мир с греками, Святослав с

оставшиеся малочисленною дружиною сел в лодьи и Дунаем вышел в море, потом обычным Русским путем, вступив в устья Днепра, направился к Днепровским порогам. Между тем печенеги, уведомленные болгарами, засели около порогов и загородили дорогу. Святослав воевода старик Свенельд советовал князю обойти пороги на конях; но Святослав не послушал совета и, не имея возможности пробиться сквозь толпы печенегов, остался зимовать в Белобережье, где дружина его терпела такой страшный голод, что по полугривне платили за лошадиную голову. С наступлением весны Святослав опять пустился в пороги; но там его по-прежнему ждали печенеги, и, пробиваясь сквозь их толпы, Святослав погиб с большею частью своей дружины, только со слабыми остатками ее Свенельд успел пробраться в Киев. Из Святослава черепа печенежский князь Куря сделал чашу и пил из нее, торжествуя свою победу.

Весть о смерти Святослава развязала руки его сыновьям, они теперь из отцовских посаженников сделались самостоятельными и независимыми князьями: Ярополк – в Киеве

и всем Приднепровье, Олег – в земле Древлянской и в соседних русских владениях и Владимир – в Новгороде. Но независимые князья-братья недолго оставались в согласии: в 972 году был убит Святослав, а в 977 году уже началось междоусобие его сыновей. Ярополк, сильнейший из них, к которому пришли и остатки отцовской дружины вместе со Свенельдом, первый напал на брата своего Олега по совету Свенельда, который мстил Олегу за то, что тот однажды на охоте убил его сына Люта. Олег встретил брата готовый к битве, но был разбит в сражении под Овручем и, спасаясь бегством в Овруч, погиб, будучи столкнут с моста в городской ров; и Ярополк завладел Древлянской землею. Владимир Новгородский, получив весть об убиении Олега, боясь того же и себе, бежал к варягам за море; Ярополк же послал своих посадников в Новгород и таким образом один сделался князем всей Руси и около трех лет владел всею вотчиною своего отца.

Между тем Владимир, бежавший к варягам, искал охотников между варяжскими удальцами, которые бы помогли ему воро-

титься на родину и отнять владения у брата; таких удальцов, охотников повоевать на чужой стороне, между варягами были всегда много. И Владимир, прожив у варягов слишком два года и собрав там порядочную дружину вольницы, воротился в Новгород и сказал тамошним Ярополковым посадникам: «Идите к брату моему и скажите ему: Владимир идет на тебя, готовься биться с ним»; потом послал сказать одному варяжскому князю Рогволоду, княжившему в Полотске: «Князь Владимир хочет жениться на твоей дочери Рогнеде»; но Рогнеда, спрошенная отцом, велела сказать Владимиру: «Я не хочу разуть сына рабыни, хочу за Ярополка». После такого ответа Владимир, присоединив к своей варяжской дружине охотников из славян, чуди и кривичей, отправился на Рогволода и прибыл в Полотскую землю в то самое время, как Рогнеду собирались везти в Киев за Ярополка. Рогволод, по варяжскому обычаю, вышел со своими сыновьями биться с Владимиром, но был разбит и убит, и с ним вместе были убиты и два его сына, а Рогнеду и всю землю Полотскую Владимир взял себе.

Счастливо управившись с князем Полотским, Владимир быстро двинулся к Киеву и сумел прийти туда так скоро, что Ярополк, не успевши приготовиться, не решился вступить в битву и заперся в крепком Киеве. Владимир, не надеясь взять Киев приступом, обрылся, став лагерем около города, и начал тайно сноситься с Ярополковым воеводою Блудом, обещая ему большие милости, ежели поможет убить Ярополка. Блуд, польстясь на большие обещания, дал слово помогать Владимиру и так ловко повел это дело, что, застрадав Ярополка небывалою изменою киевлян, убедил его бежать в городок Родню на устье Роси поближе к печенегам. Ярополк послушал изменника и удалился в Родню; и Владимир беспрепятственно вступил в Киев. Сидя в Родне, Ярополк был доведен до такой крайности, что ему оставалось умереть голодною смертью со всею дружиною, или бежать к печенегам, или просить милости у Владимира. Один из дружины, по имени Варяжко, советовал Ярополку бежать к печенегам и при их помощи воевать с братом; но Ярополк опять послушал изменничьего сове-

та Блуда и пошел просить милости у Владимира и когда входил в теремный дворец Святослава, где тогда жил Владимир с дружиною, то по его приказанию в самых дверях был заколот двумя варягами. По убиении Ярополка Владимир взял себе и его жену грекиню, которая была уже беременна и впоследствии родила Святополка, который в летописи потому и назван сыном двух отцов. Таким образом Владимир, подобно деду и отцу, сделался государем и князем всей Русской земли, всех владений своих предков.

Рассказ третий. Русская земля при первых варяжских князьях

Мы видели уже, что Рюрик с братьями быть приглашен в Новгород добровольно с тем, чтобы судить и рядить по исконным новгородским обычаям и правам, также добровольно был принять в Смоленске, Киеве и других сильных городах преемник Рюриков Олег, и также по добровольному согласию княжили Игорь, Ольга, Святослав и Ярополк. Все они судили и рядили по исконным обычаям и правам народным и для суда и расправы сажали своих посадников по городам, и каждый город, признавший над собою суд и управу князя, платил князю известную условленную дань; и для сбора этой дани каждую осень князья или сами ездили по городам и областям, или посылали своих дружинников, таковой объезд по тогдашнему назывался полюдьем. Князьям также были уступлены некоторые земли и угодья, с которых они пользовались доходами, как частные соб-

ственники; но тогдашние князья мало обращали внимания на уступленные им земли, а больше думали о походах на соседние непокорные племена, где им было приволье и показать свою удаль, и пограбить. Княжие дружинники, состоявшие из сброда варяжской и русской вольницы, даже не заботились о получении каких-либо земель и владений, а думали только о походах и грабежах с князем и без князя; к Русской земле они никак не принадлежали и состояли только на службе у князя, получая от него жалованье или пользуясь доходами с областей, порученных им от князя, так, например, Игорь отдал Свенельду дань с уличей и тиверцов. Князь и дружина были сами по себе, а городская и сельская земщина была сама по себе. Все войны и походы князей преимущественно производились дружинниками, и земцы, нередко принимавшие в них участие, составляли только вольницу, присоединявшуюся к княжьей дружине. Князь обыкновенно перед походом делал клич, сзывал охотников показать свою удаль и пограбить, и по этому зову вольница собиралась и примыкала к княжьей дружине

по своей охоте. Собственно же как обязанность военную службу несли земцы только в случае нападения какого-либо неприятеля на Русскую землю; тогда земщина поднималась своими полками и под начальством своих воевод соединялась с князем и его дружиною, чтобы общими видами отразить неприятеля. Так, например, все войны с печенегамы были ведены заодно и княжъею дружиною и земщиною; но войны князей друг с другом нисколько не касались земщины и велись или одною княжъей дружиной, или при помощи вольницы или наемных варягов и печенегов. Так, по смерти Святослава Ярополк ходил на Олега с одною своею дружиною, а равно и Олег сражался с Ярополком также одною своею дружиною; и когда Олег был убит, то древлянская земщина без сопротивления приняла Ярополка. А также и новгородцы, когда убежал от них Владимир, мирно приняли посадников, присланных Ярополком; но и не защищали сих посадников, когда Владимир возвратился с варяжскою дружиною.

Владимир пошел на Рогволода и Ярополка также только со своею дружиною и вольни-

цею; Рогволод и Ярополк защищались против Владимира тоже только одною своею дружиною, и Варяжко советовал Ярополку поднять печенегов; но ни полотская, ни киевская земщина здесь не принимали участия, и когда Рогволод был убит, а Ярополк бежал из Киева, то полочане и киевляне без сопротивления признали власть Владимира. Для тогдашней русской земщины было все равно, кто бы ни княжил из русских князей, только бы княжил хорошо, и не обижал земцев, и умел справляться с внешними неприятелями. Вообще тогдашняя земщина старалась держать себя в стороне от княжеских предприятий; и сами князья не рассчитывали на нее и опирались собственно на свою дружину и вольницу, которой тогда было вдоволь и которая охотно шла за храбрым и предприимчивым князем куда бы то ни было, ибо она и без князя неохотно сидела дома. Во всех дошедших до нас договорах с греками мы находим постоянные хлопоты греков, чтобы как-нибудь удержать русскую вольницу, которая не только грабила греческие колонии на северном берегу Черного моря, но не давала покоя гре-

кам и в самом Константинополе.

Самое управление князей и их посадников в то время было далеко не самовластным; тогда рядом с властью князя или посадника стояла власть земщины в лице выборных старост, зависевших не от князя, а от народного вече. Даже в договорах с иноземцами земщина принимала деятельное участие; так, посланники отправлялись не от одного князя, но и от всей Русской земли; например, в Олеговой договорной грамоте о послах сказано: «Которые посланы от Олега Великого князя Русского и от всех сущих под рукою его светлых бояр и от всей Руси». Или в Игоревой грамоте русские послы говорят: «Великий князь наш Игорь и бояре его и все русские люди послали нас к великим греческим царям сотворить мир». Русские князья, Рюрик, Олег, Игорь и Святослав, заботились только о распространении владений платящих им дань, а не о увеличении своей власти; они даже оставляли старых племенных князей в покоренных племенах, обязывая их только быть своими подручниками. О таких подручных князьях упоминает Олегова грамота, в кото-

рой сказано: «И вы греки храните любовь к князьям светлым нашим русским ко всем, которые под рукою светлого князя нашего». Вообще власть князя тогда ограничивалась судом и управою; о чем же о другом князья и не думали; им выгоднее было заниматься набегами на ближних и дальних соседей, которые доставляли им и славу и добычу, чем хлопотать об увеличении своих доходов с Русской земли и тем раздражать против себя земцев; им Русская земля нужна была только для отдыха, для прокорма, пока не выискался случай сделать набег на соседа. Святослав даже думал вовсе оставить Русскую землю и переселиться в Дунайскую Болгарию, в которой ему представлялось больше выгод и удовольствий, где жители были посмирнее и поработнее, чем на Руси, в которой были и такие места, как Новгород, куда и княжить-то шел не всякий князь. Князь и дружина, большею частью принимаемые без сопротивления по всей Русской земле, в то время еще нигде не могли утвердиться прочно и не только почти не имели влияния на туземное население, но даже сами до некоторой степени подчиня-

лись влиянию туземцев-славян. Дружина, приведенная в Новгородскую землю Рюриком, имела довольно цельный состав, она состояла из варягов-руси и потому могла бы иметь влияние на новгородцев; но на деле она не имела влияния потому, что быт пришедшей руси и быт новгородцев были почти одинаковы, да и притом варяго-русские отряды, посланные Рюриком по разным городам Новгородской земли, были слишком малочисленны, чтобы иметь влияние на туземцев: им только впору было поддерживать власть князя. А по смерти Рюрика, когда Олег перебрався на юг в Приднепровье, влияние варяго-русской дружины в новгородских владениях было еще менее возможно; ибо Олег взял с собою наибольшую часть дружины. А беспрепятственные походы Олега на соседние племена в Приднепровье произвели то, что собственная дружина князя стала пополняться славянскими охотниками, следовательно, варяго-русское влияние и там, несмотря на присутствие самого князя, слабело год от года. А о преемниках Олега и говорить уже нечего: при них дружина, как варяжский элемент в русском

обществе, потеряла почти всякое значение, хотя в то же время она, как орудие княжеской власти, была в большой силе и резко отделялась от земщины и продолжала иметь свое особое устройство, не похожее на устройство земщины. Но и в этом отношении влияние дружины на земщину не могло быть сколько-нибудь значительным, ибо дружина тогда еще не имела поземельных владений, да и не заботилась иметь их, увлекаясь легкостью и богатством добычи в военных походах, и притом она состояла из сброда вольницы с разных сторон, и сброда самого разнохарактерного и не имевшего ничего общего, кроме княжьей службы и жажды к грабежам и войне. Все это ставило дружину особняком от земщины. К тому же полная свобода каждого дружинника оставить княжью службу по собственному личному усмотрению сообщала дружине какой-то подвижной полукучевой характер, сильно ослаблявший значение дружины в отношении к земщине. Единственной точкою сближения земцев с дружинниками, мимо княжьей службы, была торговля, в которой принимали деятельное участие как

князя с дружинниками, так и земцы, и особенно торговля заграничная, которую преимущественно любили дружинники, потому что она в то время во многом походила на войну. Но торговля не была единственным промыслом земцев, — они еще занимались разными видами земледельческой промышленности и ремеслами, в которых дружинники вовсе не принимали участия; следовательно, и с этой стороны сближение дружинников с земцами не могло быть значительными. Дружинники здесь сближались только с теми земцами, которые вели торговлю, и преимущественно заграничную; и в торговле дружина действительно много помогала земцам, ибо и земцы, и дружинники ходили в одних караванах, и в случае нападения на караван каких-либо неприятелей боевая храбрость и ловкость дружинников приносила большую помощь; впрочем, и здесь помощь дружинников была важна только для южных торговцев, более мирных; напротив, новгородцы едва ли нуждались, у них свои невольники не уступали ни в отваге, ни в ловкости никаким дружинникам.

Славянские племена на Руси, признавшие над собою власть Рюриковичей, при Рюриковичах жили и управлялись по-прежнему. В которых племенах прежде были свои князья, в тех и при Рюриковичах оставались их прежние князья, только с условием быть подручниками киевского князя; а напротив, племена, прежде управлявшиеся вече, и при Рюриковичах управлялись вече же; впрочем, с них не снималось воли иметь и отдельных выборных князей, состоящих под рукою киевского князя. Так, новгородцы выпросили себе в князья Святославова сына Владимира, полочанами был принят варяжский князь Рогволод, у туровцев был князем также варяг – Тур. Но в общей жизни славянских племен на Руси с прибытием Рюриковичей последовало то важное изменение, что племена, особенно на юге, в Приднепровье, прежде жившие отдельно и даже иногда враждебно друг к другу относившиеся и ничего не имевшие общего между собою, с прибытием Рюриковичей стали иметь одного общего князя Киевского. Киев, старший город только между городами одного племени полян, с прибытием Олега сде-

лался матерью всех городов русских. И таким образом между разрозненными прежде племенами зародилась хотя слабая связь, образовалось понятие об общей Русской земле, которая к концу жизни Святославовой охватила собою все племена славянские, имевшие свои поселения по всему течению Днепра от его верховий до устья Роси, и большую часть славянских племен, живших на восток и запад от Днепра; вследствие чего явилась возможность общей защиты от внешних неприятелей, если бы таковая понадобилась, и, что всего важнее, южные племена без больших хлопот освободились от дани хазарам и получили возможность удачнее защищаться от новых соседей кочевников печенегов. Киев со времени водворения в нем Олега стал быстро расти и богатеть и скоро сделался не только соперником Новгорода, но по торговле оставит и Новгород позади себя; иностранцы даже стали его называть в этом отношении соперником Константинополя. Самое население Киева с этого времени получило иной характер. В прежнее время Киев, собственно, был населен полянами; с Олегова же времени

он сделался главным местопребыванием сбродной княжеской дружины; кроме того, здесь появились слободы или улицы из иноплеменников, торговавших через Киев, таковы Хазарская или Жидовская, Лядская и, вероятно Греческая, Новгородская и другие; в Киев, по словам Константина Порфирородного, ежегодно стекались торговцы из Новгорода, Смоленска, Любеча, Чернигова и других русских городов, и киевские русы ходили уже для торга в Грецию, Камскую Болгарию, Хазарию и Ширван. Новое развитие киевской торговли, с утверждением там Рюриковичей, естественно, немало способствовало развитию торговли и в других русских городах, которые с признанием общей власти русского князя, жившего в Киеве, приобрели более свободный доступ к участию в киевской торговле; да и вообще расширение киевской торговли влекло за собою расширение торговли и в других торговых городах; так, большой прилив греческих товаров в Киев давал возможность новгородцам, смольнянам и полочанам запасаться большим количеством их товаров для перепродажи их немцам и другим наро-

дам на северо-запад Европы в прибалтийских пристанях и, в свою очередь, доставлять в Киев большее количество товаров из Северо-Западной Европы и из своих северных колоний, которые перепродавались киевлянами в Грецию. Вообще торговля как в южных, так и северных городах Руси с прибытием и утверждением там княжеского дома Рюриковичей получила значительное расширение; по крайней мере, мы с этого времени имеем о ней более известий у тогдашних иноземных писателей, что подтверждают и договоры Олега и Игоря с греками, в которых русские преимущественно заботятся об удалении препятствий к торговле с греками.

Быстрое развитие торговли в Киеве и наплыв в этот город разных иноплеменников то для княжьей службы, то из торговых выгод произвели то, что языческая религия киевских славян лишилась своего прежнего господствующего значения в народе, так что в Киеве уже при Игоре между жителями было множество христиан и даже христианские церкви; так, при заключении мира с греками в 945 году между Игоревыми посланниками в

Константинополь были и христиане. А когда Игорь при греческих послах в Киеве утверждал мирный договор клятвою, то в летописи сказано, что сам Игорь с своими людьми, сколько при нем было язычников, ходил на холм, где стоит кумир Перунов, а там клялись перед Перуном, клали свое оружие, щиты и золото; а те из русов, которые уже были христианами, ходили для клятвы в церковь Св. Илии, которая была соборною церковью в Киеве, ибо, по словам летописи, между варягами тогда уже много было христиан. При Ольге, которая сама приняла крещение в Константинополе, христианство, конечно, еще более распространилось в Киеве и, вероятно же, было сокращено и при Святославе, который хотя смеялся над христианами, но никому не запрещал креститься. Но, конечно, так было только в Киеве и, может быть, в соседнем Приднепровье; а напротив, в Новгороде, Смоленске и других северных городах языческая вера была не только господствующею, но и, вероятно, единственною верой.

Рассказ четвертый. Владимир и Ярослав

Владимир сделался великим князем Киевским, когда ему было едва ли 18 лет от роду, и за него и его именем всеми делами управлял его воспитатель и дядя по матери Добрыня Любчанин, который, как истый туземный славянин, воспитанный в славянских обычаях, не очень жаловал буйных варяжских дружинников; ему хотелось, чтобы его племянник – князь был окружен дружиною из туземцев, а не из иноземцев и чтобы он любил и жаловал земщину и дорожил ею более, чем сбродною дружиною. А поэтому когда буйные варяги, пришедшие с Владимиром и Добрынею из Скандинавии, по занятии Киева сказали князю: «Киев наш, мы добыли его тебе, хотим иметь окуп с каждого киевлянина по две гривны», то Владимир, наученный Добрынею, отвечал им: «Пождите месяц, пока вам соберут деньги». Варяги, пождавши месяц, опять стали просить окупы, и когда Владимир опять не дал, то они сказали ему:

«Ты обманул, по крайней мере отпусти нас в Грецию»; на что Владимир отвечал им: «Идите». И выбрав из них лучших, смышленных и храбрых мужей, оставил у себя и роздал им города для управления; а остальных отпустил и, согласно с договором деда своего Игоря, отправил вперед грамоту к греческому императору, в которой написал: «Идут к тебе варяги, не держи их у себя в городе, они народ буйный, чтобы не наделали у тебя зла, как и у меня, а разошли их в разные стороны, а назад к нам не пускай ни одного».

Выпроводивши буйных варягов из Киева, Добрыня обратил внимание Владимира на языческих богов славянских, о которых мало думали прежние князья, занимавшиеся только военными походами и, вероятно, державшиеся не славянских, а скандинавских богов. Он посоветовал Владимиру для большого сближения с туземцами почтить особенным образом славянских богов; и Владимир, по его совету, приказал перед своим теремным дворцом поставить целый сонм славянских идолов, именно деревянный идол Перуна с серебряною головою и золотыми усами, идо-

лы Хорса, Дажбога, Симарглы и Мокоша. И рады были разноплеменные славянские язычники такому чествованию своих богов от молодого киевского князя, который первый из князей вспомнил о славянских богах, и стали приводить к дворцу княжескому своих сыновей и дочерей и приносить кровавые жертвы мнимым богам. Вскоре после сего Добрыня был отпущен в Новгород посадничать и, приехавши туда, поставил над Волховом также кумир Перуна и, там народ на радостях, что посадник почтил Перуна, стал приносить жертвы этому идолу как богу.

Пока Добрыня был при князе и занимался управлением, Владимир во все это время гулял и пировал с молодыми дружинниками, его столы ломились под жирными яствами и под сулеями или стопами разных вин и крепких медов, вещице певцы, по старому обычаю, складывали песни про старое былое, про князей и витязей и пели на княжих пирах; а по теремам княжеским сидели красные девицы и молодницы, до которых был большой охотник сладострастный и необузданный юноша князь. Летописец в это время насчитываете у

Владимира, кроме Рогнеды, которую князь посадил в сельце на Лыбеди, еще четыре жены, да наложниц триста в Вышгороде, триста в Белгороде и двести на Берестове. Но, отпустивши своего воспитателя Добрыню в Новгород, Владимир среди пиров и разгула придумал новый разгул своей удалой молодости – войну, и собрав дружину, пустился на запад от Киева в землю ближайших ляхов, и забрал там города Перемышль, Червен и другие; разрозненные, не соединившиеся еще путем племени ляхов не могли противостоять его удалой дружине, не знавшей, куда деться с своими молодыми силами, ибо к разгульному удалому князю повольники шли со всех сторон. Побивши ляхов, Владимир в то же лето ударился совсем в противоположную сторону на восток, и, перебравшись через Днепр, по следам отца, пустился в лесистую страну вятичей побить их, и принудил платить дань. Но, недовольный первым походом, на другое лето углубился еще далее в непроходимые леса вятичей и взял новую дань. Потом еще через год пустился воевать, через непроходимые леса и пущи литовские, по следам смолен-

ских и полотских повольников, в землю диких ятвягов, какого-то воинственного племени, каким-то образом поселившегося среди литовских племен и, вероятно, беспокоившего полотские и кривские колонии в Литовской земле. Этот поход Владимира был один из самых отчаянных и трудных, и только удаляя дружина удалого князя Киевского могла вынести его и воротиться домой с победою. Ибо хотя в этом краю по Неману и по другим рекам и были колонии полочан и кривичей, но тем не менее непроходимые болота и пущи, защищаемые диким и неукротимым племенем ятвягов, представляли неодолимые трудности дружине Владимировой; она должна была выбивать неприятелей из каждого леска или завала, где ятвяги бились насмерть, и только по их трупам можно было проникнуть в их жилища; в войне с ятвягами о покорности и мире не могло быть и слова, ятвягов можно было только бить и разорять. Но, несмотря на все препятствия, Владимир воротился в Киев победителем, опустошивши страшно землю Ятвяжскую.

Возвратившись в Киев, Владимир в благо-

дарность своим деревянным богам, будто вынесшим его из Ятвяжской земли не только целым и невредимым, но и с большою добычею, принес их кумирам киевским обильные жертвы; весь киевский народ участвовал в жертвоприношениях князя. Усердствуя своим мнимым богам, бояре и старцы киевские, не довольствуясь кровавыми жертвами разных животных, порешили на вече принести в жертву человека и сказали: «Мечнем жребий на отрока и на девицу, и на кого падет жребий, того зарежем богам». Как сказано, так и сделано, кинули жребий, и выпал жребий на одного молодого варяга, который пришел с отцом из Греции и уже исповедовал христианскую веру. Вече, вынувши такой жребий, отправило посланцев к отцу варяга, чтобы он выдал сына. Отец отвечал посланным: «Ваши боги не боги, а дерево, не дам сына своего бесам». Посланцы с сим ответом возвратились к вече. Народ, бывший на вече, бросился с оружием к двору, в котором жил варяг, и стал требовать, чтобы он выдал сына в жертву богам. Варяг отвечал: «Ежели ваши боги в самом деле боги, то пусть пошлют от себя одно-

го бога и возьмут моего сына, а вы зачем сюда пришли?» Раздраженный таким ответом народ бросился на варяга и его сына, и убил их на месте, и разнес их жилище, и тем кончились жертвоприношения Владимира за ятвяжский поход.

На другой год после ятвяжского похода Владимир опять устремился на восток от Киева в землю радимичей; но это племя так было слабо, что передовой Владимиров полк, предводительствуемый воеводою, по прозванию Волчий Хвост, встретив их на реке Пищане, разбил наголову и совершенно покорил киевскому князю. И на Руси в то время сложилось присловье в насмешку радимичам: «Радимичи-пищанцы волчья хвоста бегают». В следующий год Владимир пустился опять на восток, в поход самый дальний, дальше которого киевские князья еще не углублялось в эту сторону, именно в землю богатых крымских болгар. В этом походе участвовал и Владимиров воспитатель – новгородский посадник Добрыня с новгородцами. Владимир пустился Окою и Волгою на лодьях в новую, не знакомую ему сторону, попробовать свои силы про-

тив далекого богатого народа, о котором, конечно, много ходило толков в Киеве от бывших в Болгарии торговцев, и толки, по всему вероятно, были велики. Не об одном богатстве и торговле болгар доходили слухи до Владимира, ему, очевидно, много было наговорено и о могуществе этого богатого народа; ибо Владимир, отправляясь в болгарский поход, не удовольствовался своею дружиною и ратью новгородскою, но взял с собою и кочевых наездников-торков, живших в ближних степях на юг от Киева, и велел им идти за своими лодьями берегом. Болгары встретили Владимира и были разбиты. Но Добрыня отсоветовал князю продолжать поход, он сказал: «Я осмотрел пленников, они все в сапогах, это не такой народ, который бы платил нам дань, пойдем искать лапотников». И Владимир по этому совету Добрыни заключил с болгарами мир, и обе стороны дали друг другу клятву не воевать более; причем болгары сказали: «Тогда разве не будет между нами мира, когда камень почнет плавать, а хмель тонуть на воде». После чего Владимир возвратился в Киев. Неожиданное прекращение далекого похода

после первой же победы и по совету новгородского посадника ясно показывает, что поход этот был предпринят для новгородцев, которым нужно было задать острастку болгарам за какие-либо от них обиды, по соседству новгородских колоний с болгарами, и в то же время вовсе не было нужно, чтобы Владимир завладел Болгариєю или обложил Болгарию данью.

Удачные походы Владимира на запад и восток, а также походы его отца Святослава и равным образом деятельная торговля русских с Грециєю, Хазариєю, Болгариєю и по Балтийскому морю с Западною Европою далеко распространили славу о Русской земле; о ней еще при Святославе знали уже в Риме, и тамошний папа писал к одному чешскому князю, чтобы он не принимал священников и клириков христианских от русских, болгар, дунайских и греков. Эта слава о Русской земле, а также ласковость Владимира, его веселый нрав, привязанность к пирам и удовольствиям потянули в Киев множество чужеземцев с разных сторон, и между таковыми пришельцами стали являться к Владимиру и про-

поведники разных вер. И первые явились магометане-болгары, которые в последнем походе киевского князя на их землю, увидавши его силу в битвах, задумали поскорее преклонить его к своей вере. Еще сладострастному и молодому Владимиру магометанские послы первоначально очень понравились, он со сладостью слушал их рассказы о многоженстве и о магометанском рае с его гуриями-красавицами; но когда дело дошло до обрезания и до запрещения есть свиное мясо и пить вино, то это охладило его к магометанству, и он сказал проповедникам: «Руси есть веселие пити, не можем быть без того» – и с тем отпустил послов. Вслед за неудачною попыткою магометан пришли немцы, посланниками от римского папы, и начали хвалить свою веру, говоря: «Вера наша свет, мы кланяемся Богу, сотворившему небо и землю, звезды и месяц и всякое дыхание, а ваши боги дерево»; но и немцы не понравились Владимиру, и он отпустил их, сказав: «Отцы наши сего не приняли». За немцами явились жиды из Хазарии и стали выхвалять свою веру и порицать другие веры; Владимир, выслушавши их, сказал:

«Где ваша земля?» Они отвечали: «Во Иерусалиме». А там ли вы живете?» – спросил опять Владимир; на это проповедники сказали: «Бог разгневался на наших отцов и расточил их по странам». Тогда Владимир отпустил их с таким ответом: «Вы сами отвержены Богом и расточены и учите еще других, или хотите, чтоб и нас Бог отверг и расточил?» Наконец, пришел к Владимиру философ, присланный греками, начал порицать веры прежних проповедников и так занял князя своею проповедью, что Владимир вступил с ним в продолжительный разговор, в котором грек успел передать князю довольно подробно учение своей веры, начиная от сотворения мира, и наконец развернул перед Владимиром завесу, на которой был изображен Страшный суд, где праведники, стоящие одесную, представлены в веселии идущими в рай; а грешники, написанные ошуюю, – идущими в вечную муку. Такая картина сильно встревожила Владимира, и он, вздохнув, сказал: «Добро сим одесную и горе сим ошуюю». Грек, заметив это, покончил свою проповедь словами: «Ежели хочешь стать одесную с праведными, то кре-

стись». Владимир, еще не решившись окончательно, сказал: «Подожду немного» – и отпустил грека с богатыми дарами.

Отпустив проповедников, Владимир созвал начальных людей из дружины и земщины и сказал им: «Ко мне приходили и болгары, и немцы, и жидаы, и греки и хвалили каждый свой закон, особенно много говорил грек, и сказал, что есть другой свет и кто в их веру вступит, то по смерти восстанет и не умрет вовеки, а кто иной закон примет, тот по смерти на том свете будет гореть в огне. А что вы мне посоветуете, какой ответ дадите на это?» Бояре и старцы (начальные люди в дружине и земщине) отвечали: «Княже! Ты знаешь, что никто своего закона не хулит, а хвалит. А ежели хочешь узнать хорошенько, то имеешь у себя мужей, пошли их, пусть испытают, как кто служить Богу». Речь эта понравилась Владимиру и всем, и, избравши десять добрых и смышленных мужей, отправили их сперва к болгарам. Посланные, воротившись из Болгарии в Киев, рассказали, как магометане служат Богу, и нашли службу их омерзительною. Потом Владимир сказал им: «Идите к немцам

и оттуда к грекам». Посланные так и сделали, и когда пришли в Царьград, то тамошний император, узнавши, зачем они пришли, принял их с великою честью и на другой день велел патриарху устроить службу во всем величии, как в праздник, и осветить всю церковь. И когда все сие было устроено, то император сам отправился с русскими послами в церковь и велел их поставить на таком месте, чтобы их было видно все великолепие церковной службы. Посланникам греческая служба так понравилась, что они стояли в изумлении. После чего император отпустил их домой с богатыми дарами.

Когда послы воротились в Киев, то Владимир велел собрать бояр и старцев и сказал им: «Вот пришли мужи, посланные нами, послушаем, что они скажут». И послы начали говорить: «Были мы в болгарях и смотрели, как они поклоняются в своем храме; стоя без пояса, поклонившись, сядет и озирается по сторонам и как бешеный, и нет веселья в них, но печаль и смрад велик, нет ничего доброго в их законе. Были у немцев и видели в храмах их множество служб, а красоты никакой нет.

Но когда мы пришли к грекам и нас ввели туда, где они служат Богу, то мы не знаем, на небе ли мы были или на земле; нет на земле такого вида и такой красоты, и мы недоумеваем, что сказать, только одно знаем, что там Бог пребывает с людьми и служба греческая выше службы всех стран. Мы же не можем забыть такой красоты: ибо как всякий человек, вкусивши сладкого, уже не принимает горького, так и мы не можем остаться при прежней нашей вере». На такую речь посланных бояре сказали князю: «Ежели бы худ был греческий закон, то бабка твоя Ольга не приняла бы его, а она была мудрейшая из людей». Владимир сказал на это: «Где же принять крещение?» И бояре отвечали: «Где тебе любо».

Миновал год по возвращении послов в Киев, и Владимир отправился с войском на греческий город Корсунь, лежавший неподалеку от нынешнего Севастополя, в Крыму. Корсунцы затворились в городе, и Владимир стал со своим войском по заливу, в расстоянии от города на один выстрел. Корсунцы защищались крепко, но так же крепко осаждал город Вла-

дмир и послал сказать гражданам: «Три года буду стоять, ежели вы не сдадитесь». Но эта угроза не действовала, и Владимир приказал воинам обвести город валом. Наконец один корсунянин Анастас пустил в русский лагерь стрелу с запискою, в которой советовал Владимиру перекопать на восточной стороне трубы, через которые вода проходила в город; по этому совету трубы были перекопаны, и город, томимый жаждою, сдался. Владимир, взявши Корсунь, послал в Царьград сказать тамошним императорам: «Выдайте за меня сестру свою Анну, а ежели не выдадите, то я и с вашим городом сделаю то же, что с Корсунем». Императоры через посольство отвечали Владимиру: «Ежели ты крестишься, то мы выдадим за тебя свою сестру, а ежели не крестишься, то не можем выдать». Владимир сказал посланным: «Скажите царям, что я крещусь, ибо узнал уже прежде о вашем законе и ваша вера мне полюбилась». По этому ответу Владимира греческие императоры Василий и Константин отправили в Корсунь свою сестру царевну Анну; по прибытии царевны у Владимира заболели глаза, так что он ничего не

мог видеть; царица посоветовала ему креститься, чтобы получить исцеление. Владимир послушал совета, крестился и получил исцеление, и за ним, видевши чудо, крестились и многие дружинники; потом Владимир вступил в брак с царицею. После чего, взявши царицу, Анастасу, корсунских священников, мощи св. Климента и Фивы, церковные сосуды и иконы и возвративши Корсунь грекам, вместо мена за царицу, Владимир возвратился в Киев.

Возвратившись в Киев, Владимир немедленно велел уничтожить кумиры, которые побросать, которые рассечь, которые сжечь, а Перунов кумир приказал привязать к конскому хвосту и волочить с горы по Боричеву к реке и бить палками, а потом кинуть в Днепр, отталкивать от берега до порогов и за порогами бросить. Усердные язычники киевские взвыли, увидя такое поругание кумира Перунова; но, очевидно, таковых взывателей было немного. И когда Владимир в тот же день послал глашатаев по городу кликать: «Ежели кто завтра не придет к реке, богатый ли или убогий, нищий ли или работник, тот бу-

дет мне противен»; то народ с радостью принял такое приглашение, и люди говорили между собою: «Ежели бы это было не добро, то князь и бояре не приняли бы сего». И на другой день утром, когда Владимир со священниками вышел к реке, то уже там собралось бесчисленное множество народа: иные стояли в воде по шею, другие по грудь, дети около берега, а младенцев держали взрослые на руках; священники начали читать молитвы и совершать крещение, и люди, принявши крещение, спокойно разошлись по домам. Возвратился домой и князь после такого небесного торжества, и дал позволение строить христианские церкви на тех местах, где прежде стояли кумиры языческие, и поставил на холме Перуновом церковь Св. Василия; потом Владимир разослал своих верных мужей и священников по другим русским городам и селам, чтобы ставили церкви и приводили людей к крещению. А между тем для успешнейшего утверждения христианства в народе он повелел брать детей из значительных семейств и отдавать в книжное научение, чтобы на будущее время иметь из русских людей

способных к принятию священства и вообще чтобы новая вера имела между русскими своими хорошо обученных и сведущих людей.

Утвердивши христианство в Киеве, Владимир разослал своих уже крещенных сыновей по разным значительным городам, чтобы они и там старались об утверждении христианства: именно Вышеслава, старейшего сына, посадил в Новгороде, и когда Вышеслав умер, то перевел туда Ярослава из Ростова, а в Ростове посадил Бориса, в Муроме Глеба, в земле Древлянской Святослава, во Владимире Вольнском Всеволода, в Полотске Изяслава, в Турове Святополка и в Тмутаракани Мстислава. Потом он начал строить города по Десне, Остру, Трубежу, Суле и Стугне и населять их охотниками из славян, кривичей, чуди и вятичей, чтобы укрепить границы своих владений со степной стороны от напора печенегов, которые год от года все более надвигались на русские границы и были в постоянной войне с русскими.

Владимир принял крещение в 988 году, т. е. на 26-м году от рождения, в таком возрасте, когда война бывает особенно любимым

занятием для человека воинственного, каким уже показал себя Владимир; но христианская вера так на него подействовала, что он вдруг из воинственного сделался самым миролюбивым князем, и в продолжение 27 лет своей жизни после крещения не предпринимал ни одного похода по собственному желанию, и воевал только вызываемый необходимостью, для защиты русских владений, и почти единственно только против печенегов, которые не давали покоя пограничным русским городам. Но против печенегов у Владимира после крещения была только одна война в земле Хорватской в 992 году, куда князь ходил для защиты западных русских границ от нападений воинственного польского князя Болеслава Храброго; поход этот кончился тем, что Болеслав прислал своих послов заключить мир с Владимиром и обязался не нападать на русские границы. Только что Владимир воротился из хорватского похода, как уже ему нужно было идти против печенегов, которые навалились на юго-восточные русские границы. Владимир встретил печенегов на Трубеже и стал с своим войском по право-

му берегу реки, а печенеги по левому, и ни русские, ни печенеги не решались перебраться через реку. Между тем печенежский князь, разъезжая по своему берегу, начал говорить Владимиру: «Выпусти ты своего богатыря, а я своего, и пусть они поборются друг с другом; и ежели твой ударит о землю моего, то не будем воевать в вашей земле три лета; а ежели мой ударит твоего, то будем «Воевать вашу землю три лета». Владимир согласился на вызов и послал по своему стану бирючей кликать, не выищется ли такой богатырь, который бы схватился с печенежином. Но в богатырях Владимировой дружины такового не отыскалось, а поутру на другой день печенеги выставили своего. Опечаленный Владимир послал бирючей и в земскую рать, не выищется ли там такого богатыря. Тогда пришел к Владимиру один старый воин из земской рати и сказал: «Княже! Есть у меня один сын меньший дома, а с четырьмя я вышел, а он остался дома, а из детства не встречалось такого человека, который бы мог побороть его; раз я его побранил, а он в это время мял сырую кожу и так рассердился на меня, что

разодрал кожу руками». Обрадованный князь послал за молодцом, и когда тот пришел, то князь сказал ему: «Тебе нужно биться с печенежином». «Не знаю, княже, – заметил молодец, – одолею ли я его, вели прежде испытать меня, нет ли здесь большого и сильного быка?» И нашли быка огромного и сильного и, раздраживши его горячим железом, выпустили на витязя; витязь уноровил так, что когда бык бежал на него, то он ухватил его за бок и вырвал кожу с мясом, сколько рука захватила. Владимир, довольный опытом, сказал витязю: «Можешь бороться с печенежином». На другой день печенеги опять явились и говорили русским: «Нашли ли вы богатыря, а наш готов»; тогда Владимир велел своему молодцу одеться во всю ратную сбрую и приготовиться к битве. И выступил печенежский богатырь, огромный ростом и страшный видом, выступил и Владимиров витязь, средний ростом и очень молодой; печенег же, увидав его, засмеялся; потом отмерили место между обоими полками; богатыри схватились и начали давить друг друга, и русский так тиснул печенежина, что кости затрещали и тот испу-

стил дух. Печенегы, видя гибель своего богатыря, обратились в бегство, а русские стали рубить их вдогонку. Владимир же, возвратясь в Киев, принял в свою дружину в число приближенных мужей и витязя-победителя, и его отца.

Между тем продолжала строиться большая церковь Пресвятой Богородицы, заложенная Владимиром еще на другой год по принятии крещения, которую строили нарочно вызванные из Греции мастера. Наконец в 996 году церковь эта была покончена строением; и Владимир, довольный и окончанием строения, и благолепием церкви, на освящении ее сделал великий праздник своим боярам и городским старцам и роздал обильную милостыню убогим. Потом, по общему согласию с своею супругою, с детьми и с боярами, дал на содержание сей церкви десятину от всего княжеского имения и от всех княжьих городов и назвал эту церковь соборною церковью.

Стараясь постепенно оставлять все свои старые обычаи и живя в мире со всеми своими соседями, и с Болеславом Польским, и с Стефаном Угорским, и с Ольдрихом Чешским

и с другими, Владимир не оставлял только одного своего старого обычая – привязанности к пирам и гостеприимству. В этом отношении Владимир, и по принятии христианства, остался прежним веселым хозяином, и постоянно заботился, чтобы его дом был полон гостей и чтобы гости были веселы и довольны. Каждый богатый приезжий торговец, каждый богатырь или чем-либо замечательный человек смело шел к Красному Солнышку – князю Киевскому, так звали Владимира современники, и каждый проходящий был принимаем ласково, вступал в беседу с князем и вельможами и был угощаем обильно, сколько душа хотела. Летописец говорит, что Владимир на своем дворе в гриднице учредил еженедельные пиры, на которые приходили бояре, гриди, сотские, десятские, и нарочитые мужи при князе и без князя, и где всегда были готовы столы, ломившиеся под тяжестью разных яств и крепких напитков. И когда один раз гости, подпивши порядком, стали роптать на князя, что на его пирах они едят не серебряными, а деревянными ложками; то князь велел сковать серебряный ложки и при сем ска-

зал: «Я серебром и золотом не могу приобрести дружины, а с дружиною добуду серебра и золота, как добывали мой дед и отец». Но веселые пиры не мешали Владимиру думать и о тех, которым пировать не на что. Слушая разные поучения духовных пастырей о милостыни, он велел кликать клич, чтобы все нищие и убогие в Киеве приходили на княжий двор и брали все, что им нужно, и пищу и питьем и даже деньгами. Потом сказал: «Больные и немощные не могут дойти до моего двора, приготовьте телеги, накладите в них хлеба, мяса, рыбы, всякого овоща и в бочках меду и квасу, и везите по городу и кличьте: где больные и нищие, не могущие ходить? – и раздавайте им все нужное».

Пир и веселья не мешали Владимиру в то же время заботиться и о лучшем устройстве своих владений, и о защите их от неприятелей. По словам летописи, Владимир очень любил дружину и с нею думал «о строи земленем, и о ратех, и о уставе земленем». По указанно народных преданий, Владимиром были учреждены заставы и разъездные станицы богатырей для наблюдения за беспокойными

печенегами и всякою степною поганью, которые постоянно разъезжали по ближайшим степям, не пропускали степных грабителей или подавали вести в Киев, когда из глубины степей поднимались большие полчища варваров. А по свидетельству одного иностранца, бывшего в Киеве при Владимире и ездившего оттуда в степи к печенегам, Владимиром была проведена пространная линия засек по русской границе, обращенной к степям. Но разъезды станичников и засеки не всегда удерживали степных грабителей – печенегов: они иногда безвестно успевали прорываться к русским городам и заставалях Владимира врасплох. Так, в 996 году печенеги прорвались к Василеву, и Владимир мог встретить их только с малою дружиною, и был разбит, и едва сам мог спастись от смерти или плена, спрятавшись под мостом. Избавившись такой опасности Владимир, в благодарность Богу, поставил в Василеве церковь во имя Преображения, ибо сеча была в день Преображения Господня, и тут же в Василеве праздновал восемь дней, приказал сварить 300 вар меду, и угощал своих дружинников и народ, и роздал

нищим триста гривен. Потом, возвратившись в Киев к празднику Успения Пресвятые Богородицы, Владимир также сделал большой пир, и угощал народ, и повторял праздник своего избавления каждый год.

Умен, светел и радостен был Владимир, и весело при нем жилось в Киеве. Роскошные пиры ласкового князя, богатства, приобретаемые деятельною торговлею, приезды торговых иноземцев, множество дружинников, толпившихся при дворе княжеском, богатых военными добычами и щедрым жалованьем князя, множество даней, стекавшихся в киевскую княжью казну из разных областей, – все это, взятое вместе, делало Киев веселым и роскошным. Туда торговля приносила золото и серебро и драгоценные ткани из Греции, туда шли богатые пушные товары из дальних северо-восточных областей новгородских, туда стекались богатые азиатские товары из Камской Болгарии. И богатый Киев наслаждался спокойствием и довольством и был доволен своим князем, Красным Солнышком; но не так были довольны иные города русские, откуда собирались дани в княжью казну

киевскую, и особенно богатства и слава Киева кололи глаза богатому и знаменитому Новгороду. Новгородцы, помогавшие Владимиру в войне с Ярополком и в занятии Киева, были недовольны тем, что богатый князь Киевский продолжал брать с Новгорода ежегодную дань, ещё учрежденную Олегом и увеличенную, кажется, Владимиром, от 300 гривен до 2000 гривен; и вследствие такого недовольствия Владимиров сын Ярослав, княживший в Новгороде, и также почему-то недовольный отцом, вдруг перестал высылать обычную дань в Киев, начал готовиться к войне и пригласил варягов из-за моря. Узнавши об этом, Владимир также стал собирать войско и приказал готовить дороги и мостить мосты, желая сам идти на своего сына и новгородцев; но среди военных приготовлений занемог и 15 июля 1015 года скончался в любимом своем селе Берестове, еще далеко не в старости, имея от роду не более пятидесяти четырех лет.

Приближеннейшие дружинники, бывшие с Владимиром в Берестове, хотели скрыть кончину князя; ибо в это время любимый от-

цом и народом сын Владимиров, князь Борис, стоял в степи с отцовскою дружиною и земскою ратью против печенегов, а в Киеве жил не любимый отцом сын, князь Святополк. Но смерть Владимира не могла утаиться; киевляне стали стекаться в Десятинную церковь Богородицы, куда тайно перенесено было тело Владимира; и по рыданиям и воплям народа Святополк догадался, что отца уже не стало; и зная, что народ и дружина любят Бориса, Святополк поспешил объявить себя князем Киевским, созвал киевлян и начал раздавать им богатства из казны княжеской. Киевляне принимали подарки, но не выказывали особаго усердия к Святополку, ибо братья их стояли на степи с Борисом. Заметив это, Святополк тайно ночью бежал в Вышгород, где, кажется, был посадником его приверженец Путьша, и, собрав тамошних дружинников, сказал им: «Будете ли мне приятели от всего сердца». Путьша и вышгородская княжая дружина отвечали: «Готовы за тебя и головы сложить». Тогда Святополк сказал: «Не говоря никому, пойдите и убейте брата моего Бориса»; те дали слово, что исполнят приказание кня-

жеское, и пошли искать Бориса. Борис же, не встретивши печенегов в степи, уже возвращался домой, и в это время пришла к нему весть о смерти отца; опечаленный этой вестью, он дошел до реки Альты и остановился. Тут приближенные его стали ему говорить: «При тебе отцовская дружина и войско, иди и правь в Киеве на отцовском столе». На это Борис отвечал: «Я не подыму рук на старшего брата». Тогда дружина и войско разошлись, и Борис остался в шатре на Альте со своими слугами. В это время напали на его след убийцы, посланные Святополком; они подошли к шатру вечером, когда Борис готовился ко сну и дочитывал вечерние молитвы, и, только что он кончил молиться и лег, ворвались в шатер, и поразили копьями Бориса и его слуг, и, обвернув его тело в шатерное полотно, отвезли к Святополку, который, заметив, что Борис еще жив, приказал двум варягам приколоть его. Управившись с Борисом, Святополк послал убить единокровного брата его Глеба, который по ложной вести о болезни отца спешил из Мурома в Киев; убийцы, посланные Святополком, встретились с ним на Смядыни

под Смоленском в лодье, – они захватили лодью и приказали зарезать Глеба его же повара, какому-то Торчину. Услыхавши об убийнии братьев, Святослав, князь Древлянский, бежал было в Венгрию, но был пойман и также убит посланными Святополка. Святополк, отделавшись от трех братьев, уже замышлял перебить и остальных, чтобы одному княжить во всей Русской земле.

Между тем Ярослав поссорился с новгородцами по следующему случаю: варяги, приглашенные им из-за моря для войны с отцом, зажившись без дела, начали буйствовать и делать насилия новгородцам и их женам. Оскорбленные новгородцы зазвали варягов на двор Парамона и там их избили; Ярослав, оскорбленный этим, ушел на Раком, сел в своем дворе и послал сказать новгородцам: «Мне уже не воскресить убитых» – и лестно зазвав к себе мужей, участвовавших в убийстве, приказал их убить. А в это время в ночь пришла к нему весть от сестры Предславы, жившей в Киеве, что отец умер, а Святополк сидит в Киеве, убил уже Бориса, послал убить Глеба и добирается до него. Эта весть страшно

опечалила Ярослава, ему жалко было и отца, и избитых новгородцев; впрочем, он еще не отчаивался примириться с Новгородом и, наутро собрав новгородцев на вече, стал говорить народу, заливаясь слезами: «О любезная моя дружина, которую вчера избить, а ныне понадобилась; отец мой умер, а Святополк сидит в Киеве и избивает братьев». Новгородцы, любившие Ярослава, с детства княжившего у них и привыкшего к их вольным обычаям, не помянули вчерашней обиды и в один голос отвечали: «Хотя братья наши иссечены, но мы еще можем постоять за тебя»; и тут же на вече порешили во что бы то ни стало поддержать Ярослава против Святополка, собрали сорок тысяч воинов, к ним Ярослав присоединил тысячу варягов, и отправился в поход на Святополка. Перед отправлением в поход, призвавши имя Божие, он сказал: «Не я почал избивать братью, но Святополк; да будет Бог мститель крови моих братьев, он без вины пролил кровь братьев моих Бориса и Глеба, не ждате же мне, чтобы и со мной сделал то же».

Святополк, получивши весть о походе Яро-

слава, собрал многочисленное войско, составленное из русских и печенегов, и двинулся навстречу; они сошлись у Любеча на Днепре, и стали друг против друга по обоим берегам Днепра, не решаясь перейти реку ни тот ни другой, и так стояли три месяца; но однажды Святополков воевода, старый Владимиров дружинник Волчий Хвост, разъезжая по своему берегу, стал кричать новгородцам: «Эй вы, плотники! Зачем пришли с своим хромцом-то, вот мы вас поставим рубить хоромы». Новгородцы этим очень обиделись и сказали Ярославу: «Княже! Готовься, завтра же чем свет мы переведемся к ним, а кто с нами не пойдет, того сами убьем». Был уже заморозь, Святополк стоял между двумя озерами и всю ночь пил с дружиною, не ожидая нападения. Новгородцы же с Ярославом, как сказали, чем свет перевезлись через Днепр, и вышедши на берег, оттолкнули лодки, чтобы и не думать об отступлении, и тут же на берегу начали страшную сечу, так что не давши сроку печенегам, стоявшим за озером, соединиться с Святополком, притиснули дружину Святополка к озеру и принудили ступить на лед, кото-

рый под нею проломился. Разбитый таким образом Святополк бежал в Польшу, а Ярослав беспрепятственно занял Киев.

Но беспокойно и непродолжительно было Ярославово княжествование в Киеве. На весну же следующего года явились печенеги, ворвались в самый Киев, и битва с ними продолжалась целый день, только к вечеру Ярославу удалось одолеть сих варваров; потом в Киеве был страшный пожар, истребивший множество церквей и домов; а еще через год пришли вести, что Болеслав, король польский, с большим войском ведет своего зятя Святополка сажать на киевский престол. Ярослав по этим вестям, собрав приднепровскую руть, варягов и новгородцев, бывших еще при нем, двинулся на Волынь и встретил Болеслава и Святополка на Буге. Здесь противники остановились, не смея перейти реку один в виду другого, и с Ярославом случилось то же, что было со Святополком под Любечем: Ярославов воспитатель, воевода по имени Будый, разъезжая по своему берегу, стал насмехаться над Болеславом и кричать: «Погоди, вот мы рожном пропорем твое толстое пузо!» Дей-

ствительно, тучный Болеслав, едва сидевший на коне, обиделся такою насмешкою и сказал своей дружине, ежели такая насмешка над вашим королем не оскорбляет вас, то я один погибну, тотчас сел на коня, бросился в реку, а за ним пустилось и войско. Ярослав, не ожидавший такого нападения, не успел ополчиться и, разбитый наголову, только сампят бежал в Новгород, Болеслав же с Святополком беспрепятственно вошел в Киев и велел развести свое войско по городам на прокорм. И начали поляки и их союзники – немцы и венгры везде буйствовать, грабить и оскорблять народ разными насилиями; и этим возбудили против себя жителей, которые, будучи выведены из терпения и тайно побуждаемые самим Святополком, стали избивать непрошенных и буйных гостей. Видя это, Болеслав, забрав Ярополково имущество, бывшее в Киеве, его бояр и сестер, поспешил удалиться в Польшу с большим полоном и снова присоединил к Польше Червенские города, захваченные в свое время Владимиром.

Между тем Ярослав, сампят прибежавши в Новгород, хотел уже бежать за море; но нов-

городцы с своим посадником Константином, сыном Добрыни, изрубили Ярославовы лодьи, и, сказав ему: «Мы еще хотим биться с Болеславом и Святополком», начали собирать в казну от мужа по четыре куны, а от старост до десяти гривен и от бояр по осьмнадцати гривен; и, собрав деньги, наняли варягов, собрали и свое войско, и повели Ярослава на Киев. На этот раз Святополк не решился защищать Киев, бежал к печенегам и привел их бесчисленные полки. Ярослав пошел к нему навстречу, остановился на Альте, где был убит Борис, и, приготовившись к битве, воздев руки к небу, повел такую речь: «Кровь брата моего вопиет к тебе Владыко! Мсти крови праведного сего, как мстил крови Авелевой, положив на Каине стенанье и трясенье, так положи и на семь». И, помолясь, воскликнул: «Братья мои, хотя вы уже отошли от нас телом, но молитвою помогите мне на этого гордого и противного убийцу»; и с сими словами бросился в битву. Все Альтское поле покрылось ратными, и с раннего утра началась страшная сеча, какой еще не бывало на Руси, рубились, схватившись за руки, три раза схо-

дились и расходились, кровь текла ручьями по полю, и только к вечеру одолел Ярослав, а Святополк бежал. Во время бегства напали на него какое-то особое расслабление и ужас, он не мог сидеть на коне, верные отроки несли его на носилках и принесли к Берестью (нынешний Брест-Литовский); ему все казалось, что за ним гонятся; он беспрестанно кричал: «Бегите, нас нагоняют» – и не хотел нигде остановиться; и таким образом, никем не гонимый, пробежал Русскую и Польскую землю и погиб в пустыне между Польшею и Богемиею, заслужив у современников имя Окаянного, братоубийцы.

Ярослав, торжествуя полную победу над врагом, прибыл в Киев, измученный битвою, в пыли, крови и поте; киевляне, разумеется, не противились его вступлению в город, они не принимали участия в междоусобии братьев, воевали и бились только княжие дружины, союзники Святополка печенеги да союзники Ярослава – варяги и новгородцы. Утвердившись в Киеве и давши отдых себе, дружине и союзникам, Ярослав с великою благодарностью отпустил храбрых новгород-

цев, главных виновников его торжества, и наделил их дарами по десяти гривен каждому, и сверх того дал им грамоту и устав, в которых, судя по дошедшему до нас списку, Новгород был освобожден от всех судебных пошлин в княжью казну.

После бегства и смерти Святополковой на Руси осталось три владетельных князя и три отдельных княжества. Ярослав владел Киевом и всем Приднепровьем, ему же принадлежали Волынь и все западные земли, принадлежавшие Владимиру; Брячислав Изяславич, племянник Ярослава, княжил в Полотске и во всем тамошнем краю по Западной Двине и Неману в русских колониях, рассыпанных в Литовской земле вплоть до Балтийского моря; и Мстислав, брат Ярославов, владел Тмутараканью и всеми русскими землями в южных пределах погромленной Святославом Хазарской державы, вероятно уже частично населенных русскими людьми. Кроме того, было еще отдельное владение Великий Новгород со всеми своими обширными областями, бывший тогда в тесном союзе с Ярославом и получавший от него посадников.

На третий год по занятии Киева Ярославом Брячислав Плотский неожиданно напал на Новгородские владения и даже успел ворваться в самый Новгород пограбить его, но, разумеется, не мог там удержаться, и с добычей и пленниками отправился домой. Ярослав, получивши весть о таком нападении и желая отплатить новгородцам за их недавнюю важную услугу, быстро пустился к ним на помощь и на седьмой день настиг Брячислава на реке Судомери, разбил его и принудил воротить новгородскую добычу и пленников. После похода на Брячислава Ярослав пустился в землю Литовскую к Берестью, где, может быть, держались еще дружинники Святополковы, как известно, бежавшие туда после поражения на Альте. Чем кончился этот поход, летописи не упоминают. А в это время Мстислав Тмутараканский, только что в союзе с греками дорушивший Хазарскую державу, напал на своих прикавказских соседей-касогов; против него вышел касожский князь богатырь Редедя и, не вступая в битву, сказал Мстиславу: «Зачем нам губить дружину свою, лучше выйдем друг на друга сами и

поборемся; ежели ты одолеешь меня, то возьми мою жену, детей и все имение и землю; а ежели я одолею тебя, то возьму все твое». Мстислав, воинственный и храбрый, весь в своего деда Святослава, принял вызов и сказал Редеде: «Будь по-твоему, боремся». Тогда Редедя сказал: «Коли бороться, так бороться без оружия, кто кого ударит о землю». И вышли два князя, стали между двумя ратьми и начали бороться, крепко схватились они и долго давили друг друга; Редедя был очень силен, Мстислав уже начал изнемогать, наконец, собравшись с силами и призвав в помощь Божию Матерь, ударил Редедю о землю и, вынув нож, зарезал его; потом вступил в его землю, взял жену, детей и все имение и наложил на касогов дань. Возвратясь с победою и добычею в Тмутаракань, Мстислав заложил там церковь Пресвятой Богородице, которую обещался построить во время единоборства с Редедеем.

Управившись со своими соседями – хазарами и касогами, храбрый Мстислав пошел искать себе волостей в Приднепровье и повел с собою полки хазарские и касожские. Ярослав

в это время был в Новгороде, где по случаю голода в Суздальской земле волхвы, прежние толкователи и учителя языческой религии, вздумали возмутить еще неокрепших тамошних христиан; они ходили по селам и городам тамошнего края и избивали старых людей, разглашая, что старые удерживают обилие и плодородие земли, и тем страшно смущали темный народ. Ярослав сам явился в Суздаль, чтобы потушить смятение и наказать возмутителей; он переловил волхвов, иных заточил, а других казнил, народ же вразумлял, говоря ему: «Что в нещастиях должно молиться Богу, а не буйствовать, что Бог наказывает ту или другую землю за наши грехи, иную голодом, иную мором, или засухою, или другим бедствием, а для человека это неизвестно». И вразумленный народ успокоился, торговцы пустились Волгою в Болгарскую землю и привезли хлеба и тем прекратили голод. Мстислав, в отсутствие Ярослава явившийся со своими полками в Приднепровье, подошел сперва к Киеву, но киевляне, довольные Ярославом, его не приняли; тогда он двинулся назад от Днепра к Чернигову, тамошние жите-

ли, желая, вероятно, иметь своего князя и не зависеть от киевских посадников, приняли его охотно, и он остался там жить, владея всею Северскою страню. Между тем Ярослав, успокоивши Суздальский край, пришел в Новгород и, там получив весть о занятии Чернигова Мстиславом, немедленно послал за море к варягам; оттуда к нему явился знаменитый воитель князь Якун-слепой, Золотая луда, и привел с собою многочисленную варяжскую вольницу. Ярослав с этою вольницею и с Якуном отправился на Мстислава, он даже не попросил рати у новгородцев, может быть, надеясь усилить варягов своею дружиною из Киева; но храбрый беззаветный Мстислав не допустил его до этого, он, прослышавши о Ярославовом походе, пустился к нему навстречу, и обе рати сошлись у Листвена. Мстислав с вечера устроил свои полки, и в полночь в проливной дождь и сильную грозу начал битву, причем употребил такой порядок: северян поставил в чело прямо против Ярославовых варягов, а тмутараканской дружине хазар и касогов велел стать по бокам. Битву, собственно, начали северяне, и когда

варяги довольно уже утомились, сражаясь с северянами, то Мстислав пустил на них с бочков хазар и касогов и такое произвёл опустошение в их рядах, что варяги, несмотря на свою отчаянную храбрость, еще не дождавшись света, обратились в бегство, а за ними побежали Ярослав и Якун, причем последний потерял и свою золотую луду; Ярослав ушел в Новгород, а Якун за море. Когда рассвело, то Мстислав, осматривая поле битвы и видя множество побитых северян и варягов, воскликнул: «Кто сему не рад, вот лежит северянин, а вот варяг, а наша дружина цела». Тогдашнему князю действительно всего дороже была дружина, ибо она только была его, а земская рать зависела не от князя, а от земщины, которая могла дать князю рать, могла и не дать. Особенно для такого нового князя, каким был Мстислав в Чернигове, земская северянская рать была почти чужая, а дружину, приведенную из Тмутаракани, он считал родною для себя; и как же ему не радоваться, когда она осталась цела после жестокого боя с варягами.

Одержав полную победу над Ярославом и

варягами, Мстислав возвратился в Чернигов и послал сказать Ярославу: «Ступай садись в своем Киеве, ты старший брат, а мне будет эта сторона». Но Ярослав, испытав неудачу в войне с Мстиславом и боясь нового нападения с его стороны, остался в Новгороде, а в Киеве сидели его мужи. И так прошло два года; наконец, в 1026 году, собрав многочисленное войско, конечно из новгородцев, Ярослав пришел в Киев, и из Киева уже заключил с Мстиславом мир у Городца, по которому все русские владения на правом берегу Днепра достались Ярославу, а Тмутаракань, Северская страна и весь левый берег Днепра – Мстиславу. После этого мира братья стали жить в любви и согласии, и прекратилась усобица в Русской земле.

Но не только перестала усобица между русскими князьями, да и со всеми соседями они жили мирно в продолжение трех лет, и только уже на четвертый год Ярослав ходил в Галицию и взял там город Бельц. Потом из Галиции он пустился в Новгород, очевидно по приглашению самих новгородцев, и воевал с чудью, должно быть, беспокоившею Новго-

родские владения с этой стороны, и для большего обеспечения власти Новгорода в этом краю построил там город Юрьев (нынешний Дерт). Между тем в Польше по смерти Болеслава начались страшные беспорядки, и к тому же Болеславов сын и преемник Мечислав II начал усобицу с братом своим Оттоном. Пользуясь таким удобным случаем вернуть отнятые Болеславом русские города на западе, Ярослав вместе с братом своим Мстиславом, собрав войско, в 1031 году отправились на поляков, отобрали назад Червенские города и, повоевавши Польскую землю, с многочисленным полонем возвратились домой. Разделивши полон пополам, Ярослав пошел в Киев, а Мстислав – в Чернигов. Доставшихся на свою долю ляхов Ярослав расселил по реке Роси, на юг от Киева на границах со степями, занятыми печенегами и другими кочевниками, и почал там строить города, точно так же, как Владимир в свое время строил города за Днепром по Десне и Суле против тех же печенегов.

На шестой год после похода в Польшу Мстислав Черниговский и Тмутараканский

захворал во время охоты и умер. Его похоронили в Чернигове в церкви Спасителя, которую он сам начал строить и которая во время его погребения еще не была окончена. Мстислав скончался бездетным и не старых лет: ему едва ли было пятьдесят лет от рождения. Об этом князе летописец говорит, что он был дебел телом, румян лицом, с большими глазами, и, подобно деду и отцу, отличался особенною храбростью в битвах, любил дружину и не жалел для нее богатства, и, как отец, был охотник попить с дружинниками и не щадил для этого ни жирных яств, ни крепких медов.

По смерти Мстислава Ярослав один сделался государем обеих сторон Днепра, и вслед за тем отправился к своим верным союзникам новгородцам, и посадил у них князем своего старшего сына Владимира, а епископом, вместо умершего Иоакима Корсунянина, назначил Луку Жидяту, кажется из русских, мужа благочестивого, благоразумного и преданного князю. В то время как Ярослав был в Новгороде, пришла к нему весть, что печенеги осадили Киев. По этой вести он собрал варягов и

новгородцев, пустился к Киеву и успел прокрасться в город. Печенеги стояли огромным обозом, их собралось бесчисленное множество, может быть несколько орд; но Ярослав этого не испугался и не думал отсиживаться за стенами, а, напротив, устроивши полки, выступил и стал перед городом, поставив варягов в середине, киевлян на правой и новгородцев на левой руке. Печенеги первые сделали нападение, и началась упорная сеча, продолжавшаяся целый день, и только к вечеру печенеги были сбиты на всех местах и обратились в бегство в разные стороны, не зная кто куда, и многие потонули в Сетомле и других реках, а остаток бежал розно неведомо куда, и никто не воротился назад в степи. Это был последний набег печенегов; в степях, где они жили на Дону и Волге, уже явились новые кочевники, половцы, от которых печенегам более не было житья; оттого-то они и бились под Киевом целый день, и не воротились назад в степи, ибо возвращаться им было некуда, они бежали из степей, где им уже туго приходилось от половцев.

Ярослав, победивши печенегов, торжество-

вал победу не пирами, как было при охотнике до пиров Владимире, а построением новых стен около Киева с золотыми воротами, по образцу златых врат Константинопольских, построением великолепной церкви Св. Софии на том месте, где была последняя битва с печенегами, вероятно также в напоминание знаменитой Софийской церкви в Константинополе; потом еще построил церковь Благовещения На Златых Вратах и монастыри Св. Георгия и Св. Ирины. Вообще Ярослав, не уступавший Владимиру в воинских подвигах, по свидетельству летописи, далеко не походил на отца в мирной жизни; о пирах Ярослава нет и помину ни в одном предании, а, напротив, летописец говорит, что при Ярославе вера христианская начала плодиться и расширяться, появились чернецы и монастыри, что Ярослав любил церковные уставы, был расположен к священникам и особенно любил монахов, читал книги и днем и ночью, собрал множество писцов и переводчиков, при нем и по его приказу много было переведено греческих книг на славянский язык, много переписано и много скуплено. Ярослав заботился,

чтобы новопросвещенные русские христиане не только веровали, но и поучались и наслаждались божественным учением. Ярослав, когда была отстроена Софийская церковь, украсил ее золотом и серебром и драгоценными церковными сосудами и положил в ней написанные по его приказанию книги, т. е. устроил при этой церкви книгохранилище, так же как было устроено книгохранилище при Софийской церкви в Константинополе. Здесь же, вероятно, он положил и написанный им новый устав о церковных судах; ибо Софийская церковь в летописи названа митрополитскою, т. е. кафедральною. И не об одном Киеве заботился Ярослав: по словам летописи, он ставил церкви и в других городах и местах и посылал туда священников, давая им жалованье из своего имения и приказывая им, чтобы они учили людей и призывали чаще в церкви, как духовные пастыри, на то поставленные от Бога. А в Новгороде он открыл училище на триста человек мальчиков, приказав, чтобы в нем учились дети старост и священников.

Впрочем, дела мира и церкви у Ярослава

не препятствовали делам войны, и он был едва ли не воинственнее своего отца Владимира, только все его военные походы преимущественно были направлены на запад и на северо-запад; на востоке мы не знаем ни одного предпринятого им похода; степные кочевники его мало занимали, его все тянуло к западу, к Европе, ему хотелось войти в ближайшие сношения с западноевропейскими народами. Мы уже знаем его войны с Болеславом Польским, как говорят, веденные по союзу с германским императором, знаем, что по смерти Болеслава он ходил в Польшу и воротился с множеством пленников, знаем, что в Литве он доходил до Берестья. Потом на третий год по прогнании печенегов Ярослав по отцовским следам, может быть из Берестья или в союзе с полотским князем Брячиславом по Неману, ходил на диких ятвягов и, как говорит одна летопись, не одолел их; да и мудро было одолеть таких дикарей, их можно было только истреблять понемногу. Еще через год он ходил на Литву и взял дань, как говорят, лыками и вениками. Известие сие указывает, что в этот поход Ярослав далеко про-

ник в глубь литовских болот и пущей, куда еще не проникали русские колонии, где литовцы жили во всей своей первобытной дикости, так что не имели никаких запасов, чем бы платить дань.

Между тем в Польше умер и Мечислав II, и после него начались беспорядки сильнее прежних: народ, еще не утвердившийся в христианстве и ненавидевший бояр и латинских монахов за непомерные поборы, сделал против них общее восстание, стал изгонять и избивать бояр и монахов и даже истреблять церкви. Пользуясь таким случаем, Ярослав в 1041 году открыл поход в Мазовию из Берестья по Западному Бугу. Мазовия, как и прочие части Польши, раздираемая междоусобицами, разумеется, не могла ему противиться, и он, опустошив страну, возвратился в Киев с множеством пленников.

С Греческою империею со времени принятия Владимиром христианства у русских был постоянный мир: этого требовали и единство церкви Греческой и Русской, и взаимные выгоды торговли, которая тогда велась с большою деятельностью обеими сторонами. Но

торговля, поддерживавшая мир, подала случайный повод и к войне. В Константинополе обидели русских купцов и одного из них убили; Ярослав вступился в это дело, и, не получив от греков должного удовлетворения, начал с греками войну, и в 1043 году послал к Константинополю сына своего Владимира Новгородского, и с ним отправил множество войска под начальством воеводы Вышаты. Об этом походе рассказывал летописцу киево-печерский инок Ян, сын воеводы Вышаты. Из его рассказа видно, что Владимир отправился в лодьях обыкновенным русским путем: сперва вниз по Днепру, потом морем в Дунай и от Дуная опять морем к Константинополю; и когда русские подошли к Константинопольскому проливу, то восстала сильная буря, которая разогнала их корабли и некоторые разбила, и в числе их корабль Владимиров. Владимира взял к себе на корабль Ярослав воевода Иван Творимирич; прочие же воины в числе 6000 человек, собравшиеся на берег с других разбитых кораблей, изъявили желание пробиться домой сухим путем, но из княжьей дружины никто не хотел с ними идти; тогда

главный воевода Вышата сказал: «Я пойду с вами, жив ли буду, то с вами, погибну ли то с дружиною» – и, высадившись с корабля повел ратников длинным путем по направлению к русским пределам. Между тем греки получили весть, что русские корабли разбиты бурей; и тогдашний греческий император Константин Мономах выслал 44 галер для преследования остатков русского флота. Владимир с дружиною, увидав греческую погоню, поворотил назад прямо на греческие галеры, разбил их и, никем уже не преследуемый, благополучно возвратился в Киев. Но Вышата, шедший сухим путем, не был так счастлив, как князь: он хотя успел пробраться в Болгарию, искусно уклоняясь от греческой погони; но здесь, не доходя Варны, греки наконец настигли его, окружили и разбили наголову, причем сам Вышата и 800 воинов попались в плен, а прочие пали в битве. Пленников греки отвели в Константинополь и там ослепили. Вышата возвратился в Киев уже через три года, когда греки заключили с Ярославом мир и выдали в супружество свою царевну за Ярославова сына Всеволода.

В то время как Владимир воевал с греками, отец его Ярослав отдал сестру свою Марию в супружество за Казимира, короля польского. Мария, прозванная в Польше Доброгневою, как сказывают, принесла за собою богатое приданое, а Казимир в вено за это приданое возвратил 800 человек русских пленников, взятых еще Болеславом. Ближайшим следствием брака и союза с Казимиром была война Ярослава в Мазовии, где утвердился Моислав, один из дружинников Мечислава II, взбунтовавшийся против Казимира. Ярослав одним походом совершенно покорил Мазовию в 1047 году и возвратил ее зятю своему Казимиру. Тесный союз Ярослава с Польшею и усердное пособие Казимиру служат лучшим свидетельством, что ему хотелось ближе придвинуться к Западной Европе и принять деятельное участие в тамошних делах. Кроме того, на стремление Ярослава к западу Европы указывают брачные союзы детей Ярославовых с разными европейскими государями. До нас дошли более или менее вероятные известия, что дочери Ярославовы были выданы в замужство: Елисавета за Гаральда, короля

Норвежского, Анастасия за венгерского короля Андрея, Анна за французского короля Генриха II. Сыновья Ярославовы были женаты: Всеволод, как мы уже видели, на греческой царевне, Изяслав на сестре Казимира Польского, другие два сына на каких-то немецких княжнах. Ярослав также с охотою принимал разных европейских знаменитых изгнанников и покровительствовал им: так, у него жили изгнанный из отечества норвежский король Олаф Святой и сын его Магнус; у Ярослава же нашли убежище сыновья английского короля Эдмунда Эдвин и Эдвард, также венгерские принцы Андрей и Левента и варяжский князь Шимон, приведший с собою около трех тысяч варягов и впоследствии вступивший в русскую службу к Ярославову сыну Всеволоду.

В 1044 году скончался постоянный Ярославов союзник Брячислав Полотский и его место заступил его сын Всеслав. Ярослав и с сим новым князем был в мире и союзе; ибо ему нужны были постоянные союзники в соседстве с дикою Литвою; а полотские князья, далеко проникнувшие в Литву по Неману, всего

лучше могли содействовать видам Ярослава на западе. Воинственный и неутомимый Все-слав в предании пользовался славою заколдованного человека и даже чародея; в летописи сказано, что он родился от волхвования и при рождении волхвы сказали матери, чтобы она навязала ему какую-то язвину, чтобы он носил ее до смерти, что эта язвина делала его немилостивым на кровопролитие. В 1050 году скончалась Ярославова супруга Ингигерда, в крещении Ирина; в 1052 году умер старший сын Ярославов Владимир Новгородский и по-ложен в церкви Св. Софии в Новгороде, которую сам построил. Наконец, в 1054 году скончался и сам Ярослав в глубокой старости, 76 лет от роду.

Чувствуя приближение смерти, Ярослав дал следующий завет своим сыновьям: «Вот я отхожу сего света, сыновья мои, любите друг друга, вы братья, дети одного отца и матери. Ежели будете жить в любви между собою, то будет в вас Бог, и покорить вам всех врагов, и вы будете жить мирно. А ежели начнете ненавидеть друг друга и ссориться, то погибнете сами и погубите землю дедов и отцов

своих, которые приобрели ее с великим трудом; пребывайте в мире, слушайте брат брата. А я вместо себя поручаю стол Киев старейшему сыну своему и брату вашему Изяславу; вы слушайте его, как меня слушали, пусть будет он вам вместо меня. А Святославу даю Чернигов, Всеволоду Переяславль, Игорю Владимир-Волынский и Вячеславу Смоленск». И так разделил города и заповедал им не переступать братия предела и не сгонять братьев. И сказал Изяславу: «Кто вздумает обижать брата своего, то ты помогай тому, кого будут обижать». Сделавши таковое распоряжение, Ярослав, ослабевая день ото дня, перебрался для большего спокойствия из Киева в Вышгород и там, разболевшись, скончался 19 февраля, в первую субботу Великого поста, по тогдашнему счету в конце 1054 года. В это время при нем был только один сын Всеволод, которого Ярослав очень любил и не отпускал от себя. Всеволод, обрядив тело умершего отца своего, повез из Вышгорода в Киев, в предшествовании духовенства с обычными погребальными церковными песнями и в сопровождения народа, провожавшего старого князя с пла-

чем и слезами. В Киеве тело Ярослава похоронили в мраморной раке в кафедральной церкви Св. Софии, и много плакали по нем и Всеволод, и все люди киевские.

Рассказ пятый. Русская земля при Владимире и Ярославе

При Владимире и Ярославе Русская земля захватывала уже большое пространство: на юге она касалась берегов Черного моря в Тмутараканском княжестве, а по Днепру доходила на юг до порогов; на западе русскою границею были Западный Буг и Балтийское море; на севере русские, или собственно новгородские, колонии по разным местам доходили до Белого моря, Печоры и Уральских гор; на востоке русские владения частью доходили до земли камских болгар, частью ограничивались степями, лежащими за Сулою и Семью, и частью, в Тмутараканском княжестве, простирались до Кавказских гор и захватывали большую часть Хазарии. Разные племена, жившие на этом огромном пространстве, более или менее зависели от русского, или киевского, князя, и потому носили одно общее название Русской земли, и действительно составляли части одного общего целого, и

управлялись посадниками или детьми киевского князя; так, по крайней мере, было при Владимире. При Ярославе это несколько изменилось; ибо Мстислав Тмутараканский и Черниговский и Брячислав Полотский были самостоятельными и независимыми князьями в своих довольно обширных владениях: но Ярослав умел держаться в постоянном союзе с сими двумя князьями, и посему при нем ежели не было единовластия, то не было и раздора, и русские владения продолжали составлять одно целое, и целое тем более прочное, что во всех владениях Руси была признана господствующею одна религия христианская и в церковном отношении все русские земли были подчинены одному киевскому митрополиту, который поставлял епископов по другим городам.

С введением христианства княжеская власть на Руси значительно усилилась; ибо князья кроме сбродной дружины, состоящей на их службе, теперь стали иметь на своей стороне духовенство христианской церкви. Христианская церковь, введенная преимущественно князьями и ими первоначально под-

держиваемая, естественно, должна была и сама поддерживать князей, по крайней мере внушать народу мысль о святости княжеской власти, о происхождении ее от Бога, об обязанностях подданных повиноваться беспрекословно князьям и начальникам от них поставленным. Кроме того, сами Владимир и Ярослав более всех своих предшественников умели сблизиться с народом; они хотя еще употребляли варяжскую дружину, но уже не дорожили ею столько, сколько дорожили прежние князья. Мы видели, что Владимир в 980 году выпроводил буйных варягов в Грецию и нашел средство пополнять свою дружину охотниками из туземцев; Ярославова дружина также преимущественно пополнялась туземцами; у Мстислава Тмутараканского дружина первоначально состояла также из тмутараканских туземцев – хазар и касогов, а когда он перебрался в Чернигов, то к хазарам и касогам присоединились охотники из северян; дружина полотского князя Брючислава преимущественно состояла из полочан. Все это сообщало княжеской власти новую силу и крепость, князья, так сказать, сживались с на-

родом, приобретали более общих интересов; даже в иных случаях народ стал защищать интересы князя так же горячо, как и свои. Так новгородцы, самое вольнолюбивое племя из всех славянских племен на Руси, помогали Владимиру в войне его с Ярополком, а Ярослав три раза выручали в войнах его с Святополком и Болеславом, и даже один раз изрубили Ярославовы лодки, когда он, разбитый Болеславом, хотел бежать за море к варягам, и прямо сказали ему: «Мы еще хотим биться с Болеславом и Святополком». Так же черниговцы бились на Листвене за своего князя Мстислава.

Но, несмотря на значительное усиление княжеской власти, ни Владимир, ни Ярослав не были еще самовластцами в Русской земле. Земщина по-прежнему была еще сильна и самостоятельна и при князьях и при их посадниках продолжала еще иметь свое собственное управление, своих старост, и других выборных начальников и свое вече, которое в важных случаях даже приглашалось князьями и иногда действовало мимо князей. Владимир, желая переменить языческую веру, при-

гласить представителей дружины и земщины, бояр и старцев, и по их совету послал избранных мужей испытать, какой народ как служит Богу; и когда возвратились в Киев избранные мужи, то опять пригласил бояр и старцев и с их совета решился принять христианскую веру. Ярослав, получивши весть о смерти отца и избиении братьев, собрал вече в Новгороде и просил у земщины помощи на Святополка. В 997 году в Белгороде было вече, на котором белгородцы порешили сдаться печенегам. Владимир так же искал любви и расположения у земщины, как и у дружины; на его еженедельных пирах участвовали как дружинники, так и земцы, сотские, десятские и нарочитые мужи; или он одинаково угощал как дружинников, так и земцев и в Василеве, и в Киеве по случаю своего спасения в битве с печенегами под Василевом. Земщина и при Владимире и Ярославе продолжала иметь свое войско, предводительствуемое своими отдельными воеводами; войско это составлялось из земцев, собственно, только для защиты земли от нападения неприятелей, но иногда, конечно по решению веча, участвовало и

в походах и войнах княжеских. Так, земская рать была в походе Ярославова сына Владимира в Константинополь и имела своим начальником воеводу Вышату; земцы, очевидно, участвовали в этом походе потому, что самая война с греками была начата за обиду русских купцов. Земское войско в самых сражениях и походах всегда стояло и шло отдельно от княжеской дружины. Так, в 992 году при нападении печенегов, когда печенежский князь предложил Владимиру выставить русского богатыря для единоборства с печенежским богатырем; то Владимир сперва послал бирючей в свой стан к дружине, а когда такого богатыря в княжьем стану не нашлось, то велел кликать к земской рати, и пришел к Владимиру стар муж, и сказал: «Княже! Есть у меня один сын меньший дома, а с четырьмя я вышел, а он дома, а от детства никто его не мог побороть». У Мстислава под Лиственном северянская земская рать также стояла и билась с варягами Ярослава отдельно от княжьей дружины; и Мстислав, осматривая поле битвы, еще сказал: «Кто сему не рад? Се лежит северянин, а се варяг, а дружина своя це-

ла». Или в 1036 году в битве с печенегами под Киевом земская рать киевлян и земская рать союзных новгородцев стояли отдельно от варягов дружины Ярославовой, именно варяги в середине, киевляне на правом крыле, новгородцы – на левом. Как земцы иногда помогали князьям в их войнах, так, наоборот, и князья иногда помогали земцам в их войнах: так, мы уже видели, что Владимир в 985 году для новгородцев воевал с камскими болгарами и по желанию новгородцев заключал с ними мир; также Ярослав в 1021 году за новгородцев воевал с Брячиславом Полотским или в 1030 году для Новгорода же воевал с эстонскою чудью; а в 1042 году Ярославов сын Владимир вместе с новгородцами и для новгородцев разорял земли соседнего финского племени ямь. Также войны Ярослава с дикою литвою, очевидно, были ведены в пособие соседней русской земщине, именно для защиты русских колоний в Литве; ибо, конечно, Ярослав ходил в Литву не за вениками же и лыками, которыми дикие литовцы будто бы платили дань.

Принятие христианской веры произвело

большое изменение в русской земщине: оно не только сообщило церковное единство всем племенам, составлявшим тогда Русь, чего они прежде не имели, но и в самое общественное устройство земщины ввело сильное участие церкви. По уставу Владимира о церковных судах, составленному на основании греческих церковных законов, многое, что прежде находилось в ведении земских общин, перешло в ведение церкви, митрополита и епископов. Так, по этому уставу в ведение церкви и епископов были переданы больницы, странноприимницы, также лекаря, странники, слепцы, хромцы, калеки и рабы, освобожденные на помин души. Во все дела сих учреждений и лиц, равно как и в причт церковный, ни земские, ни княжие начальники не могли уже вступаться. Потом сим же уставом передан был в ведение церкви надзор за торговыми мерами и весами, следовательно, до некоторой степени и торговля вышла из-под влияния земских общин; далее суд по делам семейным, а также в нарушении правил церкви и нравственности решительно отошел от общин к церкви: по всем семейным ссорам,

по тяжбам о наследстве и по прочим подобным делам должно уже было идти не к земским старостам, а к епископу или его наместникам и десятильникам. Мало этого, Владимир, считая все древние русские обычаи и порядки погаными и неприличными христианам, хотел, чтобы во всех судах между русскими христианами вместе с княжими тиунами и земскими старостами участвовало и духовенство, и с этою целью принял так называемый Закон судным людям, особый сборник греческих узаконений, и желал, чтобы этим Законом, как христианским, судились христиане на Руси. Ближайшим следствием такого нововведения, конечно, было то, что русские люди старались избегать суда по греческим законам, оскорбительным для вольных людей и не согласным с русскою жизнью, и поканчивали свои дела самосудом. А посему Ярослав, утвердившись после Владимира в Киеве, немедленно издал новый закон, известный под именем Русской Правды, в котором обратил единственно внимание на те дела, в которых по судному Закону людям назначалось телесное наказание, особенно

ненавистное и нетерпимое в тогдашнем русском обществе, как оскорбительное для свободных людей; и согласно с исконными русскими обычаями заменил его денежными пенями, а также оставил в своей силе древнейший обычай мести в делах по убийствам; впрочем, согласно с новыми требованиями общественной жизни ограничил право мести только ближайшими родственниками убитого, членами одной семьи, а за неимением ближайших родственников убитого назначил, чтобы убийца платил большую пеню в сорок гривен, т. е. семь фунтов серебра. Но не довольствуясь изданием Русской Правды, Ярослав, чтобы ослабить влияние греческих законов, не угодных русскому обществу и во многом не согласных с его обычаями, издал новый устав о церковных судах, в котором строго отделил церковный суд от светского суда и значительно сократил его ведомство. По сему уставу, с одной стороны, духовенство потеряло право участвовать в светских судах, а княжие тиуны и другие светские судьи отстранены от участия в церковных судах, а с другой стороны, церковные суды почти ис-

ключительно ограничены делами семейными и лицами, состоявшими в непосредственном ведении церкви.

Чтобы еще более отстранить влияние Греции на русское общество через церковь, Ярослав в 1051 году избрал в митрополиты всея Руси священника села Берестова Илариона, родом русина, мужа уже приобретшего известность своим благочестием и книжным учением, и велел поставить его в митрополиты русским епископам без сношения с греческим патриархом, но вполне придерживаясь правил церковного номоканона; и таким образом Ярослав, не делая и не желая делать совершенного разрыва с Греческою церковью, в то же время дал Русской церкви более самостоятельности и независимости от Греческой. Но высвобождение Русской церкви из-под зависимости от Греческой и точнейшее определение церковных судов по новому уставу только ослабляло греческое влияние; церковь же тем не менее продолжала действовать на русское общество и вести его вперед, за церковь шли на Русь книжное учение и другие потребности более развитой общественной

жизни. Ярослав уже любил читать книги и занимался чтением день и ночь, митрополит Иларион и новгородский епископ Лука Жидята, оба русские уроженцы, уже были известны своим книжным учением и оставили после себя хотя не многие, но замечательные сочинения, сохранившиеся до нашего времени в разных списках, следовательно, любимые и уважаемые не только у современников, но и у позднейшего потомства. Училища, заведенные Владимиром и Ярославом в Киеве и Новгороде, не остались единственными; при Ярославе же начали появляться училища и в других городах: так, мы имеем известие об училище в Курске. Кроме славы книжного учения в русском обществе за Ярославово время появилась еще новая слава, прежде неизвестная на Руси, слава подвигов благочестия, постничества и неусыпных трудов. Так, при Ярославе один житель Любеча, путешествовавший на Афонскую гору и постриженный там в иноки под именем Антония, поселившись в пещере над Днепром, ископанной Иларионом до поставления его в митрополиты, так прослыл своею строгою иноческою

жизнью, постничеством, молитвами и другими подвигами благочестия, что славу его летописец уподобляет славе древнего великого Антония. Египетского и говорит, что к нему стекались люди с разных сторон, прося у него благословения и молитв. Таким образом, струя новой жизни, порожденной христианством, деятельно и с успехом пробивала кору старого язычества в жизни русского общества.

Но в то же время и старая жизнь еще продолжала пользоваться своими успехами в большинстве русских людей. Отдаленные углы Русской земли еще упорно отстаивали свое язычество, волхвы и кудесники еще пользовались уважением темного народа; мы видели, что в 1024 году Ярослав сам должен был отправиться в отдаленную землю Суздальскую, чтобы утишить там мятеж, произведенный волхвами, которые ходили по случаю голода по селам и городам и избивали старых людей, рассказывая невеждам старую языческую басню, что старики и старухи удерживают у себя обилие земли и от того-де хлеб не родится. Та же привязанность к старо-

му язычеству, нет сомнения, продолжалась и в других краях Руси; те из киевлян и новгородцев, которые с воплем и слезами провожали поруганный кумир Перунов, конечно, тайно продолжали еще молиться и Перуну, и рощам, и кладезям и бегать от христианских церквей. Недаром же Ярослав, рассылая священников по городам и селам, наказывал им, чтобы они почаще приглашали прихожан в церкви; ясно, что новые христиане еще туго посещали храмы Божии, а охотнее ходили молиться рощам и кладезям. Самые монастыри, построенные Ярославом в Киеве, плохо еще удовлетворяли истинно благочестивых людей и не были образцами христианской жизни; так, преподобный Антоний, пришедши от Афонской горы, пересмотрел все киевские монастыри и ни в одном не решился остаться, а поселился в уединенной пещере над Днепром. Даже в иных семьях княжеских еще продолжали доверять разным языческим суевериям; так, при рождении Всеслава Полотского были приглашены волхвы, которые и наказали его матери навязать новорожденному какое-то язвено, чтобы носил до смерти.

Но и кроме прямых языческих суеверий, старая жизнь еще не оставляла русского общества. Знаменитые по народным преданиям пиры Владимира и по принятии князем христианства еще много удерживали в себе старых языческих обычаев, на них еще участвовали скоморохи со старыми языческими песнями, весь склад сих пиров был еще старый, и все попойки и разговоры отзывались удамой стариною. Книголюбец Ярослав уже не давал пиров, как не согласных с новыми требованиями жизни и напоминавших не христианскую старину; брат его Мстислав Черниговский и Тмутараканский, подобно отцу, был еще охотник до пиров и не щадил для них своего имени. А ежели так было у князей, то у народа, вообще туго принимающего новости, дохристианская старина была еще сильнее. Мы уже видели, что Ярослав в своей Русской Правде не мог еще отменить старого обычая мести и только сократил его, а в своем уставе о судах церковных тот же князь не только допустил, но и узаконил некоторые старые, отзывающиеся язычеством обряды на свадьбах и стоворах. И вообще русские люди

при Владимире и Ярославе в большинстве еще много соблюдали языческих старых обрядов в разных важных случаях частной жизни, от рождения человека до его погребения.

Но в то же время жизнь русского общества быстро продолжала развиваться, по крайней мере в более значительных городах. Для построения и украшения церквей стали приходить на Русь разные художники из Греции, строители, иконописцы, певцы и другие, к которым поступали русские люди в ученье и распространяли разные искусства, допрежде неизвестные на Руси. Пышность княжеского двора, введенная Владимиром и поддерживаемая Ярославом, вызывала также своего рода разных художников, которые тоже распространяли свои знания в народе, принимая к себе в ученики русских людей. Торговля по-прежнему производилась с большою деятельностью и постепенно расширялась; новые потребности жизни вызывали новые виды торговли. Современник Владимира, немецкий летописец Дитмар, насчитывает в Киеве уже четыреста церквей и восемь торговых площадей; другой иностранный летописец, Адам

Бременский, уподобляет уже Киев Константинополю; и действительно, Ярослав старался украсить этот город по образцу греческой столицы. Другие города Руси, современной Владимиру и Ярославу, по всему вероятно, также процветали и украшались, особенно те, где жили князья сыновья Владимира и Ярослава.

Рассказ шестой. Сыновья Ярослава

Русь, при Ярославе состоявшая из трех отдельных владений, самого большого Ярославова и потом Новгородского и Полотского, по смерти Ярослава разделилась на семь отдельных владений, независимых друг от друга. Новгородское и Полотское владения остались по-прежнему: Полотское за потомками Изяслава Владимировича, а Новгородское за самим господином Великим Новгородом при выборных князьях. Огромное же владение Ярославово по собственному завещанию самого старого князя разделилось на следующие отдельные княжества: 1-е, Киевское, которое обнимало собою весь правый берег Днепра, ему принадлежали как Киевская область полян, так и земли Древлянские и Туровские и, кажется, Червенские города; 2-е, Черниговское, ему принадлежали кроме Северянской области Чернигова еще Тмутаракань на юге и земля вятичей, также Рязань и Муром на северо-востоке; 3-е, Переяславское, состояло из

Переяславской области на юге в Приднепровье и из северных областей, Ростова, Белоозера, Суздаля и других тамошних новгородских колоний; 4-е, Смоленское, заключало в себе древние земли кривичей, верхнее течение Днепра по обеим его берегам, а также колонии кривичей в южных пределах Литовской земли; 5-е, Владимиро-Волынское, которому принадлежала Волынь с частью Подолии, область сия простиралась от реки Горыни на запад до реки Западного Буга.

Хотя по Ярославову завещанию Изяслав Киевский назван старшим князем и заступил место отца; но по характеру своему он не мог занимать этого места, а старшинство по завещанию не давало ему никакой власти над младшими князьями, которые по самому завещанию были признаны независимыми и самостоятельными владельцами, каждый в своей области, старший брат даже не получил права суда над младшими и не мог изгнать ни одного из них, а только обязан был помогать тому из братьев, кого будут обижать другие. Но владения Ярославовых детей недолго оставались в том виде, в каком их оставил

Ярослав: на третьем году по смерти Ярослава умер Вячеслав Смоленский, а на пятом Игорь Волынский; и Изяслав Киевский их владения присоединил к своим, а сыновей их оставил без владений и держал их при себе как малолетних; и таким образом из пяти княжеств, образовавшихся из Ярославовых владений, через пять лет после его смерти образовалось три владения, самое большое Изяславово и потом Святославово и Всеволодово. Сии три старших брата первоначально жили мирно между собою; Святослав и Всеволод даже смолчали, когда Изяслав усилил свои владения присоединением Смоленска и Волыни.

Но мир и тишина на Руси были непродолжительны: с одной стороны, на юго-восточные границы Руси надвигался новый сильный враг – половцы, сменившие печенегов; а с другой стороны, и между князьями накоплялось много разных неудовольствий, которые скоро ли, долго ли должны были разродиться междоусобиями. В народе уже начало носиться какое-то темное предчувствие грядущих несчастий, люди стали уже замечать разные предзнаменования не на добро: то

Волхов шел пять дней вверх, а не по течению, то семь вечеров кряду видели на западе какую-то необычайную звезду с кровавыми лучами, то рыболовы вынули из Сетомли какого-то странного уroda в образе человеческом, то замечали затмение солнца; и все это сильно смущало и волновало народ. Да и кроме темных предзнаменований было уже немало беспокойств: Всеволод Переяславский уже несколько раз бился то с торками, то с новым врагом – половцами; Святослав Черниговский должен был воевать со своим безудельным племянником Ростиславом, сыном покойного Владимира Ярославича Новгородского, который отнял у Святославова сына Глеба Тмутаракань, пробравшись туда из Новгорода. Потом в 1066 году Всеслав Брючиславич, князь Полотский, один из самых удалых князей своего времени, напал на Новгород, разбил тамошнего князя Мстислава, сына Изяславова, ограбил храм Св. Софии, снял колокола и паникадилы и кроме разных богатств захватил множество пленников, жен и детей. Это нападение Всеслава на Новгород подняло князей Киевского, Черниговского и Переяславского;

они все вместе двинулись на полотские владения и после жестокой битвы взяли Минск, потом пошли к Немизе, куда явился и Всеслав, и здесь произошла страшная сеча, дорого стоившая обеим сторонам и кончившаяся бегством Всеслава. Но Всеслав и разбитый был еще страшен для сыновей Ярослава; они целых четыре месяца не распускали войска и стояли на границах Полотских владений и, чтобы покончить с ним дело, прибегли к хитрости. Они зазвали Всеслава для переговоров в Оршу близ Смоленска, поклявшись честным крестом, что не сделают ему никакого зла; и когда Всеслав, положившись на их крестное целование, переехал в лодке через Днепр и вошел в шатер Изяславов, то схватили его изменнически и увезли в Киев, где Изяслав его и его двух сыновей засадил в поруб.

Наконец в 1068 году наступила настоящая беда в Русской земле, та самая, которая давно предчувствовалась в народе: половцы напали на Переяславскую область бесчисленными толпами, так что к Всеволоду явились на помощь Изяслав и Святослав и дали битву на

Альте, где русские князья были разбиты наголову, Изяслав с Всеволодом бежали в Киев, а Святослав – в Чернигов. Но это было только начало бедствий. Вслед за поражением русских князей на Альте половцы рассыпались по южным границам русских владений и начали опустошать беззащитные города и села. Богатые киевляне, ожидая и себе такой же участи, созвали вече на торговой площади и послали сказать Изяславу: «Князь, дай нам оружия и коней, мы хотим еще биться с половцами»; но Изяслав отказал им. Тогда киевляне, и прежде недовольные своим князем за то, что он многих из них посадил в темницы, восстали всем городом; и сперва выпустили своих темничных узников, засаженных Изяславом, а потом вывели из поруба и Всеслава Полотского с его сыновьями. Изяслав и Всеволод, не зная, как унять народное восстание, бежали из Киева; их бегство еще более развязало руки восставшим гражданам: они разграбили княжий двор и провозгласили киевским князем Всеслава Полотского. Между тем храбрый Святослав Черниговский, собрав три тысячи ратников, дружно ударил на полов-

цев, грабивших около Чернигова, разбил их двенадцать тысяч и взял в плен их князя.

Через семь месяцев после бегства из Киева Изяслав возвратился на Русь в сопровождении польского короля Болеслава II и с большим польским войском. Услышав о его походе, киевляне вместе с своим выборным князем Всеславом выдвинулись вперед к Белгороду; но Всеслав, не надеясь на киевлян или не сочувствуя им, ночью тайно бежал из Белгорода и ушел в свой родной Полотск. Киевляне, оставленные князем, воротились в Киев и, созвавши вече, порешили отправить посланников к Святославу и Всеволоду с такими речами: «Князи! Мы худо сделали, прогнавши своего князя, а он теперь ведет на нас Лягскую землю, а пойдите в город отца своего, а ежели не пойдете; то мы зажжем свой город и уйдем в Греческую землю». Святослав с Всеволодом на такие речи киевских посланцев отвечали: «Мы пошлем сказать своему брату, что ежели он пойдет на вас с ляхами, губить вас, то мы выйдем противу его ратью и не дадим погубить город отца своего, а ежели хочет идти с миром, то пусть придет в малой

дружине» – и тем успокоили киевлян, а сами послали к Изяславу сказать: «Всеслав убежал, не води ляхов в Киев, тебе там нет противника; а ежели хочешь иметь гнев и погубить город, то знай, что нам жаль отцовского стола». Изяслав, получивши такую весть от братьев, отослал ляхов назад и только с небольшою дружиною и с Болеславом отправился в Киев, пославши наперед себя своего сына Мстислава. Мстислав, вошедши в Киев, иссек до 70 человек киевлян, которых подозревал в освобождении Всеслава, а других ослепил, иных же без вины погубил, не разобравши дела.

Киевляне, желая искренно примириться с князем, смолчали против жестокостей Мстислава, вышли встречать Изяслава и с поклоном приняли его как своего князя. Но не так искренно действовал Изяслав; он, не довольствуясь нелепою местью, совершенною его сыном, отдал Киев на грабеж полякам, пришедшим с Болеславом, которые своим буйством, грабительствами и разными оскорблениями довели киевлян до того, что они, чтобы избавиться от навязанных им гостей, нашлись вынужденными тайно убивать

их и тем только заставили Болеслава с уцелевшими спутниками поскорее убраться в Польшу. Потом, по удалении Болеслава, Изяслав перевел торговую площадь с Подола на гору, чтобы самому было удобнее и ближе вмешиваться в торговые дела и иметь строгий надзор за гражданами. Далее, из какой-то непонятной подозрительности, он стал преследовать уважаемого целым Киевом преподобного Антония Печерского, так что сей святой муж принужден был оставить свою пещеру и укрыться в Чернигов под покровительство Святослава. Все это ставило Изяслава в невыгодное положение в отношении к народу. А между тем Святослав Черниговский день ото дня приобретал большее уважение и любовь народа своим мужеством и благоразумием; его победа над половцами под Черниговом и заступничество за киевлян перед Изяславом так подняли его в народном мнении, что вольнолюбивые новгородцы выбрали себе в князья его сына Глеба; к тому же сам Святослав завладел Белозерским краем, а может быть, и Ростовом. Все это ставило Святослава в такое положение, что он при своем

характере мог первенствовать между русскими князьями, чем он и не замедлил воспользоваться.

Изяслав в первый же год по возвращении своем в Киев напал, и довольно удачно, на Всеслава в самом Полотске и, выгнавши его оттуда, посадил там своего сына Мстислава, а когда тот скоро умер, то перевел туда другого сына, Святополка. Но с Всеславом нельзя было разделаться одною удачною битвою или занятием одного или нескольких городов; это был князь самый находчивый, не отступавший ни перед какою бедою и так ловко умевший выпутываться из разных напастей, что современники его называли богатырем чародеем и оборотнем. Война с таким чародеем, начатая Изяславом, кажется, из одной ненависти, только ему самому доставила множество несчастий: во-первых, она продолжалась около трех лет, и Всеслав успел воротить свой Полотск и до того довел Изяслава, что тот признал неприкосновенность его владений и вступил с ним в отдельный союз. Потом об этом союзе киевского князя с Полотским стали носиться слухи, что будто бы Изяслав усло-

вился с Всеславом соединенными силами напасть на Святослава Черниговского и Всеволода Переяславского. Насколько верны были сии слухи, мы не знаем; но ими как не надо лучше воспользовался Святослав, он под их предлогом заключил союз с Всеволодом и принудил Изяслава бежать из Киева, а сам занял Киев и, соединя все киевские владения с черниговскими, сделался старшим князем.

Изяслав, оставляя Киев, вывез с собою большие богатства, добытые разными насилиями, и думал при их помощи найти себе скорую помощь в Польше; но Святослав так ловко повел свои дела, что при его жизни Изяслав, сколько ни хлопотал о возвращении себе Киева, ничего не успел сделать. В Польше только порядочно обобрали его и выпроводили вон; ибо Святослав успел уже заключить союз с польским королем и помогал ему в войне с чехами, где по его приказанию четыре месяца воевали заодно с поляками сын его Олег Святославич и сын Всеволодов, Владимир Мономах. Такая же неудача была Изяславу в Германии пред тамошним императором Генрихом IV: Генрих погрозил было Святосла-

ву войною, ежели он не возвратит Киева Изяславу; но дело обошлось и без войны, Святослав отправил богатые дары к Генриху, хорошо принял его посольство в Киеве; и Генрих, сильно занятый своими домашними делами, замолчал. Не более успеха было для Изяслава и в Италии перед римским папою, которому он обещал подчинить Россию в церковном отношении. Папа написал ему жалованную милостивую грамоту и приказал польскому королю возвратить богатства, отнятые у Изяслава, и помочь ему при занятии Киева; но грамота осталась грамотою, как прямая улика Изяславова малодушия и властолюбия, а польский король, уже союзник Святославов, не думал ни возвращать Изяславу его богатств, ни помогать ему в занятии Киева. И Изяслав по-прежнему оставался изгнанником и бездомным скитальцем со всем своим семейством и, конечно, надолго бы остался в этом жалком положении; но, к его счастью, Святослав на четвертом году своего княжества в Киеве скончался, и киевским князем объявил себя Всеволод Переяславский, с которым Изяславу легче было упра-

виться.

Весть о смерти Святослава как бы развязала руки Изяславу; он ее получил в Польше и, собравши наскоро польскую помощь, отправился на Волынь, куда к нему навстречу выступил и Всеволод со своими полками; но вместо битвы братья заключили мир, по которому Всеволод уступил Изяславу Киев, и за это сам получил в придачу к своим Переяславским владениям владения Черниговские и Смоленские. Этот новый дележ владений без борьбы так усилил Всеволода, что, и не будучи киевским князем, он сделался могущественнее Изяслава; и, напротив, по сему дележу почти совершенно были лишены владений сыновья покойного Святослава, за которыми осталась только одна полурусская отдаленная Тмутаракань, где княжил Роман Святославич. Здесь Изяслав поступил также с Святославичами, как прежде он поступил с детьми своих братьев Вячеслава и Игоря, которых по смерти отцов оставил без владений; но тогда такой грабеж ему сошел с рук, потому что сироты Вячеслава и Игоря были малолетними и заступиться за них было некому;

Святославичи же, напротив, были уже не малолетки и отличались и храбростию и находчивостию, да и прежние ограбленные сироты Вячеслава и Игоря уже выросли. А посему необходимым и ближайшим следствием незаконного волынского дележа была война с Святославичами и сыновьями Вячеслава и Игоря, которая началась на другой же год по возвращении Изяслава в Киев. Войну эту начали Борис Вячеславич и Олег Святославич; они, оставаясь без владений, сперва бежали в Тмутаракань, а потом, подговоря половцев напали на Всеволода в Чернигове, разбили его и принудили бежать в Киев. Изяслав вступился за брата, и, желая поддержать незаконный волынский дележ, собрал многочисленное войско, и приступил к Чернигову; черниговцы, не считавшие волынского дележа для себя законом, затворили перед ним ворота и стали защищаться; между тем Борис и Олег явились к ним на выручку, и на виду от Чернигова, на Нежатиной ниве, завязалась страшная сеча, на которой с одной стороны пал Борис Вячеславич и с другой – Изяслав Киевский, а разбитый наголову Олег Свято-

славич убежал в Тмутаракань.

Смерть Изяслава опростала престол киевский, который и занял Всеволод, последний из сыновей Ярослава оставшийся в живых; он Чернигов отдал сыну своему Владимиру Мономаху, а Изяславова сына Ярополка посадил во Владимире-Волынском и сверх того придал ему Туров. Но война тем не прекратилась: обиженные племянники Роман и Олег Святославичи на следующий же год привели половцев воевать переяславские владения; впрочем, Всеволод, не вступая в битву, купил мир у половцев, которые в придачу к миру убили еще Романа Святославича, а брата его Олега отправили в ссылку в Грецию, и таким образом Тмутаракань досталась Всеволоду, который и послал туда своего посадника Ратибора. Тем не менее обиженные князья не пугались могущества Всеволода, и через год Давид Игоревич и Володар Ростиславич, проживавшие у Всеволода, тайно бежали от него и захватили Тмутаракань, а еще через год туда же явился из Греции Олег Святославич и занял эту область как наследственный удел князей Черниговских. А еще через год два Ро-

стиславича Рюрик и Василько, также безземельные, проживавшие у Ярополка Ростиславича во Владимире-Волынском, бежали от него и начали воевать в разных местах и принудили Всеволода уступить им Перемышль и Теробовль, а еще прежде Давыд Игоревич успел вытребовать у него Дорогобуж. Потом и Ярополк Изяславич за Владимир-Волынский начал войну с Всеволодом, но, разбитый Всеволодовым сыном Мономахом, принужден был бежать в Польшу и после через год помирился и получил назад свой удел Волынь. Всеволод умер 13 апреля 1093 года и заключил собою ряд сыновей Ярослава, владевших почти всею тогдашнею Русью без малого сорок лет.

Рассказ седьмой. Русская земля при Ярославичах

Мы видели отношения князей-братьев друг к другу и к племянникам и другим родственникам при сыновьях Ярослава; теперь посмотрим на их отношения к народонаселению и вообще на тогдашнее состояние русского общества.

Княжеская власть, значительно усилившаяся при Владимире и Ярославе, при сыновьях Ярославовых, напротив, значительно ослабла: Владимир и Ярослав старались сжиться с русским обществом, соединить свои интересы с интересами общественными и сблизить дружину с земщиною сыновья же Ярослава все это совершенно опустили из вида, они вовсе не заботились о сближении с земщиною и всю свою надежду полагали на сбродной дружине и даже на наемных половцев. Русские же области считали только как бы местом временной оседлости и средством содержать дружину и заботились преимущественно о том, чтобы каким бы то ни было об-

разом побольше собрать богатств, на которые бы содержать лучшую и многочисленнейшую дружину, как прямо говорил Изяслав, удаляясь из Киева со многим именем: «*Яко сим налезу вои*». В прежнее время старые князья Олег, Святослав, Владимир и Ярослав добывали себе богатства отдаленными походами в Грецию и Хазарию и нападениями на соседние независимые славянские племена; для сыновей же Ярослава этот источник доходов прекратился: соседние славянские племена уже вошли в состав разных русских княжеств, самая Хазария распалась, а походы на Грецию сделались почти невозможными при постоянной грозе диких половцев, именно занявших своими кочевьями степи на пути в Грецию. А посему князья этого времени главным источником обогащения стали считать отнятие владений друг у друга. Вторым источником княжских доходов того времени считался прямой грабеж, на который преимущественно рассчитывали князья безземельные или которые не имели средств отнимать владения у соседей; так Давыд Игоревич, засевши в Олешье, грабил греческих купцов и тем

вынудил Всеволода дать ему Дорогобуж на Волыни, удалый Всеслав Полотский несколько раз грабил Смоленск и Новгород, Ростиславичи заодно с половцами постоянно занимались грабежами в соседних польских владениях. Наконец, третьим источником княжих доходов того времени считался сбор даней и разных пошлин в собственных областях; но этот источник тогда был очень беден и ненадежен, на него можно было рассчитывать только в богатых торговых и многолюдных городах, каковы: Киев, Смоленск и Чернигов; а посему сии-то города преимущественно и были предметом искательств тогдашних князей.

Владимир, как мы уже видели, окружал себя и дружинниками и земцами, приглашал земцев на совет, даже собирал иногда земское вече, тоже делал и Ярослав; но не так поступали сыновья Ярослава: они окружали себя дружинниками, земцев же только отягощали разными поборами и позволяли их грабить своим тиунам и посадникам. Пирьы Изяслава, Святослава и Всеволода были доступны одним дружинникам, дружинники только на-

слаждались роскошною княжескою трапезою и вместе с князем потешались музыкою, песнями и разными играми, земцев же нарочитых людей туда вовсе не приглашали. О приглашении земцев на совет сыновья Ярослава также не думали, а, напротив, старались отказывать и законным требованиям земского вече, как, например, Изяслав во время войны с половцами отказал киевскому вече в выдаче оружия и коней. Ближайшим необходимым следствием такого поведения князей было то, что земщина охладела к князьям и равнодушно стала смотреть на переходы князей и дружинников из одной области в другую; земцы в это время не только не защищали и не поддерживали князей, но даже иногда изгоняли их, как это сделали киевляне с своим князем Изяславом в 1067 году, или передавались другим князьям, как это сделали черниговцы в 1078 году, передавшись Олегу Святославичу от Всеволода, или владимирцы в 1084 году передались Ростиславичам, а своего князя Ярополка Изяславича оставили. Да и вообще при нападении князей друг на друга ни один город не защищал своего князя, кня-

зья защищались и нападали при помощи своих дружинников и половцев.

При взгляде на внутреннее состояние русского общества или земщины во время детей Ярослава прежде всего бросается в глаза какое-то раздвоение, борьба старого с новым; тогдашние памятники представляют нам то светлые образы нового направления, порожденного христианством, то мрачные картины старого язычества и крайнего невежества и суеверия. Центром светлых явлений тогдашней общественной жизни был в то время Киево-Печерский монастырь, основанный двумя бедными иноками: Антонием, уроженцем города Любеча, и Феодосием, пришельцем из Курска. И первыми светлыми личностями сей обители являются сами основатели ее, мужи просвещенные, с твердою волею и полною преданностью христианскому учению, снискавшие своею высокохристианскою жизнью не только почтение и удивление у простолюдинов, но любовь и уважение у самих князей и знаменитейших дружинников; так что сами князья приходили к ним для бесед и советов. А когда Антоний или Феодосий приходи-

ли во дворец княжеский, то шум, говор и музыка прекращались и водворялась благоговейная тишина и внимательное слушание поучительной беседы святых мужей. Ученики Антония и Феодосия также пользовались большим уважением у народа и князей и были представителями светлой стороны тогдашнего русского общества; иные из них прославились подвигами благочестия, не выходя из стен монастырских; другие, напротив, получив христианское образование в монастыре, впоследствии действовали вне монастыря на разных чредах общественной жизни и по всем краям Руси распространяли христианское просвещение в темном народе, смягчая грубые нравы еще полуязыческого общества. Из печерских иноков были и такие, которые прославились апостольскою проповедью в отдаленных краях тогдашней Руси, еще не озаренных светом христианства: таковы были ученики Антония и Феодосия Леонтий и Исаия, проповедовавшие христианство в Ростове, из коих первый запечатлел свою проповедь мученическою кончиною; тоже печерский инок был Кукша, проповедовавший

Евангелие в земле диких вятичей, крестивший там многих язычников и также запечатлевший проповедь своею кровью. Многие из печерских иноков занимали епископские кафедры по городам, и первый наш летописец знаменитый Нестор был также печерским иноком. Но не один Печерский монастырь представлял светлую сторону; новое направление, данное русскому обществу христианством и соединенным с ним просвещением, везде приносило добрые плоды: князь Всеволод Ярославич говорил на пяти языках. Князь Святослав Ярославич, Владимир Всеволодич любили чтение книг и беседу с благочестивыми и просвещенными людьми. О Святославе Ярославиче один современник его пишет: «Сей князь, подобно пчеле со всякого цветка писания собрав в один сот в мысленное сердце свое – сладость, источал ее из уст своих пред боярами на вразумление им и являлся им новым Птолomeем не по вере, но по желаниям сердца, по собранию многоценных божественных книг разных, которыми наполнил свои клетки». Митрополиты Иларион и Иоанн II, епископ Лука Жидята славились в

то время своим книжным учением и оставили замечательные поучения, частью дошедшие до нашего времени. А что всего важнее для жизни общества, просвещение тогда не было заключено в одних монастырях, но более или менее распространялось и между мирскими людьми; чему доказательством служат библиотеки князей, а вероятно, были библиотеки у бояр и других светских людей. В Патерике Печерском рассказывается случай, что печерский инок Григорий, имевший значительную библиотеку, желая задобрить одного судью, подарить ему несколько книг, и судья принял подарок и исполнил то, о чем просил Григорий. Очевидно, судья, не охотник до книг, не принял бы такого подарка.

Но рядом с прекрасными плодами нового просвещения, пришедшими вместе с христианством, дошедшие до нас памятники представляют нам свидетельство и о темной стороне тогдашнего общества на Руси, указывающей на то, что старое язычество еще было довольно сильно и поганские нравы и обычаи еще продолжались между новыми христианами. Так, из правил митрополита Иоанна

видим, что на окраинах Русской земли иные новопросвещенные христиане продолжали есть мясо в Великий пост и не причащались Святых Тайн, иные без стыда и срама имели по две жены и жили с ними без церковного венчания; а были и такие, которые продолжали приносить жертвы бесам, кладезям и болотам по старому языческому обыкновению. Даже в самых монастырях был распространен немонастырский обычай заводить частые пиры, и приглашать на них мирских мужей и жен, и друг перед другом состязаться, кто лучше устроит пир. А мирские пиры между христианами, по тому же свидетельству, сопровождались игранием, плясанием, гудением, пьянством, языческими песнями, неблагопристойными беседами и иногда драками и ссорами. Или Нестор, укоряя своих современников в привязанности к языческим обычаям и холодности к церкви, пишет: «Не погански ли живем, ежели еще веруем в встречу, ибо кто встретит монаха или зайца или свинью, возвращается назад, другие веруют в чиханье, которое бывает на здравие голове. Но сими дьявол льстит и другими нравами, всячески

лестями отдаляя нас от Бога, трубами, скомо-
рохами, гуслиями и русальи. Видим бо игрища
утолочена, и людей многое множество, так
что толкают друг друга на позорищах замыш-
ленных от беса; а церкви стоять, а когда на-
ступает час молитвы, мало их обретаются в
церкви». Иные из князей и их дружинников
отличались крайнею грубостью и жестоко-
стью, как рассказывается в Печерском Пате-
рике о Ростиславе Всеволодовиче и как мы
знаем по летописи о Мстиславе Изяславиче,
свирепствовавшем в Киеве в 1068 году.

Язычество, выращенное целою прежнею
жизнью русского народа, естественно, не мог-
ло совершенно исчезнуть в какие-либо сто
лет. Мало этого, оно в это время даже делало
попытки возвратить себе прежнюю силу и по
разным местностям находило себе сочув-
ствие у темных людей. Так, в 1071 году вдруг
поднялись волхвы и в Киеве, и в Ростове, и в
Новгороде. По словам Нестора, в Киев явился
волхв в полном исступлении оракула и начал
говорить людям, что ему явились пять богов,
что на пятое лето Днепр потечет вверх и стра-
ны передвинутся на иные места. Греческая

земля будет на месте Русской земли, и Русская на месте Греческой, и иные страны также переменят свои места. Эта языческая проповедь разделила Киев на две стороны: сторона невежд, тайных язычников, обратилась к волхву и охотно слушала его; другая же сторона, искренно привязанных к христианской вере, стала смеяться над ним, говоря: бес тобою играет тебе на пагубу; и действительно, волхв в одну ночь пропал без вести. В Ростовской земле в то же время показались два волхва, пришедшие из Ярославля; они, воспользовавшись голодом, бывшим в том краю, шедши по Волге, стали говорить: «Мы знаем, кто скрывает обилие – и, заходя в прибрежные погосты, указывали на лучших женщин, говоря, что такая-то удерживает жито, такая-то рыбу, такая-то мед; и суеверные невежды стали приводить к ним сестер своих, матерей и жен, которых они избивали. Такая нелепая проповедь сначала имела некоторый успех, так что волхвы пришли на Белоозеро в сопровождении трехсот суеверных невежд; но здесь успех их прекратился, – более благо-разумные белозерцы принесли на них жало-

бу случившемся там Святославоу данщику Яну Вышатичу, который вытребовал волхвов к себе на суд и по суду велел повесить. В том же году еще сильнее было восстание язычников в Новгороде; там один волхв объявил себя богом, явно ругал христианскую веру, обещался пред всеми идти по водам Волхова, как по суше, произвел общее восстание в народе и грозил убить епископа; так что епископ прибег к крайнему средству, облачился в архиерейские ризы, взял крест в руки и, вышедши к народу, сказал: «Кто верует волхву, пусть идет за ним; а кто верует во Христа, тот да идет ко кресту». И город разделился надвое: князь Глеб Святославич с дружиною стал на стороне епископа, а народ стал за волхва. Тогда Глеб, скрывши под одеждою топор, подошел к волхву и сказал: знаешь ли, что будет завтра утром и что вечером; волхв отвечал: все ведаю; тогда Глеб еще спросил, а знаешь ли, что будет нынешний день; волхв отвечал: я сотворю великие чудеса. Вслед за сими словами князь вынул топор и одним ударом рассек волхва надвое. И народ, видя злую кончину своего самозваного бога, разо-

шелся по домам, и тем кончилось явное восстание язычества в Новгороде.

Таким образом, все попытки старого язычества и в Новгороде, и на Белеозере не удались; но, тем не менее, северный край России, страна Ростовская и далее на север земли заволоцкой чуди долго еще были гнездом самого упорного язычества; христианство там прививалось только в славянском населении, исконные же тамошние жители – финны, издревле известные у соседей за страшных волхвов и чародеев, надолго еще оставались ревностными язычниками и время от времени высылали в соседние земли отчаянных борцов язычества, которые, особенно женщины, странствуя по селам и деревням, продолжали поддерживать разные суеверия в темном народе. Полотская земля, находившаяся в ближайшем соседстве и тесных связях с языческою Литвою, также долго страдала суеверием и слепым язычеством. Летопись рассказывает под 1092 годом странный случай, переполошивший полочан и дручан: однажды ночью слышался какой-то необыкновенный шум и стон, вероятно подземный гул от зем-

летрясения или от других естественных причин; но это суеверным народом было перетолковано в пользу язычества; толпа стала разносить вести, что мертвецы (т. е. умершие язычники) бьют полочан, что в Полотске и по всей тамошней области, начиная от Друцка, по ночам страшный стук и стон, что бесы, как люди, рыщут по улицам и невидимо уязвляют до смерти того, кто вылезет из хоромины, чтобы взглянуть, что делается, что потом они стали являться и среди дня, разъезжая на конях, так что самих их не видно, а видны только конские копыта.

Но все усилия, все затеи, все страхи и пустые ужасы, чтобы обратить русское общество к языческой старине, очевидно, везде оказывались безуспешными. Новая христианская вера настолько уже успела укрепиться между русскими, что восстановление язычества явно было невозможно; при всех попытках закоренелых идолопоклонников и волхвов лучшая и сильнейшая часть русского общества всегда становилась на сторону христианской веры и явно смеялась над затеями староверов-язычников, одни только темные

люди, невежи, глухо верили волхвам, да и те не оказывали большого сопротивления лучшим людям и мирно расходились вслед за поражением своих заводчиков-волхвов. А между тем церкви и монастыри быстро росли, люди просвещенные и ревностные последователи Христовой веры продолжали неукоснительно распространять христианство и просвещать темных людей.

Но в то время как старина гнилая, отжившая, суеверная вымирала и уступала новому христианскому просвещению, другая старина, здоровая и крепкая, т. е. старое земское устройство, составлявшее существенную основу жизни русского общества, продолжала жить по-прежнему; охраняла законную самостоятельность общества от всех внешних притязаний, способствовала к его постепенному и правильному развитию и не допускала погибнуть русскому народу в княжеских междоусобицах и в войнах с внешними неприятелями. Этой здоровой старине христианство, как мы уже видели, дало новые силы и, соединив разные славянские племена, составлявшие Русь, одною верою, одною цер-

ковью, крепче связало их, и как бы отлило в одну сплошную массу русских людей, православных христиан. Княжеские междоусобия при сыновьях Ярослава, приостановившие развитие княжеской власти, начавшееся при Владимире и Ярославе, в свою очередь также много способствовали старому земскому устройству поддерживать свою самостоятельность и еще более отделить князя и дружину от земщины, не разрывая в то же время связи с князьями и признавая их власть.

Собственно общественное устройство при сыновьях Ярослава по всей Русской земле было общинное, как и в прежнее время вся Русская земля продолжала еще состоять из разных крупных и мелких общин, находившихся в более или менее тесной связи друг с другом. Общины сии носили название городов и селений. Городами тогда назывались те главные крупные общины, к которым тянулись мелкие общины: они делились на старые города и пригороды. Селения также делились на села и починки, а несколько сел и починков, состоявших в связи друг с другом, составляли новые центры, подчиненные городам, кото-

рые на юго-западе Русской земли назывались волостями, а на северо-востоке погостами. Так что любой край в Русской земле непременно имел в себе главный город, от которого большею частью получал и свое название, и в каждом краю от главного города зависели и тамошние пригороды, т. е. или колонии главного города, или города, построенные на земле, тянувшейся к старому городу, хотя бы они были населены выведенцами из других земель. Целый край тянувшийся к своему старому городу, и при власти княжеской управлялся вече старого города, от которого вече зависели и пригороды; в каждом пригороде также было свое вече, которому повиновались волости и погосты, тянувшиеся к городу; равным образом волости и погосты и каждая мелкая община имели свой мир, свое вече, приговору которого должны были повиноваться члены общины. Таким образом, каждый целый край Русской земли был союзом общин, его населявших, или большим миром, состоящим из союза малых миров, поселенных на его земле и ему подчиненных; а вся Русская земля была общим русским миром.

Но для этого общего мира во время сыновей Ярослава и долго после них еще не было выработано жизнью и историей общего вече; ибо ни один большой мир, ни один самостоятельный край Русской земли не признавал себя в подчинении другому краю; а из князей того времени и долго после ни один не мог назваться главою или представителей всего русского мира, ибо каждый из них был только князем одного или нескольких больших миров Русской земли. Связь, выражающая единство общего русского мира или всей Русской земли, тогда состояла только в единстве религии, языка и общественного устройства.

При таком общественном устройстве Русская земля, или скорее большие миры Русской земли как самостоятельные общества, сама защищалась от набегов неприятельских, или сама начинала войны с соседями или возмущившимися своими данниками — иноземцами. Конечно, в сих войнах всегда почти принимали участие князья со своими дружинами, они это считали своею обязанностью и этим преимущественно могли привлечь к себе расположение народонаселения. Главны-

ми и постоянными врагами Руси в это время были половцы, занявшие своими кочевьями степи, лежащие на юго-восточных границах Русской земли и по своему дикому разбойническому характеру почти ежегодно грабившие пограничные русские области. А посему во всех русских областях, соседних с половецкими степями, было протянуто несколько линий небольших городков, куда при половецких набегах тамошние русские люди укрывались со всем своим имуществом и большею частью отсиживались; ибо половцы, бойкие и ловкие в открытом поле, не умели брать и плохих городков и вообще боялись мест закрытых. Тем не менее для их разбойнических набегов в летнюю пору всегда была порядочная пожива в русских пограничных владениях; все сельские жители, застигнутые врасплох и не успевшие укрыться в городках или как-нибудь спрятаться, обыкновенно попадались в плен и вместе со своими стадами отгонялись в степи, а беззащитные селения выжигались. Пленников половцы или оставляли у себя в рабстве, или продавали на сторону, или отдавали на выкуп родственникам и

знакомым, и для этого выкупа или покупки пленников русские люди свободно допускались в половецкие кочевья, куда также свободно съезжались болгары, хазарские жидаы и греки, тоже для выкупа и покупки пленников.

Но кроме постоянных мелких разбойнических набегов половцы за время сыновей Ярослава делали несколько набегов большими полчищами, в которых им приходилось сталкиваться и с русскими ратями и брать иногда города. Первый большой набег половцев был в 1055 году, когда они со своим князем Болушем подступили к переяславским владениям и, не воюя, заключили мир с князем Всеволодом; потом в 1061 году явилась другая орда половцев с князем Искалом и также напала на Переяславские владения, разбила Всеволода и страшно опустошила землю; в 1067 году новая орда половцев опять опустошила не только переяславские, но черниговские и киевские земли и разбила русских князей на Альте. В 1071 году половцы воевали у Ростова и Неятина, вероятно в пределах переяславских, но здесь они, кажется, не встречались с

русскою ратью и ограничились грабежом беззащитных сел. Потом несколько раз они приходили с русскими князьями Олегом и Романом Святославичами и Борисом Вячеславичем воевать против старших князей Изяслава и Всеволода Ярославичей. В княжение Всеволода особенно прославился и снискал любовь народа своими быстрыми и удачными походами на половцев Всеволодов сын Владимир Мономах, который в продолжение 14 лет отцовского княжествования в Киеве постоянно гонялся за половцами с своею дружиною и с земскими полками; он сам в одном своем сочинении насчитывает до 12 своих походов на половцев, преимущественно в пределах Переяславского и Черниговского княжений, по рекам Десне, Супою и Суле; он раз даже пробрался за Хорол, в половецкие степи, куда до него не доходил ни один русский князь.

На северо-западе, в пределах новгородских, врагами русского владычества, хотя слабыми, были разные независимые и полупокоренные финские племена, против которых почти всегда удачно воевали новгородцы и псковичи, и одни, и с своими князьями. Здесь

преимущественно дело состояло в том, чтобы распространить новгородское влияние на финские племена или поддержать новгородскую власть над племенами, возмущившимися против нее. В первый же год по кончине Ярослава посадник Остромир с новгородцами ходил в Эстонию и взял там чудский город Осек Декипив; потом в 1060 году сам Изяслав Киевский приходил в Новгород и вместе с новгородскими полками ходил в Ливонию на финское племя сосол и наложил на них дань в 2000 гривен; впрочем, сосолы, вслед за удалением Изяслава из их земли, выгнали его данщиков и на весну подошли к Юрьеву (Дерпту), русскому городу в тамошней стране, сожгли его, опустошили окольные русские села и дошли до самого Пскова; но здесь были встречены новгородцами и псковичами и, разбитые в сильной и упорной сече, бежали в свои леса и осеки. В 1069 году возмутилось против новгородцев финское племя водь и под предводительством удалого Всеслава Полотского подступило к самому Новгороду, конечно с целью пограбить; но новгородцы с своим любимым и храбрым князем Глебом

Святославичем дали им битву на Гзени близ Зверинца, где вожан было иссечено бесчисленное множество, и Всеслав попался в плен; впрочем, новгородцы сжалились над ним и отпустили на свободу. Потом новгородцы воевали с своими полупокорными данниками – заволочскою чудью в пределах Северной Двины; в этом далеком походе был убит любимый их князь Глеб.

Последние годы Всеволодова княжения в Киеве особенно были тяжелы для Приднепровья. Кроме частых набегов половецких и разорительных поборов от Всеволодовых тиунов, жители Киева и других соседних стран страшно страдали от голода, происшедшего вследствие сильной засухи, от которой загорались леса и болота, и, наконец, от повальных болезней, погубивших в одном Киеве в два месяца с половиной семь тысяч человек. Кроме действительных бедствий, народ в это же время был страшно смущаем разными предзнаменованиями новых бед: таковыми предзнаменованиями тогда считались солнечное затмение, бывшее 21 мая 1091 года, легкое землетрясение в 1092 году и какой-то

круг посреди неба и другие естественные, но необыкновенные воздушные явления. Все это наводило большой ужас на тогдашних русских людей, все в смятении ждали новых несчастий, и духовенство призывало людей к покаянию и удалению от злых дел, от зависти и неприязни. И в это время скончался Всеволод, давно уже страдавший разными болезнями.

Рассказ восьмой. Внуки и правнуки Ярослава

Недаром народ был смущен разными предзнаменованиями пред кончиною Всеволода: за этой кончиной действительно последовали страшные бедствия, каких еще не было в Русской земле. Все, что было сдавлено могуществом Всеволода, все накипевшие неудовольствия, все вопиющие обиды поднялись и предъявили свои права, все обиженные и ограбленные начали требовать того, что у них отнято. Умнейший и знаменитейший из тогдашних князей Владимир Всеволодович Мономах, желая сколько возможно отдалить взрыв недовольных, как-нибудь прикрыть неправды отца и найти себе хорошего союзника на случай неминуемой войны с недовольными, вслед за похоронами Всеволода послал в Туров к тамошнему князю Святополку Изяславичу с известием, чтобы он шел занять киевский престол как свою отчину; сам же ушел в Чернигов, которым владел в последние годы отцовской жизни, а другой брат

его, Ростислав, пошел в Переяславль. Таким благоразумным и хорошо рассчитанным распоряжением Мономах действительно отдал взрыв недовольных до первого благоприятного случая, который, к несчастью, не замедлил представиться.

Скупой Святополк, не посоветовавшись с опытными людьми, не купил мира у половцев и даже посадил под стражу их посланников, пришедших к нему в Киев. Это страшно разобидело половцев, уже стоявших на границе и готовых к войне, они немедленно начали воевать и осадили Торческ, русский город на Руси. Святополк, не имея достаточно войска, пригласил к себе на помощь Владимира Мономаха и брата его Ростислава, и все трое и с киевскими земскими полками отправились на выручку Торческа. Но едва они переправились через Стугну и миновали Треполь, как половцы вышли к ним навстречу и началась страшная сеча, кончившаяся совершенным поражением русских князей; Святополк едва убежал в Юрьев, а Владимир Мономах в Чернигов, Ростислав же в бегстве потонул при переправе через Стугну. Половцы, одер-

жав победу, разделились надвое, одни продолжали осаду Торческа, а другие принялись жечь и опустошать несчастную страну киевскую, города и села запылали, и так продолжалось без малого два месяца. Половцы даже пробрались до Киева и Вышгорода. Святополк снова вышел со своею ратью и дал битву при Желани, но эта битва для него была несчастнее Трепольской, он едва сам-третей убежал в Киев; вслед за тем сдался половцам Торчesk, девять недель бывший в осаде и изнемогавший от голода; половцы зажгли город, а несчастных жителей пленниками погнали в свои степи. Летописец, описывая бедствия киевского края в это время, говорит: «Лукавые сыны Измайловы (так по книжному называли половцев) пожгли наши села и гумны, не пощадили и церквей, всюду по земле нашей плач, опустели наши города и села, нивы наши поросли и обратились в жилище зверей, на лугах наших нет ни коней, ни волов, ни овец; жители одни уведены в плен, другие посечены, иные умирают с голода и жажды, ходят нагие и босые, с почерневшими лицами, избитые, измученные и ждут смерти». Свято-

полк, два раза разбитый и уже не имея ниоткуда помощи, волей неволей заключил мир с половцами, т. е. дал большой выкуп и женился на дочери их князя Тугоркана, и тем остановил на этот раз страшное опустошение земли Киевской.

Но бедствия Русской земли тем не кончились, за Киевом наступила черед Чернигову и Переяславлю. В следующий же год Олег Святославич, проживавший в Тмутаракани и ждавший только удобного случая возвратить себе отцовский Чернигов, надеясь, что разбитый Святополк не будет помогать Владимиру Мономаху, явился с половцами под Черниговом. Владимир Мономах думал отсидеться и затворился в городе; но Олег не затем пришел, чтобы идти назад ни с чем, он велел зажечь окрестные села и монастыри, а сам стал приступать к Чернигову; восемь дней кряду дружина Мономахова защищала городской вал и была почти вся избита; наконец, видя невозможность держаться долее, Мономах заключил с Олегом мир и отдал ему Чернигов, а сам с своим семейством и дружиной, которой не осталось и ста человек, отправился в свой

отцовский Переяславль. Половцы, добывшие Олегу Чернигов, в награду за труд получили от него дозволение грабить черниговские села и, награбившись досыта, ушли в свои степи.

Владимир Мономах, выгнанный из Чернигова, три лета и три зимы, как сам говорит, сидел в Переяславле с своею дружиною, терпел голод и всякую нужду, беспрестанно воюя с половцами, опустошавшими Переяславскую землю, и наконец добился того, что половцы, разбитые в разных местах, особенно под Римовом, очистили Переяславские земли и стали просить у Мономаха мира. Для переговоров об этом мире явились в Переяславль два половецких князя Итлар и Китан; первый вошел в город с лучшими своими спутниками, а второй остановился перед городом в шатрах, и Мономах дал Китану в заложники своего сына Святослава. В это время пришел к Мономаху Славята, посланец от Святополка Киевского, и, сговорясь с Ратибором, старшим дружинником Мономаховым, уговорили князя убить Итлара. Мономах сперва не соглашался, а потом, согласившись, послал Славяту с

частью дружины и торками выкрасть ночью Святослава и убить Китана с его дружиною в шатрах; те сделали как приказано: подкравшись ночью, выкрали Святослава, а Китана и его дружину иссекли; на другой же день поутру Ратибор приказал убить остановившихся в его доме Итларя и его спутников, что также было в точности исполнено слугами Ратиборовыми.

Убивши изменнически Итларя и Китана, Мономах и Святополк отправились на половцев в их степи; они звали с собою и Олега Черниговского, но тот не пошел. Настоящий поход их был довольно удачен: Мономах и Святополк, перешедши Псел за Гольтвой, взяли половецкие вежи, полонили скот и невольников и воротились домой благополучно. Но вслед за ними явились и половцы в Поросье мстить за разорение своих веж; они осадили главный тамошний город Юрьев, держали его в осаде целое лето и принудили Святополка заключить с ними мир такой, какой им хотелось. Ближайшим следствием этого мира было то, что русские оставили Юрьев и другие города и селения, лежавшие на пра-

вом, или стенном, берегу Роси, и все вместе с своим епископом Марином перешли на левый берег и поселены Святополком во вновь построенном городе Святополке; половцы же зажгли опустелый Юрьев и все заросские селения.

Между тем Мономаху во чтобы то ни стало хотелось возвратить Чернигов и Смоленск и выгнать оттуда Святославичей; он сперва приказал сыну своему Изяславу, князю Курскому, взять Муром; потом, когда это было сделано, вместе с Святополком послал сказать Олегу: «Приходи в Киев, чтобы сообща положить поряд о Русской земле перед епископами и перед игуменами и перед мужами наших родителей и перед людьми градскими, чтобы нам оборонить Русскую землю от поганых». Но Олег, обиженный отнятием Мурома и опасаясь какого-либо обмана, отвечал: «Епископы и игумены и смерды не имеют нрава судить меня» – и не пошел в Киев. Тогда Святополк и Мономах послали сказать ему: «Ты с нами не ходишь на поганых и на совет к нам нейдешь, значит, ты мыслишь против нас зло и хочешь помогать поганым,

пусть же рассудит нас Бог»; и вслед за тем от-
правились с своими полками к Чернигову. Олег, не ожидая такого скорого нападения, бежал из Чернигова в Стародуб, куда за ним погнались и Святополк с Мономахом и осадили город. Олег защищался мужественно, осада продолжалась тридцать три дня, было несколько приступов, защитники города уже стали изнемогать, и Олегу не уйти бы от своих врагов; но верные его союзники – половцы выручили его: одна орда их под предводительством удалого Боняка явилась около Киева, а другая с другим князем Курею у Переяславля. Святополк и Мономах, получив об этом весть, согласились дать Олегу мир, обязав его оставить Стародуб и удалиться к своему брату Давыду в Смоленск, и потом оттуда вместе с братом прийти в Киев на общий поряд.

Святополк и Мономах от Стародуба пошли воевать с половцами в Переяславских и Киевских владениях, но они уже не застали там ни Кури, ни Боняка; наместо Кури стоял под Переяславлем Тугоркан и держал город в осаде; Святополк и Мономах успели обойти шатры Тугоркановы и, соединившись с переяс-

лавцами, разбили половцев. А в это время удалой Боняк вторично побывал под Киевом, едва не ворвался в самый город, ограбил и сжег все пригородные монастыри и села и, никем не преследуемый, с добычею воротился в свои степи. Между тем Олег Святославич, пополнивши свою дружину у брата в Смоленске, пошел добывать отцовское владение Муром; Изяслав, услышавши об этом, собрал к себе полки ростовцев, суздальцев и белозерцев и приготовился встретить Олега; но многочисленные полки не спасли его, он был разбит и убит под Муромом. А Олег, занявши Муром, отправился воевать Суздальскую и Ростовскую земли, уже успел взять без сопротивления и Суздаль, и Ростов и пробирался к Новгороду; но здесь был остановлен Мономаховым старшим сыном Мстиславом, который с новгородцами и подоспевшими от отца наемными половцами удачно разбил Олега на реке Колакче и не только принудил его оставить Ростов и Суздаль, но и заставил бежать из Мурома и Рязани и потом из Рязани послал сказать ему: «Не бегай никуда, а пошли к братьям своим с мольбою, чтобы не лишили те-

бя Русской земли, а я пошлю к отцу просить за тебя». Олег обещался сделать так, а Мстислав с своей стороны послал просительное письмо к Мономаху; и Мономах поспешил заключить с Олегом мир, чтобы скорее собрать общий княжеский съезд и там порешить все споры. Наконец после четырехлетних кровопролитий состоялся в 1097 году общий княжеский съезд в Любече, куда собрались Святополк, Мономах, Давыд Игоревич, Василько Ростиславич и Давыд и Олег Святославичи. На этом съезде князья все порешили, чтобы каждое княжеское племя в Ярославичах держало отчину своего родителя: именно Святополк Изяславову отчину Киев с причисленными к нему областями; Давыд, Олег и Ярослав Святославичи Святославову отчину Чернигов с Муромом, Рязанью и Тмутараканью; Мономах Всеволодову отчину Переяславль, Смоленск и землю Ростовскую; Давыд Игоревич отчину своего отца Владимир-Волынский; а племянники их Володарь и Василько Ростиславичи владели бы Перемышлем и Теребовлем, которые за ними утвердил Всеволод. И на том целовали крест, и каждый говорил: «Если те-

перь кто из нас поднимется на другого, то мы все встанем на зачинщика, и крест честный будет на не тоже!» И потом все повторяли: «Крест честный на него и вся земля Русская». Казалось, такую торжественною клятвою должны были прекратиться все междоусобия.

Но не все еще князья успели приехать в свои волости после Любечского съезда, как княжеские междоусобия начались с новою силою; и Мономах сделался главою, руководителем князей и защитником обиженных, и на его стороне стали Святославичи. Дело началось так, Святополк, как говорят, по наговору Давыда Игоревича, зазвал в Киев проезжавшего домой Василька Ростиславича, князя Тербовльского, и приказал выколоть ему глаза. Мономах, получив весть о таком злодеянии, пригласил Давыда и Олега Святославичей в Городец; и все трое послали своих мужей сказать Святополку: «Зачем ты сделал такое зло в Русской земле, вверг нож между нами? На что ослепил своего брата? Если он был виноват перед тобою, то обличил бы его перед нами и тогда по суду наказал бы его; а ныне объяви нам вину его, за что так поступил с

ним». Святополк на это не принес удовлетворительного оправдания, и на другой день союзники Мономах и Святославичи уже готовились перевозиться через Днепр и идти на Киев ратью, а Святополк собирался бежать из Киева; но киевляне не пустили его и послали от себя к союзникам мачеху Мономахову и митрополита молить, чтобы не губили Русской земли и не начинали кровопролития. Мономах, из уважения к просьбе киевлян и по ходатайству митрополита и мачехи, вступил в переговоры с Святополком, и после нескольких пересылок союзники помирились с князем Киевским и сказали ему: «Святополк! Так как ты говоришь, что смуту сделал Давыд, то иди на него и поймай или прогони»; и на том друг другу целовали крест.

Между тем Давыд Игоревич, державший ослепленного Василька у себя во Владимире-Волынском, вздумал завладеть Васильковым княжением; но Васильков брат Володарь, князь Перемышльский, выступил против него и принудил отпустить Василька, и Василько по-прежнему сел в своем Тереховле. Наконец Святополк, во исполнение киевского

договора, двинулся к Владимиру-Волынскому и осадил в нем Давыда Игоревича; осада продолжалась семь недель, и Давыд, не имея сил сопротивляться долее, умолял Святополка, чтобы он дозволил ему выйти из города, и, получив дозволение, ушел в Польшу. Но Святополк, не удовольствовавшись прогнанием Давыда, вздумал прогнать и Ростиславичей, и снова началась страшная междоусобная война, продолжавшаяся около трех лет. Ростиславичи при первой же встрече разбили Святополка; потом, соединясь с Давыдом Игоревичем, возвратившимся из Польши, и при помощи половцев, предводительствуемых удалым их князем Боняком, разбили приведенных Святополком венгров. Вслед за тем Давыд Игоревич при помощи тех же половцев возвратил себе Владимир-Волынский; и Святополк опять пошел на него. Тогда, чтобы прекратить междоусобия, грозившие затянуться надолго, Владимир Мономах с Святославичами назначили новый съезд князей в Уветичах, куда явились и Святополк с Давыдом Игоревичем. На этом съезде порешили, чтобы Давыд отказался от Владимира-Волынского, за

что ему дали Бужский острог, Дубен и Черто-
рыеск и четыреста гривен серебра, к чему
Святополк еще прибавил Дорогобуж. Думали
было и у Ростиславичей отнять Теремовль и
послали к ним такое решение съезда; но те не
приняли сего решения, а Мономах, помня к
ним крестное целование на Любечском съез-
де, не дозволил начать с ними войны; тем де-
ло и кончилось, Ростиславичи остались при
своих владениях. Уветическим съездом об-
щие междоусобия Ярославичей закончились
на целых тридцать лет.

Покончивши междоусобия, Ярославичи
принялись за войны с половцами, которые не
давали покоя пограничным русским владени-
ям. И на следующий же год после Уветическо-
го съезда (т. е. в 1101 году) Святополк, Влади-
мир Мономах, Давыд, Олег и Ярослав Свято-
славичи съехались на новый съезд на Золот-
че, чтобы условиться о войне с половцами.
Половцы, узнавши об этом, немедленно при-
слали от всех своих князей просить мира. Рус-
ские князья назначили им съехаться у Сакова
и там заключили с ними мир и, разменяв-
шись заложниками, разошлись розно. Но мир

с половцами, по самому характеру и образу жизни сих степных грабителей, не мог быть прочным, он даже не прекратил их частных набегов и грабежей. А посему на следующий же год, по настоянию Мономаха, решен был поход в половецкие степи; в этом походе приняли участие Святополк, Мономах и Давыд Святославич, Олег же сказался больным. Князья сии с своими детьми и племянниками, с дружинами и с земскими полками собрались у Переяславля и оттуда отправились в поход пешие в лодьях Днепром, а конные берегом и таким порядком шли до Хортицкого острова, что за порогами; здесь же пешие высадились из лодий и вместе с конными пошли степью, и шли четыре дня до места, называемого Сутень. Между тем половцы, прослышавши о походе русских, собрались в бесчисленном множестве с храбрейшими своими князьями и выслали наперед для разведок самого удалого из своих наездников князя Антулопу с его полком. Русский сторожевой полк встретил Антулопу и, окружив его со всех сторон, начал битву, в которой из первых пал сам Антулопа, а за ним были побиты и остальные,

так что ни один не ушел подать весть своим. Затем явились и остальные половецкие полки, которые были так многочисленны, что казались необозримым лесом; русские бросились на них с такою силою и стремительностью, что половцы в ужасе, не вступая в битву, пустились бежать, и русские, преследуя их, произвели в их смятенных полках страшное опустошение, так что одних князей было убито 20 человек. Победа русских была полная и доставила им огромную добычу – бесчисленные стада рогатого скота, овец, коней и верблюдов, половецкие шатры с их имуществом и рабами и сверх того целые кочевья печенегов и торков, живших с половцами. Этих печенегов и торков Святополк поселил по правому берегу Роси и возобновил для них город Юрьев, уже восемь лет лежавший в запустении.

Но и этот знаменитый поход не смирил половцев, и на другой же год удалой половецкий князь Боняк, мстя за гибель своих, зимою прорвался между русскими городами на Роси, проник до Заруба и разбил и ограбил поселенных там торков и берендеев. А в следую-

цем году половцы явились грабить около Заречьска; впрочем, Святополковы воеводы Ян Вышатич, брат его Путята, Иванко Захарьич и Казарин нагнали грабителей и отняли у них пленников. В 1107 году удалый Боняк весною явился под Переяславлем и отогнал переяславские конские табуны; потом летом пришел опять с стариком Шаруканом и с другими половецкими князьями и осадил переяславский город Лубно на реке Суле; но эта осада им не удалась, как и вообще осады редко удавались сим кочевникам. Пока они стояли станом под Лубном, Святополк, Мономах и Олег с своими детьми и племянниками успели собраться, тихо и незаметно перебросились через Сулу и с такою силою и криком бросились на половецкий стан, что половцы в ужасе, не успевши поставить и знамен, обратились в бегство, и многие даже не успели сесть на своих коней. Русские гнались за ними до Хорола и на этой погоне многих побили, многих побрали в плен и захватили весь стан. Вслед за тем Владимир Мономах, Давыд и Олег Святославичи, как ближайшие соседи половцам, вступили в мирные переговоры с

двумя половецкими князьями, из которых каждый назывался Аэпою, и для лучшего утверждения мира Мономах женил своего сына Юрия на дочери одного Аэпы, а Олег своего сына на дочери другого Аэпы.

Впрочем, и родство русских князей с половецкими князьями не давало надлежащего мира пограничным русским владениям от половцев; кочевники сии, жившие грабежом, не думая о мирных договорах своих князей, попрежнему продолжали грабить соседние русские города и селения. И чтобы сколько-нибудь унять сии грабительства, русские князья Святополк, Мономах и Давыд Святославич, через два года после Аэпинского мира, ходили в половецкие степи; но, дошед до Воиня, воротились назад, вероятно не встретив неприятелей. Наконец, в 1111 году Мономах, переяславским владениям которого особенно много доставалось от половецких набегов, поднял своих постоянных союзников Святополка и Давыда Святославича на новый поход в половецкие степи, и все трое с своими сыновьями еще в глубокую зиму, в феврале, пустились к Дону в глубину половецких сте-

пей, куда уже проведаль им дорогу Мономахов воевода Дмитр Иворович, опустошивший половецкие кочевья на Дону в 1109 году. Они шли на Сулу, Хорол, Псел, Гольтву, Ворсклу и другие реки до Дону в продолжение целого месяца, нигде не встречая неприятелей до самых становищ Шарукана, бывших на Дону и составлявших укрепленный город. Подходя к этому городу, русские надели брони и разделили ратников на полки, готовые к бою; но шаруканцы не решились защищаться и, вышедши из города, поднесли русским князьям с поклоном рыбу и вино. Русские, переночевав в Шарукане, на другой день двинулась к другому половецкому городу Сугрову и сожгли его; потом с Дона пустились в степи искать неприятелей и на реке Дегее нашли их многочисленные полчища, уже готовые к бою. Русские князья, возложив упование на Бога и расцеловавшись друг с другом, прощаясь как бы пред смертью, бросились в битву, которая была ужасна по упорству обеих сторон и кончилась страшным избиением половецв.

Русские простояли на костях неприятель-

ских два дня и потом спустились к реки Сальнице, где стояли полки половецкие, как необозримый лес; здесь произошла новая страшная битва, которая дорого стоила обеим сторонам и кончилась совершенным поражением половцев; и русские, обогатившись разного добычею и пленниками, со славою возвратились домой. Этот поход на половцев был знаменитейшим событием того времени; по словам летописца, слава о нем разнеслась и в Грецию, и в Рим, и к ляхам и к уграм. Но вместе с тем поход сей был и последним при Святополке: в 1113 году Святополк скончался в Киеве, оплаканный дружинниками, которым давал волю чинить всякие неправды.

По смерти Святополка киевский престол должен бы был перейти к старшему сыну его Ярославу, князю Владимиро-Волынскому; но киевляне, недовольные покойным Святополком за его корыстолюбие и притеснения земцов, не хотели, чтобы его сын княжил над ними; и на другой же день после Святополковой кончины созвали вече, на котором порешили звать себе в князья Владимира Мономаха, известного тогда по всей Русской земле своими

многочисленными походами на половцев и уменьем жить в любви с своею земщиною. Мономах на первый зов киевского веча не решился идти в Киев, показывая тем, что Киев — отчина Святополчичей, а не его. Тогда киевляне разграбили двор тысяцкого Путяты, любимца и главного воеводы Святополкова, и дворы сотских и жидов, которым особенно покровительствовал Святополк; и вслед за тем снова послали к Мономаху с такими речами: «Княже! Иди в Киев, а ежели не пойдешь, то знай, что много зла поднимется, дело не ограничится грабежом дворов Путяты, сотских и жидов, пойдут и на княгиню Святополкову и на бояр и на монастыри; и ты князь дашь ответ, ежели будут ограблены монастыри». После этого вторичного приглашения Владимир Мономах уже более не медлил и 30 апреля, т. е. на четвертый день по кончине Святополковой, прибыл в Киев. Киевляне его встретили с радостью, и мятеж прекратился, а Святополчичи и другие князья не осмеливались подать и голоса против решения киевского веча. Утвердившись в Киеве, Мономах одного сына своего Святослава посадил в Пе-

реяславле, другого Вячеслава в Смоленске, а старший его сын Мстислав уже давно княжил в Новгороде по приглашению самих новгородцев, потом Владимир, за смертью Святослава, посадил в Переяславле Ярополка.

Владимир Мономах своим княжением в Киеве напомнил славное время деда своего Ярослава как по своему могуществу, так и по характеру; вступивши на киевский престол уже 60 лет от роду, он был так же неусыпно деятелен, как и в молодости; лета, проведенные в разнообразных трудах войны и мира, только сообщили ему опытность и несколько не ослабили энергии и настойчивости. Он обыкновенно вставал с постели ранним утром и шел в церковь, потом садился с дружиною рассуждать о делах управления и творить суд; по собственным его словам, он от юности сам делал все дела, которые бы следовало делать слуге, и на войне, и на ловлях, день и ночь зимой и летом не давая себе покоя, не надеясь ни на посадников, ни на бирючей, все делал сам, что было нужно, весь наряд в своем дому, и в ловчих ловчий наряд, и в конюхах, и в соколах, и в ястребах, не да-

вал обидеть сильным ни бедного поселянина, ни убогой вдовы, сам смотрел и за порядком церковной службы. При таковой деятельности, при высоком уме и захвативши в свои руки большую и лучшую часть русских владений, Владимир Мономах сразу поставил современную ему Русь честно и грозно в отношении к соседям, а с князьями русскими он, подобно деду своему Ярославу, старался быть в постоянном мире и союзе, но в то же время требовал от них послушания и настойчиво преследовал строптивых.

По вступлении в Киев Владимир Мономах прежде всего озаботился положить границы корыстолюбию жидов, которые, бывши под покровительством Святополка, страшно притесняли бедных киевских земцев, взыскивая с своих должников огромные, чисто жидовские, проценты, и захватили в свои руки большую часть киевской торговли. Чтобы сдержать жидов, Мономах созвал тысяцких от разных городов Киевской Переяславской и Черниговской областей и, посоветовавшись с ними, издал закон, чтобы не брать процентов более десяти кун от гривны на год и чтобы

купцам, сделавшимся несостоятельными не по своей вине, а по несчастию, рассрочивать платеж долгов в годы; а при разделе добитков после несостоятельного купца по своей вине выплачивать долги сперва приезжим купцам и казне, а потом кредиторам того же города делить, что останется, и не допускать к участию в дележе тех, которые брали большие проценты.

Проведавши о смерти Святополка, половецкие князья, знаменитые удальством Боняк и Аэпа, с многочисленными полками нагрянули на восточные границы Приднепровья и осадили город Вырь; но, услыхавши, что Мономах с Олегом Святославичем пришли уже к Ромну и идут на них, обратились в бегство и больше уже не являлись на русских границах в продолжение всего княжествования Мономаха в Киеве. Желая быть в любви и союзе со всеми русскими князьями, Владимир в первый же год своего княжения женил своего сына Романа на дочери Володаря Ростиславича Перемышльского. А на третий год его княжения приехали к нему в Киев Давыд и Олег Святославичи и торжественно при

многочисленном стечении народа перенесли мощи Бориса и Глеба в новосозданную каменную церковь, и три дня богато праздновали это перенесение, и потом в любви и мире разошлись по домам. И Олег вскоре по возвращении из Киева скончался в Чернигове и погребен в церкви Св. Спаса, близ гроба отца своего Святослава.

Три года Владимир Мономах был мирен со всеми русскими князьями, как вдруг Глеб Всеславич, князь Минский, напал на дреговичей, принадлежавших Киевскому княжеству, и сжег их город Слуцк; и тем вызвал на себя войну киевского князя. Владимир Мономах, не любивший полумер, поднял на Всеславича почти всех союзников, и одним непродолжительным походом принудил его униженно молить о мире, и, поучивши его и взявши обещание быть послушным, оставил, за ним все его прежние владения.

Смирив Глеба Минского, Владимир, возвратясь в Киев, в тот же год отправил свои рати в две разные страны: одну на Дунай против греков, куда уже давно, со времен Ярослава, не ходили русские полки, и другую в глу-

бину половецких степей на Дон. Войну с греками Мономах начал из того, что греки в Доростоле убили его зятя царевича Леона, сына прежнего константинопольского императора Диогена. Посланный на Дунай Мономахом воевода Иван Войтишнич быстро завоевал города дунайские и посадил там посадников киевского князя; но другое войско, посланное под начальством Мономахова сына Вячеслава и воеводы Фомы Ратиборича, отступило без успеха от Доростола. Тем не менее греческий император Алексей Комнин поспешил заключить с киевским князем мир и прислал в Киев митрополита Ефесского Неофита и других знатных посланников, которые принесли богатые дары – крест Животворящего Древа, царский венец, чашу сердоликовую императора Августа, золотые бармы Константина Мономаха и пр. При чем Неофит в Киевском соборном храме, возлагая венец царский на Владимира, провозгласил его царем.

Рать, посланная на половцев, была под предводительством храброго Ярополка, сына Мономахова, и Всеволода, сына Давыда Черниговского. Сии два князя благополучно про-

шли, уже знакомые русским, половецкие степи, разбили половцев и взяли три их города на Дону – Сугров, Шарукан и Балин. Сей поход так ослабил половцев, что вслед за удалением русской рати возмущились против них жившие с ними в глубине степей торки и печенеги и после страшной сечи на Дону, продолжавшейся два дня и две ночи, удалились к русским пределам и были поселены Владимиром частью у Переславля, частью по Роси на юг от Киева и впоследствии были известны под именем черных клобуков, или черкасов. А на другой год после Ярополкова похода пришли из половецких степей хазары, и были поселены в пределах черниговских владений, и выстроили себе там город Белую Вежу при верховьях реки Остра.

Между тем Ярослав, сын Святополков, княживший в Владимире-Волынском, дурно обращался с своею женою, внучкой Мономаха, да и в отношении к самому Мономаху вел себя строптиво и сносился с поляками, которых король, Болеслав Кривоустый, был женат на его сестре. Мономах несколько раз приглашал его в Киев; но он таковые приглашения

оставлял без внимания. Наконец в 1118 году Мономах решился смирить Ярослава и, по своему обычаю в таких случаях, поднял на него большую часть своих союзников-князей, вступил в волынские земли и осадил Владимир-Волынский. Целых два месяца Ярослав мужественно держался в осаде; но наконец, не получая ниоткуда помощи, начал молить о мире; и Владимир, сделавши ему строгий выговор и предписавши условия быть во всем послушным и по первому зову являться в Киев, дал ему мир и сам с своими союзниками вышел из Волынской земли. Но условия мира, предписываемые Ярославу, так были тяжелы, что он, оставленный своими боярами, на другой же год бежал к венграм; а Мономах на место его во Владимире посадил своего сына.

Покончив дела на Волыни, Мономах в 1119 году ходил опять на Глеба Всеславича, князя Минского, который, вероятно, плохо исполнял тяжелые условия мира, данные ему три года назад. Этот поход Мономаха был непродолжителен, киевский князь взял Минск, кажется, без большого сопротивления, а самого

Глеба отвез в Киев, где он и умер в том же году. Но беглец Ярослав не оставлял еще своего намерения воротиться на Волынь и сделаться там независимым князем; он два раза приводил туда полки поляков, венгров и чехов и во второй раз, в 1123 году, долго держал в осаде Владимир-Волынский, защищаемый Мономаховым сыном Андреем, и уже готовился к приступу; но накануне приступа был изменнически убит двумя поляками.

Постоянные успехи Мономаха и сравнительно с прежним временем большее спокойствие в Русской земле дали средства разным удельным князьям предпринимать удачные походы на соседей. В 1120 году удалый Ярополк Владимирович Переславский опять ходил на Дон в половецкие степи и воротился назад, не встретив неприятелей; и в том же году другой Мономахов сын Юрий Суздальский удачно воевал с камскими болгарами, разбил их полки и воротился домой с богатою добычею и многочисленным полонем; а Андрей, князь Волынский, по приказу отца в то же время водил половцев в Польшу и произвел там большое опустошение. Ростиславичи

же, Володарь Перемышльский и слепец Василько Теробовльский, делали постоянные набеги на Польшу, и особенно страшен был для поляков Володарь, который часто водил туда половцев и всегда возвращался домой с большими добычами.

С 1123 года быстро стали вымирать князья – сверстники Мономаховы; так, в 1123 году скончался постоянный его верный союзник Давыд Святославич Черниговский, потом, в 1124-м, скончались Володарь и Василько Ростиславичи, наконец, в 1126 году скончался и сам Владимир Мономах. Летописец, говоря о кончине Мономаха, называет его добрым страдальцем за Русскую землю. И действительно, Мономах был лучшим и деятельнейшим из всех современных ему князей, грозою всех врагов Русской земли и особенно половцев. Он сам в своем поучении к детям говорит, что в продолжение своей жизни сделал 83 больших похода, а сколько малых – не упомнит, заключил с половцами 19 миров, не щадя своего имения, взял в плен сто половецких знаменитых князей да избил в разное время до двухсот князей и богаты-

рей.

По смерти Владимира Мономаха киевским князем сделался старший сын его Мстислав, уже настолько знаменитый своими прежними подвигами и своим уживчивым характером с земцами, что его с охотою бы взяла себе в князья любая русская земщина. Другие владения Мономаха, по смерти его, остались каждое за тем его сыном, которого где посадил отец: Переяславль за воинственным Ярополком, Смоленск за Вячеславом, Ростов и Суздаль за Юрием Долгоруким и Волынь за Андреем.

Мстислав княжил в Киеве семь лет, и княжение его было продолжением Мономахова. Половцы, прослышавши о смерти грозного для них Мономаха, немедленно явились в пределах Переяславского княжения, надеясь угнать к себе живших там торков; но надежда их страшно обманула, в Переяславле сидел храбрый Ярополк, привычный уже боец с кочевниками: он при первом слухе о движении половцев загнал всех пограничных жителей и торков в Баручь и другие города; а сам с дружиною засел в Переяславле высматривать,

что будут делать половцы, и, когда заметил, что они стали грабить Посулье, бросился на них, смял их одним натиском и обратил в бегство и часть избил на погони, а часть потонула в реке Суле; и тем кончился этот набег, так что Ярополку не понадобилось помощи ни от Мстислава, ни от других князей.

Мстислав два года спокойно сидел в Киеве, но вскоре потребовалась и его деятельность. В 1128 году началось междоусобие в Черниговских владениях; там Олегов сын храбрый и умный Всеволод, князь Новгорода-Северского, нечаянным наездом занял Чернигов, захватил тамошнего князя, дядю своего Ярослава Святославича, и иссек его дружину. Мстислав, ручавшийся Ярославу за безопасность его владений и целовавший ему крест, должен был вступить в это дело, и он вместе с своим братом Ярополком Переяславским с двух сторон двинулся к Чернигову и целое лето держал его в осаде. Тщетно половцы, союзники Всеволодовы, шли к нему на помощь, Ярополк быстро занял все черниговские города по Семи и Локне и запер половцам все дороги к Чернигову, так что они, дошедши толь-

ко до Выря, должны были бежать в свои степи. Всеволод, не получая ниоткуда помощи, стал умолять Мстислава и дарить его бояр, чтобы заступились за него у князя. Наконец Мстислав, после многих просьб бояр и духовенства и особенно по настоянию уважаемого князем игумена Андреевского монастыря Григория, заключил мир с Всеволодом, по которому Ярослав должен был идти в свою старую волость Муром, где через два года и умер, а Всеволод обещался быть в послушании у Мстислава и уступить ему Курск и некоторые другие города по Семи.

Покончивши дело в Чернигове, Мстислав двинул всех своих союзников на полотского князя Давыда Всеславича и вообще на всех полотских князей, причиною этого похода, по всему вероятию, было непослушание полотских князей или набеги на смоленские или новгородские соседние владения; но, как бы то ни было, Мстислав, подобно отцу своему Мономаху, вступил в землю полотскую с разных сторон и так стеснил полочан, что те выгнали своего князя Давыда с детьми, а на место его избрали брата его Рогволода и с ним

вместе отправились к Мстиславу просить, чтобы он утвердил Рогволода их князем. Мстислав, довольный покорностью полочан, согласился на их просьбу и утвердил Рогволода, конечно, с условием, чтобы он во всем слушался его. Но, очевидно, условие это было очень тяжело, и Рогволод с другими полотскими князьями плохо исполнял его; а посему на следующий же год Мстислав велел схватить всех полотских князей и отослать их с женами и детьми в ссылку в Грецию. Полотские же владения присоединить к своим и посадить там сына своего Изяслава.

Сделавшись обладателем Полотской земли, Мстислав с тем вместе сделался ближайшим соседом Литвы, которая, по всему вероятно, подстрекаемая или самими полочанами, или, скорее, которым-либо из прежних князей, успевшим укрыться от плена, стала беспокоить своими набегами нового полотского князя Изяслава. А посему Мстислав в 1132 году, т. е. на третий год по присоединении Полотской земли, сам со своими сыновьями, с Ольговичами и Всеволодом Городенским отправился на Литву, чтобы смирить новых бес-

покойных соседей. Но поход этот не имел надлежащего успеха; литовцы скрылись в своих непроходимых лесах, и русские только успели пожечь брошенные ими жилища и, не находя противников, воротились назад. Мстислав и другие князья с своими дружинниками, шедшие с большою осторожностью, прошли благополучно литовские пущи и болота; но отставшие от князей земские полки киевлян, шедшие особо, были сильно побиты выступившими из своих лесов литовцами. Литовский поход был последним для Мстислава; ибо он, возвратясь в Киев, вскоре скончался на 56-м году от рождения.

Перед смертью Мстислава все владения Русской земли были разделены между тремя поколениями племени Ярославова, и большая часть была за поколением Всеволодовым или Мономаховичами; им принадлежали княжества Киевское, Переяславское, Волынское, Полотское, Смоленское и весь Ростовско-Суздальский край. За Мономаховичами следовали внуки Святослава, которым принадлежали княжества Черниговское, Новгород-Северское, земля вятичей, Рязань и Му-

ром. Третьими большими владельцами на Руси были правнуки Владимира Ярославича, дети Володаря и Василька Ростиславичей, княжившие в Червонной Руси. Наконец, было еще одно огромное владение – Новгород Великий, стоявший особняком, впрочем, придерживавшийся Мономаховичей. Потомство старшего Ярославича Изяслава в это время страшно измельчало и находилось в полной зависимости от киевского князя, оно владело самыми незначительными землями в пределах Волынского и Туровского княжеств.

По смерти Мстислава Киев со всеми своими владениями достался Мстиславу брату Ярополку, князю Переяславскому; его выбрали сами киевляне и отправили к нему посольство в Переяславль, точно так же, как прежде, они выбрали Мономаха. Причиной такого выбора была, конечно, как любовь киевлян вообще к Мономаховичам, так еще более личность самого Ярополка, который хорошо жил с переяславцами и после Мономаха считался первым ратоборцем против половцев, что очень важно было для киевлян, производивших тогда деятельную торговлю с

греками через половецкие степи. Но киевляне на этот раз горько ошиблись в своем выборе: Ярополк, грозный для половцев, будучи князем Переяславским, не умел защитить киевской области, когда половцы явились туда союзниками Ольговичей.

Шестилетнее княжество Ярополка в Киеве представляет собой непрерывный ряд междоусобий. Ярополк, кажется, желая всем угодить, на первом же году перессорился с Мстиславичами, своими племянниками, и особенно обидел лучшего из них, князя Полотского Изяслава Мстиславича. Он сперва упросил его перейти из Полотска в Переяславль; потом, когда полочане взбунтовались, будучи ободрены удалением Изяслава, и выбрали одного из прежних своих князей, Всеволова внука Василька Святославича, вероятно, скрывавшегося где-нибудь в Литве; тогда Ярополк, чтобы совершенно не потерять земли Полотской, уговорился с своими братьями и перевел Вячеслава Туровского в Переяславль, а Изяслава посадил в Минске, который один из Полотской земли еще оставался за Мономаховичами, и придал ему Туров и

Пинск. Но Вячеславу не пожилось в Переяславле, он, не прожив там и году, воротился в Туров, а Переяславль Ярополк уступил брату своему Юрию Суздальскому, в обмен на Суздальские владения, и таким образом Изяслав остался только при одном Минске. Будучи крайне недоволен такими распоряжениями дядей, Изяслав ушел из Минска к брату своему Всеволоду в Новгород Великий и оттуда вместе с братьями против дядей заключил союз с князьями Черниговскими, т. е. с Ольговичами и Давыдовичами; и по договору новые союзники Мстиславичи, Ольговичи и Давыдовичи объявили войну Мономаховичам. И Изяслав с братом своим Всеволодом повели новгородцев на суздальские владения, принадлежащие Юрию; но новгородцы шли неохотно и, только перешедши Волгу, воротились назад. Между тем Ярополк с своими братьями Андреем и Юрием открыл поход к Чернигову; Изяслав, получивши об этом весть, поспешил туда к своим союзникам Ольговичам и Давыдовичам. Впрочем, под Черниговом на этот раз дело кончилось ничем, Ярополк с братьями, постояв немного и пожегши

черниговские села, ушёл назад в Киев, боясь прихода черниговских союзников – половцев; и это отступление страшно повредило Мономаховичам. Всеволод Ольгович Черниговский им воспользовался как не надо лучше. Как скоро пришли половцы, то он с братьями своими и Мстиславичами повел их на Юрия и страшно опустошил Переяславские владения; и, воротившись в Чернигов с огромною добычею и множеством пленников, начал с Ярополком переговоры о мире, которые продолжались 50 дней и кончились таким миром, какого хотелось Всеволоду и Мстиславичам; Ярополк по этому миру отдал Изяславу Мстиславичу Волынь, а тамошнего князя брата своего Андрея перевел в Переяславль на место Юрия, которому велел возвратиться в его прежнюю волость Ростовскую и Суздальскую.

Добывши Волынь своему союзнику Изяславу, черниговские князья стали требовать, чтобы Ярополк возвратил и им их волость, Курск и все Посемье, которая была отнята у них Мстиславом; Ярополк на это не согласился, и опять началась война. Всеволод Ольгович с братьями снова пригласил половцев,

опустошил все города и села по Суле и подступил к Переяславлю, стоял уже три дня под сим городом; но, узнавши, что идет переславцам на помощь сам Ярополк с братьями и полками киевскими, пошел к нему навстречу, разбил его в страшной битве при верховьях Супоя и принудил удалиться в Киев. После этого обе враждующие стороны вступили в переговоры, которые продолжались четыре месяца с половиною. Наконец Всеволод Ольгович с братьями снова пригласил к себе половцев, и 29 декабря 1136 года переправился через Днепр, целых две недели опустошал киевскую область, подступил к самому Киеву и заставил Ярополка заключить мир, по которому Всеволод с братьями получили все то, чего требовали, т. е. Курск и все города по Семи.

Последним миром под Киевом, казалось, были улажены все дела и отстранены поводы к междоусобиям; но едва прошло два года, как война снова возгорелась, и опять с князьями черниговскими. Поводом к этой войне было то, что новгородцы выгнали от себя Всеволодова брата Святослава Ольговича и при-

гласили себе в князя Ростислава, сына Юриева, а смоляне схватили Святослава на пути и засадили под стражу. Всеволод Ольгович с братьями, видя здесь происки Мономаховичей, снова пригласил половцев и повел их на соседние владения Переяславские, опустошил тамошние города и села и уже готовился перейти чрез Днепр; но весть, что Ярополк собрал огромное войско, заставила его воротиться в Чернигов. Действительно, Ярополк успел хорошо приготовиться к войне: к нему, кроме киевлян, переяславцев и туровцев, сошлись еще полки волынян, угров, галичан, полочан, смолян и ростовцев, и одних берендеев 30 тысяч. С такою ратью Ярополк уже не думал ждать Всеволода, но сам пошел в его владения и осадил Чернигов. Всеволод, видя невозможность бороться с такою силою, хотел бежать к половцам; но черниговцы его остановили, и он с покорностью послал к Ярополку просить мира. Ярополк согласился на просьбу и заключили мир. Мир этот был заключен летом 1138 года, а зимою того же года скончался Ярополк, не оставивши после себя детей.

На шестой день по смерти бездетного Ярополка вступил в Киев брат его Вячеслав Туровский; граждане и духовенство приняли его как сына Мономахова. Но не Вячеславу можно было княжить тогда в Киеве; Киев в то время имел еще большое значение, и чтобы удержаться в нем, нужно было иметь и силы, и ума, и ловкости побольше, чем имел их Вячеслав. Через десять дней по вступлении его в Киев прибыл в Вышгород Всеволод Ольгович с родным братом Святославом и с двоюродным Владимиром Давыдовичем и с небольшой дружиною; потом подошел к Киеву и, став в Копыреве конце, начал зажигать дворы, а между тем послал сказать Вячеславу: «Иди добром». Вячеслав попросил срока на день, чтобы спокойно выбраться, и действительно в данный срок выбрался в Туров, в свое прежнее владение, а в Киев вступил Всеволод Ольгович.

Когда Всеволод сделался князем Киевским, тогда Черниговские и Новгород-Северские владения были за его родными и двоюродными братьями; княжество Переяславское, Туровское и Ростовско-Суздальское за Монома-

ховичами, Волынское и Смоленское за Мстиславичами, а Галицкое княжество, или Червонная Русь, за внуками Ростислава, и Полотское княжество за Васильком Святославичем, внуком знаменитого Всеслава.

Всеволод Ольгович начал свое княжение в Киеве роскошным пиром митрополиту, боярам и всем киевлянам и богатыми милостынями церквам и монастырям. Привлекая ласкою киевскую земщину, Всеволод хотел жить в мире и с князьями и для сего начал ссылаться с Мономаховичами и Мстиславичами и особенно приглашал к себе в Киев своего шурина и старинного союзника Изяслава Мстиславича Волынского; но ни Изяслав, ни братья его, ни Мономаховичи не думали вступать с ним в союз, а, напротив, стали сноситься друг с другом, чтобы общими силами идти на Киев. Тогда Всеволод, видя к себе явную вражду всех потомков Мономаха и не дожидаясь, чтобы они, соединясь друг с другом, пошли на него, двинулся на них двумя путями: именно сам с братом своим Святославом пустился к Переяславлю на Андрея Владимировича, а двоюродного брата своего Владимира

Давыдовича с князьями Галицкими и половцами послал на Вячеслава Туровского и Изяслава Волынского. Начиная этот двойной поход, Всеволод требовал, чтобы Изяслав, Вячеслав и Андрей оставили свои владения, которые он обещал своим родным и двоюродным братьям; но исход похода не оправдал надежд Всеволода, — Андрей, Изяслав и Вячеслав настолько оказали сопротивление, что он нашелся в необходимости оставить каждого в его владении. Тем не менее Всеволод достиг своей главной цели: он каждого из противников принудил заключить отдельный с собою мир и таким образом разрушил готовившийся на него союз потомков Мономаховых и тем обеспечил за собою владение Киевом. А на следующий год скончался Андрей Переяславский и Всеволод перевел в Переяславль Вячеслава Туровского, а в Туров посадил своего сына Святослава; притом же успел захватить Городец Остерский и все другие города по левому берегу Днепра, принадлежавшие Юрию Суздальскому, и забрал все его имущество, там бывшее, конские табуны и стада рогатого скота и овец.

Но по мере того как Всеволод устраивался и улаживался с Мономаховичами и Мстиславичами, его родные и двоюродные братья Ольговичи и Давыдовичи раздражались против него. Их неудовольствия начались с самого вступления Всеволода в Киев, ибо он не исполнил обещанного, не наделил их чужими волостями; но особенно оскорбились Игорь и Святослав Ольговичи, когда по смерти Андрея Переяславского Всеволод перевел в Переяславль Вячеслава, а Туров отдал сыну своему Святославу; они стали ему говорить: «Ты даешь волости сыну, а братьев ничем не надеждаешь». Чтобы как-нибудь уладиться с братьями, Всеволод назначил в городе Ольжичах съезд для всех своих братьев родных и двоюродных; но съезд этот вместо мира и согласия кончился полным раздором, — Ольговичи и Давыдовичи заключили союз против Всеволода, целовали крест, чтобы не выдавать друг друга, и все пошли ратью к Переяславлю, чтобы выгнать оттуда Вячеслава. Всеволод, получивши об этом весть, немедленно послал помощь к Вячеславу, и по той же вести Изяслав Волынский явился под Переяславлем на вы-

ручку к своему дяде. Битва под Переяславлем кончилась не в пользу Ольговичей и Давыдовичей, они, разбитые, должны были бежать в свои города. А вслед за тем Ростислав Смоленский, услышав о их поражении, захватил у них всю волость около Гомьи, а потом Изяслав от Переяславля вступил в землю Черниговскую и опустошил села по Десне и около Чернигова. Но Ольговичи и Давыдовичи от этого не смирились и, лишь Изяслав успел выйти из их владений, бросились к Переяславлю, желая отомстить свое поражение; но и на этот раз им не было удачи: бившись под Переяславлем три дни без успеха, они принуждены были воротиться домой. Тогда Всеволод, чтобы как-нибудь уговорить братьев к миру, вызвал из Печерского монастыря всеми уважаемого своего двоюродного брата, инокка Николая Святошу (т. е. Святослава Давыдовича), и послал его к братьям для переговоров, требуя от них, чтобы они прекратили войну с Мстиславичами, и предлагая им разные города. Ольговичи и Давыдовичи, смиренные двукратною неудачею в войне и внимая советам уважаемого инокка-брата, приняли предложе-

ние Всеволода и по его зову приехали в Киев. Достигнув таким образом послушания от братьев, Всеволод пошел далее, он повел дело так, чтобы разрушить опасный для него союз между родными и двоюродными братьями. Для этого он через своих людей обратился сперва к Давыдовичам, чтобы они отступились от его родных братьев, обещая им за то лучшие волости; те, обольщенные такою приманкою, отстали от союза с Ольговичами и вступили в отдельный договор с Всеволодом; тогда Всеволод вступил в отдельный договор с родными братьями и, как они были уже оставлены своими союзниками, удовольствовал их городами по своей воле. Но лишь только примирились братья Всеволода, как опять явился повод к вражде. Вячеслав Переяславский, по согласию с Всеволодом, перешел в свой просимый Туров, а Переяславль отдал своему племяннику Изяславу; Всеволод же на Изяславово место в Волынь перевел своего сына Святослава. Это перемещение явно клонилось к выгоде Всеволодова дома, ибо Волынь считалась лучше Турова. И Ольговичи с ропотом стали говорить Всеволоду: «Ты во-

дишь любовь с Мстиславичами, своими шурьями, а нашими врагами, осажался ими около, а нам на безголовье и безмestье и себе» – и надоедали ему просьбою начать войну с Мстиславичами; но, будучи отделены от Давыдовичей, ничего не могли сделать.

Устроившись с Мономаховичами и с своими родными и двоюродными братьями, Всеволод в 1143 году роскошно справлял свадьбу своего сына Святослава, которого женил на дочери Василька Святославича Полотского; на этой свадьбе у Всеволода пировали почти все русские князья и даже ляхи, ибо год тому назад Всеволод выдал дочь свою Звениславу за польского князя Болеслава Владиславича. Потом Изяслав Переяславский выдал свою дочь в Полотск за Рогволода Борисовича, и на эту свадьбу Всеволод со своею женою, боярами и киевлянами приезжал в Переяславль. В том же году Изяслав Мстиславич, вероятно по согласию с Всеволодом, ходил к Юрию в Суздаль мирить его с Всеволодом; но возвратился без успеха.

Но, пируя свадьбы, Всеволод в то же время замышлял войну с Владимиром Володарови-

чем Галицким. Этот князь, пользуясь междоусобиями в Приднепровье по смерти Мстислава Великого, успел соединить под свою власть все владения своих братьев родных и двоюродных и сделался сильным князем в той стороне. Он сначала долго был в мире и союзе с Всеволодом; но когда Всеволод переместил в Волынь сына своего Святослава, то Владимир не поладил со своим соседом и отослал к Всеволоду крестную грамоту. Всеволод, получив эту грамоту, поднял на Владимира всех князей – своих союзников и даже Владислава Польского и вступил в Галицкие владения. Владимир пригласил к себе на помощь венгров и сначала защищался мужественно; но, будучи отрезан от своих важнейших городов Перемышля и Галича, видя свою крайность, начал ссылаться с Игорем Ольговичем, чтобы он помирил его с своим братом, обещая помощь ему, когда понадобится, при занятии Киева. Игорь, обольщенный обещанием, уговорил Всеволода помириться; и тем кончился поход, начатый с большими приготовлениями. Владимир целовал Всеволоду крест быть у него в послушании и заплатил 1400

гривен серебра (т. е. с лишком 25 пудов); Всеволод, разделив это серебро между князьями, участвовавшими в походе, возвратился в Киев.

На следующий год после галицкого похода Всеволод пригласил в Киев как братьев своих родных и двоюродных, так и Изяслава Мстиславича и, объявив им, что назначает наследником своим на киевском престоле брата своего Игоря, потребовал, чтобы они целовали на том крест; Изяслав Мстиславич долго спорил против этого, но потом волей-неволей должен был целовать крест, а вслед за тем и Игорь, по приказу Всеволода, клялся, что будет жить в любви с братьями. После этого Всеволод объявил поход в Польшу на помощь к Владиславу; и поэтому объявлению Игорь с братом своим Святославом, с Владимиром Давыдовичем и племянником Святославом Всеволодичем отправились в поход, а Изяслав Мстиславич по случаю болезни остался дома. Польский поход Игоря был довольно удачен. Игорь помог Владиславу, воротился домой с большим полонем и сверх того получил от поляков город Визну.

На другой год Всеволод поднял всех своих союзников, даже Болеслава Польского, своего зятя, новгородцев и диких половцев на Владимира Галицкого и, оставив в Киеве своих братьев Игоря и Святослава, отправился в поход, уже большой. Причиной этого похода было то, что Владимир сам начал войну и захватил киевский пограничный город Прилук. Вступив в Галицкую землю, Всеволод осадил Звенигород и на первый же день осады пожег острог, а на другой день начал приступ, который продолжался с утра до вечера; но граждане отбились. Между тем болезнь Всеволода все усиливалась, и он, бросив осаду Звенигорода, распустил союзников, а сам поехал в Киев и там вскорости скончался, прокняжив слишком шесть лет. Но еще перед смертью он успел созвать киевлян, объявил им своим наследником Игоря и взял с них присягу, а также послал к Изяславу Мстиславичу и Давыдовичам спросить, стоят ли они в крестном целовании к Игорю, и те отвечали: стоим. Таким образом Всеволод, всю жизнь свою хлопотавший о заключении договоров, и умер, требуя подтверждения договоров и от

князей и от киевлян.

Княжение Всеволода в Киеве весьма замечательно в русской истории; с этого княжения начался новый порядок в занятии княжеских престолов. В первое время по смерти Ярослава Великого, князья более или менее утверждались на Ярославовом завещании; потом Мономах придумал для утверждения владений княжеские съезды; а Всеволод Ольгович всю жизнь свою держался и в Чернигове и в Киеве частными договорами с теми или другими князьями и преимущественно старался заключать отдельные договоры, которыми постоянно разрушал все составлявшиеся против него союзы других князей. Заключение отдельных договоров, с легкой руки Всеволода, по смерти его сделалось общим между всеми князьями; так что во все последующее время ни киевский, ни другой какой престол нельзя уже было удержать без отдельных договоров с теми или другими князьями.

Много было княжеских междоусобий по смерти Мстислава Великого, но по смерти Всеволода Ольговича междоусобий сделалось

несравненно больше, так что это время является самым запутанным в княжеских отношениях и самым бурным во всей древней русской истории, и в продолжение 12 лет после Всеволода ни один князь не мог прочно утвердиться в Киеве.

Похоронив Всеволода в Вышгороде, Игорь Ольгович с братом своим Святославом приехал в Киев и созвал киевлян на гору на Ярославлев двор, требуя от них вторичной присяги. Киевляне присягнули, но вслед за тем составили вече у Туровой божницы, и начались по городу волнения и грабежи; а между тем было уже тайно отправлено приглашение к Изяславу Мстиславичу в Переяславль, по которому он перешел Днепр у Заруба. И лишь только Изяслав с своею дружиною показался на правом берегу Днепра, как черные клобуки и все Поросье стали сходиться к нему и кричать: «Ты наш князь! Ольговичей не хотим; где увидим стяг твой, то и мы с тобою готовы». Видя измену вокруг себя, Игорь послал за помощью к Давыдовичам Черниговским; но, прежде нежели те успели подойти к Днепру, Изяслав осадил уже Киев и киевские зем-

ские полки, повергнув знамена, перешли к нему и взяли от него знамя и тысяцкого. Страшно было храброму Игорю, но он еще не терял присутствия духа и, сказав брату и племяннику: «Пойдемте братья, как нас с ними Бог рассудит», пошел прямо на Изяслава, который стал у Надова озера; но прямо подойти к Надову озеру было невозможно, и потому Игорь с своими пошел на верх озера болотами и прорвами. Этим воспользовались берендеи Изяславовы, зашли им в тыл и начали сечь саблями; Изяслав же с своим сыном Мстиславом и дружиною въехал в их полк сбоку и отрезал Игоря от брата и племянника. Святослав Ольгович, разбитый, бежал к Днепру и при устье Десны переправился на другой берег в Черниговскую сторону, а Святослав Всеволодович спрятался в Орининском монастыре, Игорь же с конем завяз в Дорогожичском болоте.

Изяслав с торжеством вошел в Киев и был встречен множеством народа и духовенством всего города, которое вышло в ризах; вскоре был отыскан и приведен Святослав Всеволодович, которого Изяслав принял ласково, как

сына любимой сестры, и оставил при себе; потом схвачены были укрывавшиеся в городе верные бояре Игоря и Святослава и отпущены на окуп, как пленники; на пятый день был найден и Игорь Ольгович, его Изяслав заковал в цепи и отослал в Переяславль для заключения в поруб при монастыре Св. Иоанна. Затем Изяслав и киевляне принялись грабить дома и села дружины Игоревой и Всеволодовой и взяли множество скота и именья и в домах, и в монастырях.

Но занятием Киева дело не кончилось для Изяслава. Святослав Ольгович, после битвы под Киевом только с малою дружиною перешедший через Днепр, прибежал в Чернигов и спросил тамошних князей Давыдовичей: стоите ли в крестном целовании к Игорю, которое вы дали пятый день тому назад? Те отвечали: стоим. Тогда Святослав, оставив у Давыдовичей своего мужа Кстяжка, сам пустился в свои владения Курск и Новгород-Северский уставливать людей и готовиться к войне. Но война при начале для него крайне была несчастлива: Давыдовичи ему изменили и, соединясь в Изяславом Мстиславичем, усло-

вились выгнать его из Новгорода-Северского. Святослав, лишившись ближайших союзников, послал просить помощи у Юрия Суздальского, тот обещал; но, прежде нежели пришла эта помощь, Изяслав с Давыдовичами уже вступил в Новгород-Северские владения и взял Путивль; получивши об этом весть, Святослав, не находя возможным держаться в Новгороде-Северском, удалился в Карачев; а когда по взятии Новгорода-Северского, Изяслав с Давыдовичами двинулся и к Карачеву, то Святослав убежал в леса к вятичам.

Изяслав, получивши об этом весть, представил дальнейшее преследование Давыдовичам, а сам уехал в Киев. Давыдовичи по отъезде Изяслава продолжали гнаться за Святославом из города в город до Колтеска, куда к нему Юрий прислал на помощь белозерскую дружину и бродников. Услышавши о помощи, присланной Юрием, Давыдовичи прекратили погоню и ушли домой. Святослав же остановился в городе Лобынске на устье Протвы, почти на границе Суздальских владений, куда Юрий прислал множество даров мехами и поволоками и ему, и жене его, и дру-

жине, и обещал прислать сына в новую помощь. Так кончился несчастный для Святослава 1146 год.

Но зато следующий, 1147 год, был необыкновенно благоприятен для Святослава, он, прозимовав в Лобынске, условился с Юрием Суздальским начать двойной поход, именно Юрий пошел на новгородскую волость и взял Торжок, а Святослав на Смоленские владения и покорил там племя голядь при верховьях Протвы; потом Юрий и Святослав виделись в Москве, где они весело пировали. После московского свидания, уже в апреле Святослав — перешел Оку у Неринска и направился к югу для соединения с половцами, которые уже присылали к нему послов; потом, соединясь с половцами, он прямо поворотил на вятичей, откуда пришла уже весть, что посадники Давыдовичей, слышав о его походе, убежали из тамошних городов; после такой вести Святославу осталось только идти вперед и брать город за городом без боя, и он таким образом дошел до Десны, где к нему присоединились посланные отцом сын Юриев Глеб с дружиною и множество половцев. Изяслав Давыдо-

выч, сидевший в Стародубе, услышав о приходе Святослава к Десне, бежал в Чернигов; а вслед за тем оба Давыдовича, испугавшись успехов Святославовых, поспешили заключить с ним мир и вступили с ним и с Юрием в союз против Изяслава Мстиславича. И таким образом Святослав, прежде несчастный беглец, преследуемый от города до города, менее нежели в полгода не только возвратил без боя все свои прежние владения, но приобрел новых союзников и сделался опасным противником Изяславу; впрочем, он еще нигде не встречался с главным своим врагом Изяславом, и несчастный брат его Игорь был еще в неволе.

Новые союзники Святослава, Давыдовичи Черниговские, чтобы успешнее действовать против Изяслава, вздумали заманить его к себе и с этою целью послали сказать ему: «Брате! Святослав занял нашу волость вятичи, пойдем прогоним его». Изяслав, не подозревая обмана, скоро собрался в поход, перешел Днепр недалеко от Альты и дошел до Русотина, как тут получил верные вести, что Давыдовичи изменили и, соединясь с Святославом

и Юрием, хотят схватить его или убить. После таких вестей он отослал к Давыдовичам крестные грамоты, а к брату своему Ростиславу Смоленскому послал сказать, чтобы шел к нему на сход. Новгородцам же, смольнянам и другим союзникам сказал, чтобы они удерживали там Юрия, и в то же время отправил послов в Киев объявить киевлянам весть черниговских князей и просить, чтобы они шли к нему на помощь. Киевляне, на вече услышавши от Изяславовых послов, что Давыдовичи хотели убить Изяслава, бросились на несчастного Игоря, перевезенного уже прежде в Киев и постриженного в монахи в монастыре Св. Феодора, вытащили его из церкви от обедни и убили на торговой площади и потом стали собираться в поход. Между тем Давыдовичи, соединясь с Глебом Юрьевичем, Святославом и половцами, взяли Курск и все города по Семи и подвигались по Вырю вперед, подступая то к тому, то к другому городу, иногда с успехом, иногда без успеха. Изяслав Мстиславич, стоявший при верховьях Супоя, получивши вести об их походе, сперва отодвинулся назад к Переяславлю, а потом по вестям опять по-

шел вперед на соединение со своим братом Ростиславом, который вступил в черниговские владения от смоленских границ, сжег уже Любеч и наделал много зла Ольговичам. Соединясь с Ростиславом на урочище Черная Могила, Изяслав вместе с братом и черными клобуками пошел к Суле навстречу к неприятелям, которые, услышавши об этом, быстро начали отступать к Чернигову. Изяслав с братом шел за ними по пятам, гнал перед собою жителей, оставлявших города, лежавшие по дороге, и жег опустелые города, и таким образом дошел до Глебля; но, не успевши взять этого города, после боя, продолжавшегося от утра до вечера, остановился и поворотил к Киеву, объявив дружине, киевлянам и смолянцам, чтобы готовились к походу на Чернигов, как реки станут.

Но поход к Чернигову, назначенный Изяславом, как реки станут, замедлился до весны следующего, 1148 года, а зима прошла в неудачных нападениях черниговских князей на Брягин, а Глеба Юрьевича на Переяславль. С наступлением весны Изяслав, собрав всю свою силу, пригласивши венгров и взявши

полк из Волыни и у Вячеслава и всех беренде-ев, подступил к Чернигову, пожег все окрестные села, составлявшие частную собственность Давыдовичей и Ольговичей, простоял под городом три дня, поджидая, что князья, затворившиеся в Чернигове, выйдут из города и вступят с ним в битву; но, не дождавшись, пустился к Любечу, где находились важнейшие имения князей Черниговских. Это движение вызвало Давыдовичей и их союзников из Чернигова, и они всеми своими силами и с половцами пошли за Изяславом и стали против него под Любечем, заложившись рекою. Между тем от сильного дождя, шедшего ночью, лед на Днепре стало коробить; и Изяслав, чтобы не быть отрезанным от Киева рекою, поспешно перешел через Днепр и воротился благополучно в Киев. Давыдовичи же, видя невозможность долее сопротивляться Изяславу и не получая помощи от Юрия, посоветовавшись с Святославом, обща отправили послов в Киев к Изяславу Мстиславичу с просьбою о мире. Изяслав, посоветовавшись с своим братом Ростиславом Смоленским, отправил к черниговским кня-

зьям свое посольство и заключил с ними мир на том условии, чтобы отложить им вражду за Игоря, быть всем за один и блюсти Русскую землю. На чем Владимир и Изяслав Давыдовичи, Святослав Ольгович и Святослав Всеволодович и целовали крест к Изяславу в церкви Спаса в Чернигове. Вскоре по заключении мира Изяслав отправился в Городец на съезд с черниговскими князьями; и на этом съезде порешили: как станут льды, идти на Юрия к Ростову, именно Давыдовичам и Святославу Ольговичу идти через землю вятичей, а Изяславу с братом своим Ростиславом через Смоленские и Новгородские владения, и всем сойтись на Волге. Уговорившись о походе, Изяслав позвал Давыдовичей к себе на обед; и, пообедавши в веселье и любви, разъехались: Изяслав в Киев, а Давыдовичи в Чернигов. С Изяславом на Городецком съезде был и Ростислав, сын Юрия, который, рассорившись с отцом, пришел в Киев и получил от Изяслава города Бужский, Межибожье, Котельнич и еще два города.

Изяслав Мстиславич, возвратившись в Киев, послал Ростислава Юрьевича в Бужск сте-

речь Русскую землю, брата своего Владимира оставил в Киеве, а сына Мстислава в Переяславле, сам же с своими полками отправился в Смоленск, чтобы оттуда идти на Юрия. Где уговорившись с Ростиславом Смоленским, как идти, и оставив у него свои полки, Изяслав с не большой дружиною пустился в Новгород и оттуда с новгородцами в январе открыл поход на Юрия; и, дождавшись Ростислава со смоленскими и русскими полками на устье Медведицы, оба вместе пустились жечь и грабить города и села по обеим берегам Волги и таким образом дошли до Углича и устья Мологи, нигде не встречая ни Юрия, ни его полков и поджидая князей Черниговских; но те остановились в земле вятичей и не думали идти в сход, а ждали, чем кончится война Изяслава с Юрием. Получивши об этом весть, Изяслав послал новгородцев и Русь воевать к Ярославлю; а между тем наступало тепло, и вода по Волге и Мологе покрыла лед по брюхо коню. Посему Изяслав с Ростиславом рассудили воротиться назад, пока не совсем вскрылись реки; и Ростислав пошел к Смоленску, а Изяслав к Новгороду.

Воротившись из Новгорода в Киев, Изяслав получил недобрые вести: ему сказали, что во время его отсутствия Ростислав Юрьевич, умышляя против него, подмолвил берендеев и киевлян и хотел занять Киев, ежели бы Юрий одержал верх в Суздальском краю. Изяслав вызвал к себе Ростислава и, не принимая от него оправданий, отослал к отцу в Суздаль только с четырьмя отроками. Ростислав, возвратившись к отцу, сказал ему: «Слышал я, что тебя желает вся Русская земля и чернью клобуки; они недовольны Изяславом и хотят, чтобы ты шел на него». Юрий, по словам сына, собрав всю свою силу и половцев, отправился в поход и вступил в землю вятичей. Владимир и Изяслав Давыдовичи, узнавши об этом, немедленно послали сказать Изяславу: «Дядя твой идет на тебя и вошел уже в нашу волость, в землю вятичей, а мы стоим в крестном целовании и будем биться заодно с тобою, готовься». Святослав же Ольгович с своим племянником Святославом Всеволодичем вступил в союз с Юрием. Юрий, соединясь с ними, двинулся к Белой Веже и стоял там целый месяц, поджидая половцев; Изяслав же

по вести Давыдовичей послал за Ростиславом Смоленским и отправил полки в Переяславль к сидевшему там в засаде брату своему Владимиру. Наконец Юрий, дождавшись половцев, пошел к Переяславлю, куда поспешил и Изяслав с Ростиславом и Изяславом Давыдовичем; и здесь произошла страшная битва, кончившаяся совершенным поражением Изяслава, так что он только самтретей воротился в Киев. Юрий, пробыв в Переяславле три дня, также отправился к Киеву и стал с полками против Михайло-Выдубицкого монастыря. Изяслав с Ростиславом созвали вече и спросили киевлян: будут ли биться за них с Юрием? Киевляне отвечали: «Господа наши князи! Не губите нас до конца, наши отцы и братья и сыновья, иные пали под Переяславлем, другие взяты в плен, а теперь и нас возьмут на полон; поезжайте лучше в свои волости, вы знаете, что нам с Юрием не ужиться, а после как увидим ваши стяги, то мы готовы за вас». Получив такой ответ, Изяслав и Ростислав выехали из Киева: один во Владимир-Волынский, а другой в Смоленск.

Юрий, занявши Киев, вызвал к себе Влади-

мира Давидовича Черниговского и принудил его и брата его Изяслава уступить несколько областей своему союзнику Святославу Ольговичу; потом сыновей своих рассадил: Ростислава в Переяславль, Андрея в Вышгород, Бориса в Белгород и Глеба в Канев, а младшего Василька отправил в прежнюю свою волость Суздаль. Изяслав же Мстиславич, приехавши во Владимир, послал просить помощи к зятю своему королю венгерскому Гейзе и к своим сватам Болеславу Польскому и Владиславу Чешскому и назначал им срок сесть на коней к Рождеству. Но союзники сии плохо помогли Изяславу, они, не вступая в битву, оставили его и только упростили Юрия, чтобы он помирился с племянником; а тот после их ухода не только не примирился, но еще начал осаждать Луцк, замышляя выгнать Изяслава и из Волыни. Изяслав в крайности обратился к союзнику Юрию Владимиру Галицкому и просил его помирить с дядею. Юрий долго не соглашался, несмотря на просьбу Владимира, наконец, убежденный своим сыном Андреем и братом Вячеславом, заключил мир на том, чтобы Изяславу довольствоваться Волынью,

но отступить от Киева, а Юрию возвратить все новгородские дани, пленников и добычу, взятую на переславском бою; и на том целовавши крест, разъехались – Юрий в Киев, а Изяслав во Владимир; но Юрий не исполнил договора, не возвратил ни даней, ни добычи. Изяслав Мстиславич долго добивался исполнения мирного договора со стороны Юрия, но, не видя успеха от своих посольств к нему, тайно начал готовиться к войне; и летом 1150 года нечаянно взял пограничный киевский город Пересопницу, потом соединился с черными клобуками и пошел на Киев. Юрий, ничего не знавший об Изяславовом походе и не готовый к бою, бежал из Киева и со всеми своими сыновьями перебрался через Днепр и засел в Городце Остерском; а Изяслав вступил в Киев.

Но на этот раз Изяславу недолго пришлось оставаться в Киеве. Юрий, сидя в Остерском Городце, поднял на него всех своих союзников – и князей черниговских, и диких половцев, и Владимира Галицкого; и в сентябре опять завладел Киевом и всем Приднепровьем, а Изяслав по-прежнему остался при сво-

ей Волыни, да и в этой волости не мог сидеть безопасно; ибо Юрий, несмотря на ходатайство сына своего Андрея, не давал ему мира. Впрочем, беспечность Юрия и неуменье его жить с земцами приднепровской стороны не только выручили Изяслава из крайности, но и пособили ему опять занять Киев. Зимой 1150 года берендеи и киевляне тайно стали сноситься с Изяславом и звать его в Киев; это дало ему надежду на успех, и он, выпросив у венгерского короля 10 000 войска, осадил Пересопницу, где сидел храбрый сын Юрия Андрей; осада эта затянулась, а между тем пришли вести, что Владимир Галицкий с большим войском идет на выручку к Андрею. Тогда Изяслав бросил осаду Пересопницы и пошел прямо на Киев; по дороге во всех городах его встречали с крестами, как освободителя, и рать его росла с каждым шагом вперед, к нему присоединялись и земцы и дружинники, жившие по дороге; но и Владимир Галицкий с Андреем не оставались без дела, они гнались за ним по пятам, и под Святославлей Криницею так близко нагнали, что вечером галицкие сторожа уже видели Изяславовы ог-

ни, а Изяславовы сторожа – галицкие огни. Впрочем, Изяслав сумел здесь обмануть Владимира, он приказал своему войску разложить большие огни, а сам со всеми полками в ночь свернул с дороги направо к Мичьску и спокойно, уже не преследуемый никем, пошел к Киеву и пришел туда так скоро и неожиданно, что Юрий, ничего не знаящий о его походе, бежал в Городец Остерский и даже не успел взять с собою и всей своей дружины; и Изяслав, вступив в Киев, захватил множество дружины Юриевой. Между тем Владимир Галицкий и Андрей, потерявши след Изяславов у Святослава и Криницы, послали наперед сторожей разведывать, где Изяслав, которые и принесли им весть, что Юрий уже в Городце, а Изяслав в Киеве. Тогда раздосадованный Владимир сказал Андрею: «Что это так княжит твой отец, идет рать из Владимира, а он о том и не ведает; и ежели вы так княжите с отцом своим, то управляйтесь сами, а я один не могу биться с Изяславом»; и, сказав это, пошел назад в свой Галич, а Андрей удалился к отцу в Городец.

Изяслав был принят киевлянами с радо-

стью и на другой же день по приходе дал киевлянам и союзным венграм большой обед на Ярославовом дворе, потом пошел в Вышгород за Вячеславом, своим дядею, предлагая ему занять киевский престол. Вячеслав принял предложение, и целовал крест не разлучаться ни в добре, ни в зле и жить заодно, и отдал свою дружину Изяславу в полное распоряжение. Когда Вячеслав приехал в Киев, то киевлянам и венграм был дан новый роскошный обед, и затем венгры с хорошими дарами отпущены домой, и с ними послали Мстислава Изяславича благодарить венгерского короля и просить новой помощи на Юрия и по отпуске венгров вызвали в Киев Ростислава с смоленскими полками. Юрий с своей стороны также сзывал всех своих союзников против Изяслава Киевского, из коих, впрочем, один, Изяслав Давыдович Черниговский, вместо того, чтобы идти на сход в Городец, ушел к Изяславу в Киев. Когда союзники Юрия сошлись в Городец; то он всеми своими силами перебрался через Днепр, и подступил к Киеву, и бился с утра до вечера. Его наемные половцы, предводительствуемые храбрым его сы-

ном Андреем, уже перебрались через Лыбедь и, пробившись сквозь стоявшие там Изяславовы полки, подступили к Лятским воротам и бились там до вечера; но черные клобуки смяли их и вогнали в Лыбедь, многих избili, а других побрали в плен. Между тем Юрий, получив весть, что идет к нему на помощь Владимир Галицкий, отступил от Киева и пошел к нему навстречу; Изяслав же со всеми своими союзниками погнался за ним и нагнал его на Руте у Перепетовых, и здесь произошла битва, кончившаяся совершенным поражением полков Юрия, часть их была избита, часть потоплена в Руте и часть взята в плен. Владимир же Галицкий, услышав о поражении Юрия, воротился в Галич, а разбитый Юрий бежал в Переяславль.

Вячеслав и Изяслав, после победы на Руте, с торжеством вошли в Киев и были радостно встречены народом и духовенством; потом, пристроив полки, пошли выпроваживать Юрия из Переяславля. Юрий мужественно защищал Переяславль три дня, но, не имея сил защищаться долее, примирился с Изяславом и Вячеславом на том, чтобы ему в Переяслав-

ле посадить сына своего Глеба, а самому удалиться в Суздаль, не искать Киева ни под Вячеславом, ни под Изяславом и отказаться от союза с Святославом Ольговичем, и на том Юрий целовал крест.

Управившись с Юрием, Изяслав Мстиславич, уже на другой год, пригласивши к себе Изяслава Давыдовича и Святослава Всеволодовича, по общему совету с ними, вывел жителей из Остерского Городца, принадлежавшего Юрию, и самый город сжег. Потом согласившись с зятем своим, королем венгерским, Изяслав отправился на Владимира Галицкого, завладевшего во время последней борьбы с Юрием многими городами, принадлежавшими к Киевскому княжеству, и, соединившись с венгерским королем в Ярославле на берегу Сана, пошел к Перемышлю, где уже дожидался его Владимир с своими полками. Венгры, черные клобуки и русские за один раз бросились со всех сторон на полки Владимировы и произвели такую резню, что сам Владимир только самдруг едва успел убежать в Перемышль и на другой день стал просить мира, говоря, что он едва жив от ран. Изяслав с сы-

ном своим Мстиславом долго не соглашались мириться с Владимиром; но король венгерский и особенно его архиепископы и воеводы, задаренные князем Галицким, настояли на мире, который и был заключен на таких условиях, чтобы Владимир возвратил все города, захваченные им в киевской области, и был в полном послушании у Изяслава и в постоянном союзе с ним. Владимир на все согласился, целовал крест, лежа в постели, как раненный, и дал крестную грамоту.

Возвратившись в Киев из галицкого похода, Изяслав получил вести, что Юрий собрал уже войско и, соединясь с рязанскими князьями, идет в Приднепровье мстить за разорение Городца. По таким вестям Изяслав послал сказать брату своему Ростиславу, чтобы он готовился с смольнянами и новгородцами встретить Юрия в своей области или идти к Киеву, ежели Юрий минует Смоленские владения. Юрий пошел дорогою, ведущею на вятичей, где, соединившись с половцами и Святославом Ольговичем, поворотил на юг, и взял Глухов, и из Глухова повернул прямо на Чернигов. Между тем на помощь к Изяславу Давы-

довичу Черниговскому пришли Ростислав Смоленский и Святослав Всеволодович и в продолжение 12 дней мужественно отбивали все приступы Юрия, а наконец двинулись на выручку к Чернигову и Вячеслав с Изяславом из Киева. Услыхав об их движении, Юрий бросил осаду Чернигова; половцы его побежали на Путивль в свои степи, а сам он пошел на Новгород-Северский и, оставив там у Святослава Ольговича 50 человек дружины с своим сыном Васильком, удалился в Суздаль. Изяслав же с союзниками, не преследуя Юрия, осадил Новгород-Северский и после трехдневной осады принудил Святослава Ольговича просить мира, по которому он обязался выслать от себя и отправить в Суздаль Юриева сына Василька.

Между тем Владимир Галицкий и не думал отдавать Изяславу городов, которые обязался возвратить по миру, заключенному в Перемышле. Изяслав, чтобы убедить его, послал к нему своего боярина Петра Бориславича, того самого, который водил Владимира ко кресту в Перемышле; но Владимир только насмеялся над послом и, отпустив от себя, даже

не дал ему ни корма, ни подводы. Впрочем, посол Изяславов едва доехал до первого ночлега, как к нему пришел гонец сказать, что Владимир умер, а новый князь, сын покойного Ярослав, зовет его назад в Галич. Ярослав принял посла ласково, называл Изяслава своим отцом и обещался во всем слушаться его, как отца, но городов киевских не возвратил. А посему Изяслав в начале следующего года, собрав полки своих союзников, пошел на нового галицкого князя и, сошедшись с ним у Тербовля, вступил в битву. Битва эта кончилась тем, что большая часть Изяславовой рати была обращена в бегство; сам же Изяслав с небольшой дружиною хотя и удержал за собою поле битвы и захватил множество пленников, но, видя малочисленность оставшейся при нем дружины, приказал перерезать пленников и поспешно пошел назад в Киев, опасаясь погони за собою.

На следующий год Юрий Суздальский, со всеми своими сыновьями, опять поднялся на Приднепровье; но в его войске начался сильный мор на коней, так что он, дошедши только до Козельска, принужден был возвратить-

ся назад в Суздаль. Между тем разболелся киевский князь Изяслав Мстиславич и в ночь на 14 ноября 1154 года скончался, оплаканный дядею Вячеславом, своими детьми, всею Приднепровскою Русью и черными клобуками. Сын же его Мстислав, похоронив отца, уехал в свой Переяславль.

По смерти Изяслава старик Вячеслав вызвал в Киев его брата Ростислава Смоленского и передал ему свой полк и дружину, чтобы он держал и рядил в Киеве так же, как и покойный брат его Изяслав. Между тем Изяслав Давыдович Черниговский с двоюродным братом своим Святославом Ольговичем Новгород-Северским дали весть Юрию Суздальскому, который и послал сына своего Глеба с половцами на Переяславль. Ростислав, узнавши об этом, сам двинулся на Глеба и половцев и вместе с Мстиславом Переяславским прогнал их за Сулу. Управившись с одним неприятелем, Ростислав пошел на другого, на Изяслава Давыдовича Черниговскаго; но лишь он переправился через Днепр, как пришел гонец из Киева с вестью о смерти Вячеслава, посему Ростислав, оставя полки, поехал хоронить дя-

дю и, похоронивши, воротился в полки и двинулся к Чернигову. Опытнейшие дружинники советовали ему прежде похода воротиться в Киев и уговориться с тамошней земщиной, но он их не послушал; между тем к Изяславу Черниговскому пришел Глеб с половцами, которые окружили войско Ростиславово и бились с ним по два дня так сильно, что полки Ростиславовы обратились в бегство; сам же Ростислав, не утвердясь с киевлянами, не смел идти в Киев, а побежал в Смоленск. Изяслав же Давыдович по просьбе самих киевлян занял Киев, а Глеба Юрьевича посадил в Переяславле.

Юрий Суздальский, получив весть о смерти Изяслава и о занятии Киева Ростиславом, двинулся к Смоленску, но, не доходя до него, получил другую весть, что уже умер Вячеслав, и Ростислав, разбитый под Черниговом, бежал в Смоленск, и в Киеве сидит Изяслав Давыдович, а Глеб, сын его, в Переяславле. Вслед за тем прислал к нему с поклоном и Ростислав, прося мира, называя его отцом и обещаясь быть в его воле; Юрий, вообще любивший Ростислава, охотно дал ему мир и пово-

ротил на юг к Киеву через Новгород-Северские и Черниговские владения, где его с поклоном встретили Святослав Ольгович, его старинный союзник, и Святослав Всеволодович. Миновав Чернигов, Юрий остановился у Моравийска и послал сказать Изяславу Давыдовичу: «Мне от чина Киев, а не тебе». Изяслав, не видя ниоткуда помощи, прислал к Юрию с поклоном и велел сказать: «Не я сам въехал в Киев, а посадили меня киевляне, не делай мне зла, а я Киев оставлю, поезжай туда»; и вслед за тем, получив от Юрия уверение в своей безопасности, выехал, а Юрий вступил в Киев.

Занявши Киев, Юрий разделил волости своим детям: Андрея посадил в Вышгороде, Бориса в Турове, Глеба в Переяславле, а Васильку дал Поросье; потом послал войска на Волынь выгнать оттуда детей покойного Изяслава; но когда это ему не удалось, то вызвал в Киев Ростислава Смоленского, который примирил его с Изяславичами. Управившись на Волыни, Юрий послал сказать Изяславу Давыдовичу: «Хочешь ли прийти к нам на мир, или мы придем к тебе». Изяслав, видя силу и

множество союзников Юрия, целовал с ним крест и обещал быть в союзе. Юрий, довольный согласием, сам поехал в Лутаву на съезд с Изяславом Давыдовичем и Святославом Ольговичем и на съезде придал к их волостям: Изяславу Корчеськ, а Святославу Мозырь. Между тем старший Юриев сын, воинственный Андрей, самовольно оставил Вышгород и удалился в Суздаль.

Но сколько ни заботился Юрий о примирении князей и общем союзе, заботы его не имели успеха, неудовольствия и ссоры не прекращались. На следующий же год, по общем замирении, т. е. в 1156 году, произошли новые ссоры, сперва между черниговскими князьями, где Святослав Владимирович бежал от дяди своего Изяслава Давыдовича, отнял у него города полесенские и вступил в союз с Ростиславом Смоленским. Потом тоже было на Волыни, где Мстислав Изяславич Луцкий выгнал из Владимира-Волынского дядю своего Владимира Мстиславича. В эту ссору вступился сам Юрий и на следующий год с многочисленною ратью двинулся к Владимиру-Волынскому, чтобы выгнать оттуда Мстислава Изяс-

лавича, и отдать его своему племяннику Владимиру Андреевичу; но рать его, бившись под городом десять дней и потерявши множество убитыми и ранеными, принуждена была отступить. И Юрий, давши Владимиру Андреевичу Дорогобуж, Пересопницу и все киевские города по Горыни, возвратился в Киев.

Между тем Изяслав Давыдович Черниговский стал замышлять войну на самого Юрия и вступил для этого в союз с Ростиславом Смоленским и Мстиславом Волынским. Они назначили срок общему нападению на Киев, Мстислав по условию уже двинулся из Владимира-Волынского, и Ростислав также отправил своего сына Романа с своим полком, а Изяслав Давыдович только что готовился выступить из своего Чернигова, как к нему приехали послы из Киева с такими речами: «Юрий пил у Петрилы, и в тот же день на ночь захворал и через пять дней умер, а народ, не терпевший его, разграбил принадлежавшие ему дворы и грабит и избивает дружинников, приведенных Юрием из Суздаля, а поезжай, князь, в Киев». И по таковому приглашению Изяслав отправился в Киев.

Изяслав Давыдович вступил в Киев 19 мая 1157 года и, желая удержать за своим домом Чернигов, посадил там родного своего племянника Святослава Владимировича с своим полком; но двоюродный его брат Святослав Ольгович и племянник Святослав Всеволодович воспротивились сему и подступили к Чернигову. Услышав об этом, Изяслав с своими полками и с Мстиславом Волынским явился туда же; но вместо битвы вступили в мирные договоры, по которым Изяслав уступил Святославу Ольговичу Чернигов с шестью незначительными и бедными городами, а Святославу Всеволодовичу отдали Новгород-Северский и потом, целовавши крест, разъехались по домам.

Воротившись в Киев, Изяслав в том же году собрался с своими союзниками на Туров, чтобы выгнать оттуда Юрия Ярославича, внука Святополкова, который по смерти Юрия Суздальского отнял Туров у его сына Бориса; Изяслав, по совету с союзниками, хотел отдать этот город Владимиру Мстиславичу. Но Юрий, несмотря на многочисленность союзников Изяслава, не думал уступать города, до-

бытого силою, и десять недель защищался мужественно и в то же время просил Изяслава, чтобы он принял его в любовь; но просьбы не помогали, Изяслав оставался неумолим, и только конский падеж в войске заставил его и его союзников разойтись по домам, не успевши взять города, впрочем, они разошлись, не давши мира Юрию.

В обоих походах, и в черниговском, и в ту-ровском, у Изяслава были союзниками потомки Мономаха, и, казалось, он хорошо утвердился на киевском престоле и мог вполне положить и на киевскую земщину, которая сама пригласила его в Киев, и на князей, которые были с ним в союзе и слушались его; но на поверку вышло, что все это было до первого неблагоприятного случая и что ни у земщины, ни у князей не было к нему искреннего расположения, и этот первый неблагоприятный случай для Изяслава оказался в следующем же, 1158 году. Ярослав Владимирович Галицкий, давно уже искавший своего родственника Ивана Ростиславича Берладника, чтобы погубить его, уговорил всех главных князей Приднепровья, даже короля венгер-

ского и князей польских, чтобы они упростили Изяслава Давыдовича выдать ему Берладника; те обещали и отправили каждый свое посольство к Изяславу в Киев с просьбою о выдаче Берладника; но Изяслав решительно отказал в выдаче и с тем отпустил послов. Вследствие такового отказа Ярослав Галицкий, Мстислав Изяславич и Владимир Андреевич заключили союз против князя Киевского. Получив об этом весть, Изяслав также заключил союз с своими ближайшими родственниками Святославом Ольговичем Черниговским и Святославом Всеволодовичем Новгород-Северским. Этот новый союз заставил Ярослава Галицкого с волынскими князьями оставить замысел о походе на Изяслава; но зато сам Изяслав начал войну с галицким князем, чтобы добыть волость Берладнику, понадеясь на то, что галичане начали ссылаться с Берладником и просить его к себе в князья. Святослав Ольгович советовал ему не начинать этой войны, но Изяслав не принял этого совета и выступил из Киева. Между тем Ярослав Галицкий с своими союзниками не медлил и двинулся на Киев. Изяслав только

что дошел до Василева, как к нему пришла весть об этом походе на Киев; тогда он, желая загородить дорогу к Киеву, поворотил на Белгород, но этот город был уже занят противниками; чтобы не пускать их далее, Изяслав начал осаду Белгорода, которая и продолжалась 12 дней. Изяслав уже был убежден в успехе войны, к нему пришли на помощь 20 тысяч половцев, и время от времени он уже посылал отряды к городу, что бы вызвать неприятеля на битву. Но берендеи и торки, принадлежавшие к киевскому земскому войску, тайно сносились с осажденными и, в одну ночь покинув свой стан, с криком бросились к Белгороду; Изяслав пустился было за ними в погоню, но, не догнавши их, сам обратился в бегство, только уже не в Киев, а на Вышгород в Гомью, где, дождавшись своей супруги, удалился в землю вятичей и более уже не видал Киева. Мстислав же Изяславич, Ярослав Галицкий и Владимир Андреевич вступили в Киев 22 декабря 1158 года и передали его Ростиславу Смоленскому, которому еще перед походом целовали крест, что идут добывать Киев для него, как старшего в Моно-

маховом роде. При занятии Киева Мстислав Изяславич захватил множество имущества, принадлежавшего дружине Изяславовой, золота, серебра, рабов, скота и коней и все это препроводил к себе во Владимир-Волынский. Киевское княжествование Изяслава Давыдовича ясно показало, что не Мономаховичу в то время мудрено уже было удержаться в Киеве, хотя бы на его стороне временно были и земщина и князья, что в народе уже сложилось убеждение, что Мономах, этот добрый страдалец за Русскую землю, как бы выслужил у народа Киев в вотчину своему потомству.

Рассказ девятый. Русская земля при внуках и правнуках Ярослава

Хотя внуки и правнуки Ярослава, подобно своим отцам, продолжали переходить из одного владения в другое и искать лучших волостей и по-прежнему продолжали рассчитывать преимущественно на свою дружину и наемных половцев; тем не менее при внуках Ярослава, и особенно при его правнуках, князья стали обращать внимание и на земщину в своих владениях, и благоразумнейшие из князей более уже не считали своих волостей только местом временной оседлости, а, напротив, стали признавать их опорой и источником своей силы и могущества. А посему при всех переменах владений они старались сколько возможно удерживать ежели не за собою, то по крайней мере за своим семейством, свои старые родовые владения. Так, ни Владимир Галицкий, ни Юрий Суздальский никогда не отступались от своих Галича и Суздаля, Всеволод Ольгович, утвердившись в

Киеве, не думал также расстаться с своими отчинными старыми владениями в Черниговском краю, и своих родственников-союзников старался вознаграждать городами на правом берегу Днепра, и те жаловались на него: «Своей отчины вятч не дает». Изяслав Мстиславич, утвердившись на Волыни, постоянно старался удерживать ее за собою и в то время, когда владел Киевом. Да по обстоятельствам того времени иначе не могло и быть, ибо живой опыт явно свидетельствовал, что тот князь всегда оказывался сильнее в борьбе с другими князьями, которому усердно помогала земщина; а на эту помощь могли рассчитывать только те князья, которые постоянно удерживали за собою отчинные владения и тем сживались с земщиною.

Это новое направление князей заставило их обратиться к старому порядку, в важных случаях советоваться с земщиною, как это делали Владимир и Ярослав и чем пренебрегали их сыновья. Первый из Ярославовых внуков обратился к этому старому порядку любимец народа Владимир Мономах; он в 1096 году вместе с Святополком, приглашая в Киев

Олега Святославича, писал к нему: «пойди Киеву, да поряд положим а Рустей земли пред епископы и пред игумены и пред мужи отель наших и пред людьми градскими, да быхом боронили Русскую землю от поганых». Потом этот старый порядок сделался решительно необходимым для князей, когда они стали искать себе поддержки в земщине; ибо ежели нужен был совет земщины для обороны Русской земли от поганых, то тем более князьям нужно было искать согласия земщины, когда они хотели пользоваться ею пособием в своих междукняжеских делах. А посему каждый князь, искавший для себя пособия земщины, обыкновенно сзывал вече и объявлял свое желание земцам; и ежели земцы изъявляли свое согласие, то тут же дозволяв князю собирать земское войско, а ежели не изъявляли, то князь мог рассчитывать только на тех земцев, которые своею охотою присоединялись к его дружине. Образчик такового порядка представляют нам походы Изяслава Мстиславича в 1147 и 1154 годах на Юрия Суздальского. Когда Изяслав объявил земцам о первом походе, то земцы, не соизволяя на этот поход,

отвечали прямо: «Княже! Ты на нас не гневайся, мы не можем на Володимире племя руки взяти, ежели же на Ольговичей, то идем даже и с детьми». И, получив такой ответ земщины, Изяслав уже не мог собирать земского войска, а только, обратясь к охотникам, сказал: «Ну пусть идет за мной тот, кто до меня добр». И действительно, охотников нашлось довольно, и пошли за князем. Напротив того, при объявлении второго похода киевские земцы в один голос отвечали: «Все пойдем, а кто не пойдет, того выдай нам, мы сами его побьем». И так было не в одном Киеве, но и в других городах, даже незначительных. Так, в 1147 году Мстислав Изяславич Курский, когда получил весть, что Глеб Юрьевич с Святославом Ольговичем идут на Курск, то собрал вече и объявил об этом курской земщине; и земщина отвечала: «Ежели с Ольговичами, то готовы биться за тебя даже с детьми, а на Володимирово племя на Юрьевича не можем поднять рук». И после такого ответа Мстислав с дружиною оставил Курск.

То же новое направление – искать поддержки в земщине – поставило князей в необ-

ходимость заботиться о большем привлечении к себе земщины, и первый пример такой заботливости был показан также Владимиром Мономахом; он, получивши Киев, первым долгом считал для себя угодить киевской земщине ограждением ее от своекорыстия жидов, которым покровительствовал предшественник его Святополк; он же в своем наставлении к сыновьям писал, чтобы они были постоянно ласковы с земцами, *«человека не минете, не привечавше, слово добро ему дадите, куда же пойдете по своим землям, не дайте пакости десяти отроком (дружинникам) ни своим, ни чужим, ни в селах и в житех, да не кляти вас начнут, и всего же паче убогих позабывайте, но елико могуще по силе кормите, и придавайте сироте, и вдовицу оправдате сами, а не вдавайте ешьным погубите человека»*. Всеволод Ольгович, Вячеслав Владимирович и Изяслав Мстиславич также постоянно заботились о привлечении к себе земщины; каждый из них, делаясь киевским князем, прежде всего старался угостить киевлян роскошным пиром. То же самое в 1148 году Изяслав Мстиславич сделал в Новгороде;

в летописи сказано: «Изяслав же посла подвойские по улицам кликати, зову щи к Князю на обед от мала до велика». А в 1144 году Всеволод Ольгович, отправляясь в Переяславль пировать на свадьбе Изяславовой дочери, взял с собою и лучших киевских земцев. Таковую же приветливость к земцам старались выказывать и другие князья, их современники.

Старания князей удерживать за собою свои отчинные владения и забота о снискании расположения земщины в своих владениях мало-помалу произвели то, что земцы, при сыновьях Ярослава безразличные и равнодушные к князьям, при внуках и правнуках Ярослава воспитали в себе убеждение, что в такой-то земщине должен княжить такой-то княжеский дом, а в такой-то такой. Именно полоцкие земцы стали признавать своими постоянными законными князьями потомков Рогнедина сына Изяслава Владимировича; земцы галицкие – потомков Владимира Ярославича Новгородского; земщина черниговская, новгород-северская и муромская – потомков Святослава Ярославича; киев-

ляне, волынцы, переяславцы, смольняне и суздальцы – потомков Владимира Мономаха. И это убеждение земщины не могло быть изменено ни междоусобиями князей, ни их захватами той или другой чужой области. Князь, захвативший область, не принадлежавшую его дому, ежели и удерживался в ней на время своей жизни, то никак не мог закрепить ее за своим родом; земщина, верная своим потомственным князьям, постоянно противилась этому, и с успехом. Так, полочане, завоеванные Мстиславом Владимировичем, при преемнике же его отложились от Мстиславичей и отыскиали своих прежних князей Полотских. А киевляне на другой же день по смерти Всеволода Ольговича отступились от назначенного им преемника Игоря Ольговича, обратились к Изяславу Мстиславичу, внуку Мономахову, и постоянно говорили при каждом удобном случае, что они не могут поднять рук на Мономахово племя. Изяслав Давыдович Черниговский, два раза княживший в Киеве, ни разу не мог удержаться в нем; ибо киевская земщина, принимая его в крайности, постоянно тянула к Мономахови-

чам и при первом же нападении Мономаховичей оставляла Изяслава без поддержки. Да и в своих потомственных князьях земцы нередко делали предпочтение одному князю перед другим, одного поддерживали, а на другого вооружались. Так, галичане в 1144 году, недовольные своим князем Владимиром Володаревичем, тайно вызвали из Звенигорода его племянника Ивана Ростиславича, и когда Иван, разбитый Владимиром, бежал от них, то целую неделю бились с Владимиром, и только доведенные до крайности, отворили ему город. А полочане в 1152 году схватили своего князя Рогволода Борисовича, отвезли его в Минск и держали в великой нужде; на его же место взяли его двоюродного племянника Ростислава Глебовича, заключили союз с Святославом Ольговичем Новгород-Северским и целовали ему крест иметь его отцом себе и ходить в послушанье его. Киевляне в 1150 году пригласили Изяслава Мстиславича против княжившего у них дяди его Юрия Суздальского; да и прежде в 1149 году прямо говорили Изяславу: «Нам с Юрием не ужиться, приезжай к нам после, мы будем готовы за те-

бя, как скоро увидим твои знамена». В 1157 году ростовцы, суздальцы и владимирцы выбрали и посадили себе князем старшего Юриева сына Андрея, тогда как Юрий назначил суздальскую волость младшему своему сыну Васильку, который там и княжил при Юрии.

Привязанность той или другой земщины к тому или другому княжескому дому в это время уже дошла до того, что земцы охотно стали принимать участие в княжеских междоусобиях. В прежнее время земцы давали князьям свои полки только для защиты своей земли и для походов на печенегов или половцов, княжеские же междоусобия и завоевательные походы на соседей князя производили дружиною и охотниками; при внуках же и особенно при правнуках Ярослава земские полки начали оказываться у князей и в войнах междукняжеских. Так, Юрий Суздальский водил в Приднепровье вместе с своею дружиною и земские полки суздальцев, Ростислав Смоленский во всех войнах своего брата Изяслава Киевского участвовал при помощи смоленских земских полков, или в 1139 году Ярополк вел на Всеволода Ольговича и

суздальцев, и ростовцев, и полочан, и смолян, приведенных к нему тамошними князьями – его союзниками. Впрочем, земские полки, и помогая князьям, составляли отдельную рать, имели своих предводителей и в походе не смешивались с княжею дружиною. Так, летопись, говоря о походе Мстислава на Литву в 1132 году, пишет: «Киевляне же не втятли с князем, но последи идяху по нем особе». Или в 1146 году при нападении Изяслава на Киев киевские земские полки стояли отдельно от дружины Игоря и Святослава Ольговичей, под начальством особых воевод, тысяцкого Улеба и Ивана Войтишинича. Или в 1147 году при нападении Глеба Юрьевича на Переяславль переяславский князь выступил против него, совокупившись с дружиною и с переяславцами. Или в 1149 году при описании битвы Изяслава с Юрием под Переяславлем летопись говорит: «И бысть сеча зла и первое побегоша поршане (земцы поросья) потом Изяслав Давыдович и по сих кияне, Изяслав же полком своим съехался с Святославом Ольговичем и с половиною полка Юрьева».

Таковое положение земщины заставляло

князей во всех своих междоусобных войнах по возможности удерживаться от опустошений и разорения земцев. Во всех междоусобиях князья преимущественно грабили и опустошали частную собственность князей же — своих противников или их дружины, собственность же земщины оставалась неприкосновенною, за исключением тех случаев, когда земцы очень упорно защищали побежденного князя или когда какой-либо князь приводил с собою половцев, которые обыкновенно и шли на том условии, чтобы им было позволено грабить. Так, например, Олег Святославич в 1094 году, выгнавши Мономаха из Чернигова при помощи половцев, заплатил за эту помощь тем, что дозволил половцам грабить черниговские села; то же делали и другие князья, преимущественно его потомки. И конечно, это было главною причиною, что Ольговичи были не любимы земцами Приднепровья как разорители земли; равным образом нелюбим был в Приднепровье Юрий Суздальский за то же, что водил с собою половцев. Междоусобия же других князей принимались легче и не возбуждали ненависти в

народе, да и на самом деле они были далеко не так отяготительны для земцов, как бы можно было предполагать, ибо почти исключительно ограничивались грабежом частной собственности князей и дружинников. Для этой же собственности уже не было никакой пощады; победители везде отыскивали собственность побежденного противника и его дружины, все жгли и грабили, даже не щадили самих церквей. Так, например, в 1146 году при походе Изяслава Мстиславича с его союзниками Давыдовичами Черниговскими на Святослава Ольговича Новгород-Северского союзники послали грабить Игоревы и Святославовы стада; мало этого, пошли на Игореву сельце, где был устроен хороший княжеский двор и собрано много всякого добра в берестяницах и погребах, вина и меда и всякого тяжелого товара до железа и до меди; и Давыдовичи приказали класть все это на воза себе и дружине, а чего не могли захватить, то велели зажечь, равно как самый двор и церковь Св. Георгия и княжее гумно. В тот же поход Изяслав Мстиславич, взявши Путивль на договор, ничего не тронул принадлежащего пу-

тивильцам, бывший же там Святославов двор разделил между своими союзниками на четыре части, также разделил княжие скотницы берестьяницы и всякий товар, даже дочиста обобрал княжескую церковь Св. Вознесения, взял все церковные сосуды серебряные, иконы, шитые золотом ризы, кадилаицы, книги и колокола и не оставил ничего княжьего, но все разделил и семьсот рабов.

Обычай грабить только княжье добро и добро дружинников, очевидно, основанием своим имел то, чтобы скорее смирить противника или вызвать скорее на бой, ежели он уклонялся от невыгодной для себя битвы, как это прямо подтверждает образ действий Изяслава Мстиславича во время похода на Чернигов в 1148 году. Он, стоя под Черниговом и желая выманить тамошних князей на битву, целых три дня жег и опустошать княжие села под Черниговом и потом сказал: «Вот мы пожгли все села их и жизнь (имение) всю, а они к нам нейдут; а пойдем к Любечу, где их вся жизнь». И действительно, черниговские князья пошли за ним к Любечу. Впрочем, бывали случаи, что иногда доставалось и земцам и

князя разоряли города своих противников или брали выкуп с граждан; но это бывало только тогда, когда князь не рассчитывал завладеть городом или присоединить его к своей волости. Так, Владимир Галицкий в 1150 году, возвращаясь домой из киевской волости, подошел к Мичьску, сказал мичанам: «Дайте ми серебро, что вы аз хочу, паки ли я возму вас на щит» – и, взявши требуемое серебро, пошел домой, а также побрал серебро и с других городов, лежавших по дороге, вплоть до своей земли.

Сближение князей с земщиною и старание постоянно удерживать за собою свои отчинные владения повело князей к тому, чтобы приобретать себе земли в частную собственность, населять их своими людьми или свободными земледельцами и вводить в них хозяйственное устройство частных собственников; таковых земель в то время было уже довольно у всех князей, на них князья строили себе, смотря по удобству, дворы, села, церкви, монастыри и даже города; земли сии князья приобретали или покупкою у частных собственников, или расчисткою на свой счет ди-

ких лесов и полей, никому не принадлежащих, или получали по наследству, или в подарок, или иными способами приобретения между частными людьми. Таковое направление князей приобретать земли в частную собственность, по-видимому, должно было повести к тому, чтобы князья вовсе не оставляли своих княжений и не переходили в другие владения, чтобы не лишиться поземельной собственности; но на деле это не оправдалось, а, напротив, между князьями сложился новый закон, по которому князь, перешедший или переведенный из одного княжества в другое, не лишался права на свою частную поземельную собственность в оставленном княжестве. Так, в 1147 году Святослав Всеволодович, из черниговских князей, переведенный Изяславом Киевским в Бужск и Межибожье, продолжать владеть своею частною поземельною собственностью в Черниговском краю; то же было и у других князей.

Княжая дружина по-прежнему состояла из вольных людей, состоявших на службе князя по взаимному согласию и имевших полное право оставить службу одного князя и перейти

ти к другому. Самый состав дружины по-прежнему был сбродный из разных стран; на службу князя мог поступить всякий, откуда бы кто ни пришел, лишь бы князь согласился его принять; но при внуках и правнуках Ярослава князья преимущественно старались пополнять свои дружины охотниками из земцев, так что у суздальского князя дружинники преимущественно были из суздальцев, у галицкого из галичан, у черниговского из черниговцев, у смоленского из смольнян и пр. Да и тех из дружинников, которые приходили со стороны, князья старались привязать к своим владениям, и с этою целью раздавали им земли преимущественно на поместном праве, и таким образом делали удержание владений интересным и для дружинников; ибо с потерей владения князем и дружинники теряли свои доходы с поместных имений. Как прямо говорил Изяслав Мстиславич своим дружинникам в 1150 году, побуждая их к походу на киевскую область, только что отнятую у него Юрием Суздальским: «Вы есте по мне из Русские земли вышли (из киевской области) своих сел и своих имений лишився;

а яз паки своя дедины и отчины не могу презрети; но любо голову свою сложу, паки ли отчину свою налезу и вашу всю жизнь». Такое новое направление породило то, что, с одной стороны, князьям легче стало удерживать за собою свои старые отчинные владения, а с другой стороны, труднее держаться во владениях вновь приобретенных. Земцы на своего отчинного князя и на его дружинников смотрели с большею приязнью, нежели на нового князя и на его дружинников, пришельцев с другой стороны. А посему дружинники-пришельцы по смерти или по изгнании своего князя-пришельца обыкновенно или изгонялись, или избивались земцами, а имение их предавалось на разграбление. Так, и по занятии Киева Изяславом Мстиславичем в 1146 году сам Изяслав с киевлянами стал грабить дома и села дружины Игоревой и Всеволодовой; точно так же по смерти Юрия киевляне стали избивать и грабить суздальцев, т. е. Юриевых дружинников, приведенных из Суздаля.

Дружина в это время, так же как и прежде, разделялась на старшую и младшую; стар-

шую дружину составляли бояре, мужи, занимавшие важные должности, к младшей же принадлежали отроки, детские, слуги, гридни, мечники и другие мелкие служители при князе. Старшие дружинники были преимущественно богатые и сильные, имевшие свои дружины вольных людей, которые с ними вместе и под их начальством участвовали в княжеских походах и в управлении городами, данными князем. Старшие дружинники имели большее значение у князей, они были княжими думцами, так что князь о каждом своем предприятии должен был объявлять им и советоваться с ними, в противном случае дружинники отказывались помогать князю и прямо говорили: «О себе еси, княже, замыслил, а не едем по тебе, мы того не ведали». Как это было с Владимиром Мстиславичем, который, не посоветовавшись с старшею дружиною, хотел ехать к берендичам. Старшие дружинники даже спорили с князем на совещаниях; так, в 1150 году, когда Изяслав говорил своей дружине, чтобы идти на Владимира Галицкого, то дружина возразила ему: «Княже! Нельзя тебе пойти на него, се перед тобою ре-

ка, но еще зла, как на него хочеши поехать? А еще стоит заложився лесом; ныне же того, княже, неправи, но поеди Киеву, своей дружине». И князь послушал совета, отложил нападение. Старшие дружинники не только были необходимыми советниками князей, но и посредниками в их переговорах друг с другом; и даже по-прежнему требовалось, чтобы договоры между князьями скреплялись клятвою как самих князей, так и их дружинников. Так, в 1150 году при заключении союза между Изяславом и Вячеславом сказано: «И тако целоваста крест у Святою мученику нагробе, на том: Изяславу имети отцом Вячеслава, а Вячеславу имети сыном Изяслава, на том же и мужи их целоваша крест, яко между ими добра хотети и чести их стеречи, а не сваживати их».

Младшая дружина, т. е. отроки, детские, гридни и подобные, составляли отдельный класс от старшей дружины, они также были люди вольные и могли смотря по службе и по расположению князя поступать и в старшую дружину; но, будучи младшими дружинниками, они не были думцами князя и исправля-

ли только незначительные должности; они при князем дворе бывали поварами, ловчими, конюхами, седельниками, псарями, сокольниками и подобное, а в военных походах обыкновенно помещались впереди в застрельщиках. По свидетельству летописей, младшими дружинниками иногда населялись целые города; так, под 1149 годом Святослав говорит Изяславу Давыдовичу: «Вижь мое смирение, коли на себя поступал, взял Чернигов с семью пустыми городами, а в них селят псари и половцы». Или в другом месте летописи упоминается о волостях, занятых княжими седельниками. Вероятно, младшими же дружинниками были заняты города пограничные к степям, и они же содержали разьезды в степях для наблюдения за половцами.

Земщина много сблизилась с князьями, вследствие старания князей удерживать за собою свои отчинные владения; но это сближение не везде было в одинаковой степени. В тех краях Руси, где постоянно владел один княжеский дом в продолжение многих лет, как, например, в Полотске, Галиче и Суздале,

сближение земщины с князем было полнее, нежели в тех краях, где князья менялись часто, как, например, в Новгороде, Киеве и Переяславле. Но большее или меньшее сближение князя с земщиною нисколько не развивало княжеской власти; в этом отношении внуки и правнуки Ярослава не опередили своих отцов, княжеская власть и при них продолжала лежать как бы на поверхности русского общества и не проникала вглубь. Конечно, князья теперь более узнали общество, более приобрели средств к получению доходов от своей власти, и доходы сии сделались определеннее и постояннее; но тем только и ограничивался их успех на этом поприще; изменить же своих прежних отношений к обществу тогдашние князья еще не имели достаточных сил, да и, занятые своими междоусобиями, едва ли путем и думали об этом. Они заботились только о том, как бы увеличить свои владения или заменить владение бедное и незначительное владением богатым и значительными. Даниил Заточник вот что говорит о современных ему князьях: «С добрым со думцею князь высокого стола додумается, а с ли-

хим думцею думает, и малаго стола лишен будет». Следовательно, главная дума князей того времени была в том, чтобы додуматься высокого стола. Другая важная дума князей состояла в привлечении к себе людей; средством к сему внуки Ярослава считали ласковость со всеми и учреждение пиров по примеру прадеда своего Владимира; а посему хлопотали о пирах даже те князья, которые сами до них были неохотники. Так, митрополит Никифор пишет к Мономаху: «Известно нам, что ты иным готовишь светлые обеды и бываешь всем всяческая, да всех приобрящешь, и законные и незаконные, величества ради княжеского; сам служишь и страждешь руками своими, и доходить подавание твое даже до комаров, и все это делаешь ради княжения и власти. И когда другие упиваются и объедаются, ты сидишь и посматриваешь, как другие пьют и едят, а сам остаешься доволен малым вкушением и водою, и показываешь, что с ними пьешь и ешь; и тем угождаешь сущим под тобою, и терпишь сидя и смотря как упиваются твои рабы, и таким образом угождая покоряешь их». А конечно, ни увеличение

владений, ни достижение высоких столов, ни ласковость, ни пиры, не увеличивали власти княжеской.

Земщина по-прежнему оставалась при своем общинном устройстве, по-прежнему самостоятельно развивала его, по-прежнему Русская земля делилась на большие и малые миры, и малые миры зависели от больших, пригороды от старых городов; и княжеские междоусобия нисколько не нарушали этого порядка, а, напротив, как мы уже видели, решение земщины нередко перерешало решения князей. Так, какой-нибудь неугодный земщине князь, посаженный силою по решению других князей, своих союзников, обыкновенно недолго засиживался на захваченном таким образом княжестве; земщина отыскивала любимого князя, приглашала его к себе и при его помощи выпроваживала нелюбимого князя, а иногда справлялась и одна без помощи князей, как это мы видели в Полотске в 1152 году и как не раз бывало в Новгороде. Вообще при внуках и правнуках Ярослава княжеская власть была еще в полном согласии с земским устройством русского общества,

здесь еще не было и следов борьбы; в это время у земщины была борьба не с князьями, а с враждебным характеру свободных людей византийским влиянием на быт и устройство русского общества.

Владимир Святой, водворивши на Руси христианство и неразлучное с ним просвещение духовное, хотел, как мы уже видели, навязать русскому обществу и византийские гражданские порядки, считая всю русскую старину поганою и все старые обычаи недостойными христиан; и с этою целью по своему уставу о судах церковных он признал необходимым участие духовенства в княжеских судах и ввел принесенный из Византии законодательный сборник, известный под названием Закона судного людям. Ярослав, не признавая всех старых русских обычаев поганскими, в своем уставе строго отделил церковный суд от светского и издал Русскую Правду, основанную на старых обычаях, дети Ярослава несколько пополнили правду отца; но и Закон судный людям продолжать еще иметь свою силу и не был отменен ни Ярославом, ни его сыновьями. А между тем закон

сей не был согласен ни с устройством русско-го общества, ни с убеждениями русских людей о праве и во многом требовал того, что в русском обществе считалось противным и унижительным для свободных людей; например, по всем преступлениям и даже проступкам он требовал телесных наказаний, которые до того прежде вовсе не были известны в русском обществе и считались нетерпимыми для свободных людей; или предлагал законы о наследстве, совершенно не согласные с убеждениями русских об этом предмете; или вводил формы суда, не удобоприложимые и отяготительные для народа. Все это вызывало глухую борьбу русского общества против византийского закона, не приложимого и противного русским людям; русские были недовольны судом по чужим, византийским законам и старались уклоняться от этого суда; русского же закона, который бы заменил Закон судный людям, еще не было, а были только одни обычаи; ибо Русская Правда Ярослава и его сыновей почти не касалась гражданско-го права, которое более всего необходимо в обществе. А посему Владимир Мономах вско-

ре по смерти Святополка приступил к пополнению Русской Правды, так чтобы она более или менее могла заменить Закон судный людям, преимущественно в тех случаях, где этот закон или не удовлетворял требованиям жизни русского общества, или был противен ей и не согласен с ее исконными обычаями.

Владимир Мономах для пополнения Русской Правды собрал свою дружину на Берестове, куда пригласил также тысяцких: киевского Ратибора, белгородского Прокопия, переяславского Станислава, и мужей Нажира, Мирослава, и Ивана Чудиновича, Ольгова мужа, и общим советом пополнил Русскую Правду: во 1-х, законами о ростах (процентах), о долгах и закупах, именно о таких вопросах общественной жизни, на которые Закон судный людям не давал удовлетворительного ответа; во 2-х, законами о послушестве и о других судебных доказательствах и о разных судебных пошлинах; в 3-х, законами о наказаниях за преступления по оскорблению личности и нарушению права собственности, где телесные наказания Закона судного людям заменены денежными пенями, согласно с ис-

конными русскими обычаями; и в 4-х, законами о наследстве, опеке и о рабах, где также правила Судного закона, как несогласные с убеждениями русского общества, или вовсе заменены, или исправлены по старым русским обычаям.

Но еще прежде Владимира Мономаха, может быть при Святополке, сложились весьма важные дополнения к Русской Правде, особенно относительно уголовного права, из которых мы видим, что исконный русский обычай верви, по всему вероятно подвергавшийся ослаблению под византийским влиянием, в то время внесен был в закон и тем, конечно, приобрел большую силу и ограждение от неблагоприятных для себя законов византийских. Исконный русский обычай верви, внесенный в закон при внуках Ярослава, для нас служит лучшим свидетельством, что русское общество сильно боролось за свое старое устройство и успело тогда отстоять свою старину. Из закона о верви, внесенного в тогдашнюю Русскую Правду, ясно видно, что в то время, как и прежде, Русская земля, кроме деления на города и пригороды, погосты и села,

еще делилась на общества, носившие название вервей. Общества сии были добровольные, не зависевшие ни от местожительства, ни от подчинения той или другой власти, в верви каждый мог вступать или не вступать по своему усмотрению без всяких принуждений; так что в одном и том же городе или селении жили рядом и те, которые были членами верви, и те, которые не были членами верви; членом верви считался тот, кто вложился в вервь, кто обязался ежегодно платить в общий капитал верви известную сумму денег по общинной раскладке, и до тех пор был членом верви, пока платил сумму, следующую с него, и как скоро переставал платить, то вслед за тем исключался из верви. Вервью называлось собственно общество, в котором все члены были друг по другу в круговой поруке в делах по убийствам и кражам; так что ежели которому члену верви за учиненное им убийство приходилось платить законом положенную пеню или виру, то за него по раскладке платили все члены, состоящие в одной с ним верви. Впрочем, вервь не была покровительницею явных разбойников, злоумыш-

ленных убийц, она за таковых не платила, хотя бы они и были ее членами, а выдавала их на поток и разграбление по закону, лишала их своего покровительства и права быть членами верви. Защищала же и платила вервь только за таких своих членов, которых считала честными и добрыми людьми, учинившими убийство без злого умысла, по причинам уважительным в глазах верви; или платила еще тогда, когда на земле, принадлежащей верви, подымали труп убитого или замечали следы кражи, убийцы же или вора не было налицо и вервь ни на кого из своих не имела подозрения, этот последний платеж тогда назывался дикою вирою.

Внесение старого обычая верви в закон служит прямым указанием, что княжеская власть в то время даже в делах суда уголовного ограничивалась только сбором вир и продаж или ссылкой виновного и отнятием у него имущества, разорением его дома; исследование же дела, признание того или другого виноватым и достойным наказания принадлежало не князю и его служителям, а самому обществу верви. Вервь находила пойманного

на деле убийцу виноватым, недостойным своего покровительства и выдавала его князю или княжим служителям; а, напротив, ежели она находила убийцу достойным своего покровительства, т. е. таким человеком, с которым еще можно жить, то платила за него положенную законам виру, и княжие служители уже не могли взять такового убийцы. А ежели убийцы или вора не было налицо а был только труп убитого или следы воровства, то отыскивать убийцу или вора принадлежало самой верви, от нее зависело отыскивать ли их или сказать, что все мои члены люди честные, между ними нет ни убийц, ни воров и я плачу положенную виру или продажу, потому что на моей земле труп убитого или следы воров; и княжие служители, после такового платежа, не имели права делать розысков и беспокоить ими членов верви. Явно, что князю здесь принадлежал только доход от вир и продаж, и доход, конечно, довольно значительный, для сбора которого он посылал своих служителей, известных под именем вирников; самый же суд и охранение внутренней безопасности общества принад-

лежали не князю, а самому обществу верви. Князь принимал на себя обязанность суда только тогда, когда судом общества были недовольны или когда средства общества для сохранения порядка оказывались недостаточными; но и здесь русское общество при внуках и правнуках Ярослава успело отменить многие византийские порядки, внесенные Судным законом, как это видно из многих статей Русской Правды того времени.

Сближение князей с земщиною и старание их постоянно удерживать за собою отчинные владения естественно повело к лучшему определению княжеских доходов от земщины. Князь, постоянно удерживая за собою свое владение и весь доход свой преимущественно получая только от него, естественно, должен был обратить большее внимание на этот предмет и войти в подробные условия с местною земщиною, сколько с какой местности каких получать доходов. И мы действительно уже в половине XII столетия и несколько раньше встречаем росписи княжеских доходов в разных владениях; так, подобная роспись помещена в уставной грамоте Ро-

стислава Смоленского, писанной в 1150 году, в которой находим, что смоленские владения разделялись по платежу разных княжеских доходов на 40 областей, или по-нынешнему уездов, с которых шло до двенадцати видов княжеских доходов и в княжью казну в год собиралось одних только обозначенных в росписи доходов 750 гривен серебра, т. е. около 555 фунтов на нынешний вес, кроме доходов, которые записаны в росписи без означения количества. Или в уставной грамоте новгородского князя Святослава Ольговича, данной Новгородскому Софийскому собору, в 1137 году значит, что Обонежский и Бежицкий ряды разделялись на 47 погостов и в княжью казну только с Обонежья с одних вир и продаж шло тысячу гривен кун новых. Вероятно, такое же разделение на области и определение княжих доходов было и в других княжествах; так что князьям было уже известно, какая область приносить сколько доходов. А по-тому князья при раздаче волостей своим союзникам в своих договорных грамотах могли писать такому-то союзнику такая-то область или вместо ее столько-то деньгами, смотря по

доходу с этой области. Но что всего замечательнее по дошедшим до нас росписям видно, что князья иногда переводили свои доходы на оброк; т. е. вместо того, чтобы посылать своих служителей для сбора доходов, условливались с местною земщиною, чтобы она сама высылала князьям условленную годовичную сумму и сама уже заведовала сбором доходов даже таких, которых наперед нельзя определить с точностью. Так, например, в уставной грамоте Святослава с Обонежья назначено 1000 гривен от вир и продаж, т. е. от суда по уголовным делам, которых сколько будет в котором году, конечно, определить нельзя; следовательно, князь здесь и не думал о суде и предоставлял его в полное заведывание самому обществу, земщине, а заботился только об одних доходах от этого суда, да и для сбора этих доходов не посылал своих вирников, ежели общество по взаимному с ним договору само высылало условленную цену за целый год. Ясно, что и при сближении князей с земщиною княжеская власть в то время еще не развивалась и по-прежнему лежала как бы на поверхности общества. Общество, земщи-

на, по-прежнему распоряжалось самостоятельно и только платило условленные доходы своему князю. Впрочем, и доходы сии князь не имел права увеличивать без согласия земщины; в противном случае распоряжения князя считались злоупотреблением власти, и земцы говорили: «Князь грабит нашу волость, как чужую, не проча ее за собою»; и таких князей в то время было очень мало по той простой причине, что им нельзя было оставаться в своих владениях, на их место всегда были готовы новые князья по первому зову земщины. Конечно, и в то время были иногда обиды и притеснения от иных корыстолюбивых князей и их дружинников; но притеснения сии основывались не на княжеской власти, а собственно на одной силе; иной князь и его дружинники обижали и притесняли иногда частных людей точно так же, как притесняют иные сильные слабых. Так, Святополк-Михаил во время войны с Галичем, когда по случаю войны приостановился подвоз соли в Киев и соль вздорожала, послал своих слуг ограбить киево-печерского инока Прохора, у которого, прослышал, будто

бы много напасено соли, имея намерение, захватив инокову мнимую соль, продавать ее в тридорого через своих слуг. Этот замысел Святополка торговать награбленной солью принадлежит решительно к одному разряду с проделками любого торговца, который, каким-нибудь образом захвативши в свои руки побольше товара, на который есть запрос, теснит торговлю других купцов, у которых этого товара немного; ибо Святополк не запретил прочим купцам торговать солью, не сделал эту торговлю княжескою привилегией, а только хотел воспользоваться случаем, нажить побольше денег и потеснить торговцев, у которых уже мало было соли; а торговать своими товарами он имел такое же право, какое имели Олег, Игорь, Святослав и все его предки и которое впоследствии постоянно оставалось за князьями наравне с дружинниками и земцами.

Таким образом, русское общество в отношении к своим князьям и в отношении к своему внутреннему устройству при внуках и правнуках Ярослава находилось почти в том же положении, в каком оно было в прежнее

время; но развитие общества в других отношениях заметно шло вперед. Так, относительно распространения и утверждения христианства по памятникам мы знаем, что в это время проповедники христианства, по следам Леонтия и Исаии, продолжали углубляться на север, в страну закоренелых язычников финнов. Например, в 1147 году инок Глушевской обители, преподобный Герасим, пришел на Вологду и там на диком лесу построил Троицкий монастырь и в продолжение тридцати лет проповедовал тамошним язычникам Евангелие; потом мы имеем две грамоты новгородского владыки Иоанна, писанные около этого же времени к посадникам и игуменам на Двину, которые свидетельствуют, что новгородские колонисты уже распространяли христианскую веру в пределах заволоцкой чуди. За это же время мы имеем много любопытных известий о быстром распространении церквей и монастырей в Киеве, Новгороде, Смоленске, Ростове и других городах; так, монастырей тогда в Киеве было 17, а в Новгороде – 20; в целой Руси тогда уже считалось десять епископских кафедр или епархий.

Правда, и в то время языческие суеверия были еще распространены между темным народом; так, по свидетельству Кириковых вопросов епископу Новгородскому Нифонту, женщины больных детей носили не к священникам на молитву, а к волхвам и ворожеям; также были еще охотники приносить жертвы роду и рожанице и другим языческим богам; но зато теперь уже не было и помину о восстаниях язычников, о попытках воротить отвергнутых языческих богов и уничтожить христианство, какие мы видели при сыновьях Ярослава. Напротив того, теперь место старых язычников заступили пришельцы еретики – лжетолкователи христианской веры; так, при Святополке явился в Киеве какой-то еретик Адриан, а при Мономахе другой еретик Дмитр, вероятно пришедшие из Болгарии, где в это время усилилась ересь богомилов; но попытки еретиков не имели успеха на Руси, и сами проповедники ереси были отлучены от церкви и заключены в темницы, где первый и отказался от ереси.

Рядом с христианством распространялось и просвещение не только между духовными,

но и светскими людьми. Так, из духовных того времени известны своею ученостью митрополит Киевский Никифор Грек, от которого дошли до нас несколько сочинений, писанных по-русски и свидетельствующих о его научном образовании. Современник Никифора, игумен одного монастыря в Чернигове, Даниил путешествовал в Иерусалим и оставил хорошо написанное и любопытное описание своего путешествия. При Изяславе Мстиславиче был известен своею ученостью киевский митрополит Климент, родом и воспитанием из Смоленска, где он сперва прославился строгою отшельническою жизнью в затворе; он у современников слыл книжником и философом и, как сказывают, оставил после себя много сочинений, которые, впрочем, до нас не дошли или еще не отысканы. Из современников Климента были известны своим просвещением: епископ Новгородский Нифонт, из подвижников Киево-Печерского монастыря; его преемник на епископской кафедре Аркадий, из игуменов Богородицкого монастыря в Новгород; диакон и domestik Антониева новгородского монастыря Кирик,

оставивший после себя сочинение о хронология и вопросы к епископу Нифонту о разных предметах церковного служения и священнических обязанностей; также священник одной новгородской церкви, писавший первую Новгородскую летопись.

Из светских людей в числе первых по просвещению должно упомянуть о Владимире Мономахе, после которого до нас дошло поучение к детям и послание к Олегу Святославичу, оба сочинения замечательные как по изложению своему ясному и живому, так и по содержанию превосходно характеризующему тогдашнее время и свидетельствующему о начитанности и светлом уме Мономаха. Из Мономаховых современников известен как писатель какой-то Василий на Волыни, участвовавший в переговорах Давыда Игоревича с Васильком Ростиславичем и оставивший нам живое и картинное описание всех тогдашних событий, бывших на Волыни и в Червонной Руси вследствие ослепления Василька Ростиславича. Из современников Юрия Суздальского известен по своей начитанности и замечательным литературным

способностям один из его дружинников по имени Даниил, сосланный им в заточение на Лаче-озеро, от которого дошло до нас послание, или моление, писанное им к Юрию Суздальскому, замечательное по своему красноречию и живому изложению тогдашнего быта дружинников. Из этого послания мы между прочим видим, что в то время от дружинников требовалась не одна физическая сила и храбрость, но и просвещенный разум, книжное учение и умение говорить и писать красноречиво. Даниил, умоляя князя возвратить его из заточения, пишет: «Господине мой не зри внешняя моя, но зри внутренняя: аз бо одеянием скуден, но разумом обилен; юн возраст имею, а стар смыслом, бых мыслию яко орел паряй по воздуху. Но постами сосуды скудельничи под поток капля языка моего, да каплют ти сладчайши меду словеса уст моих. Аз бо, княже господине, ни за море ходих, ни от философ научился, но бых яко падая пчела по различным цветам и совокупляя яко медвеный сот; тако и аз по многим книгам собирая сладость словесную и разум, и совокупих яко мех воды морские». Слова Даниила Заточ-

ника, о требовании от дружинников в то время книжного учения, подтверждает и знаменитый русский церковный оратор, епископ Туровский Кирилл, живший несколько позже Юрия и Даниила; он в одной притче говорить: «Аще бомира сего властели, и в житейских вещах труждаются человеци, прилежно требуютьшижного почитания; кольми паче нам подобает учиться в них, и всем сердцем взыскивати сведения словес божиих, о спасении душ наших писанных». Это двойное свидетельство светского и духовного писателей служить прямым указанием, что книжное учение при внуках и правнуках Ярослава было существенною потребностью русского общества как между пастырями и служителями церкви, так и между светскими людьми.

Вместе с просвещением развивалась и городская жизнь, так что в то время сельский житель в сравнении с городским уже считался невежею. И города тогда действительно были в цветущем состоянии; междоусобия князей, преимущественно веденные княжими дружинами и наемными половцами, почти не мешали городским жителям разви-

вать свои промыслы. Притом же князья как бы берегли богатые и промышленные города и разорения и военные опустошения преимущественно ограничивали частными имениями князей своих противников и их дружины. Так что во все это смутное время ни один значительный город не подвергался разграблению, хотя иные и часто переходили из рук в руки и при помощи военной силы; например, Киев от смерти Мстислава в продолжение 25 лет до десяти раз переходил от одного князя к другому и ни один раз не был отдан на разграбление, хотя войска неприятельские несколько раз бились под его стенами; то же должно сказать о Переяславле, Чернигове, Смоленске, Новгороде-Северском, Курске и других городах, сколько-нибудь значительных; они при всех междоусобиях князей почти всегда оставались целы; ибо или заставляли своих князей мириться, говоря прямо: остави свое высокоумие, мирись, или принуждали их выйти из города и говорили: приходи после, когда будешь силен, и сами сдавались на договор; бились же с противниками усердно, только тогда, когда надеялись от-

биться, когда сила была на стороне города. Подвергались разорению, и то не всегда, только города незначительные, не промышленные, населенные или младшими дружинниками князей, или покорившимися половцами, торками, берендеями и вообще недобровольными русскими поселенцами. Жители таких городов при приближении сильного неприятеля обыкновенно со всеми своими пожитками оставляли свои города и бежали в места более надежные и усиленный, а иногда несколько таких городов соединялись в одном городе и защищались общими силами. Так, в 1147 году, когда Изяслав с Ростиславом, преследуя Давыдовичей, шли к Чернигову и, подошедши к Всеволожу, взяли этот город на шить, то нашли укрывшихся в нем жителей двух других городов, которые, очевидно, думали отбиться общими силами; потом, услышавши о взятии Всеволожа, мелкие города Уненеж, Белавежа, Бохмач и другие бежали к Чернигову. Половцы, конечно, не следовали расчетам русских князей и грабили и разоряли без разбора всех, лишь бы рука подошла; но сим грабителям весьма редко удавалось

поживиться взятием какого-либо города, от них города почти всегда отсиживались. Следовательно, говоря вообще, русские города того времени были почти свободны от внешних препятствий к своему развитию и процветанию. Относительно же внутренних препятствий должно сказать, что тогдашние города их имели еще менее, ибо пользовались полным самоуправлением, князья в их распоряжки почти вовсе не вступались, рады были их процветанию и, сколько могли, старались способствовать тому, ибо с городов им шли значительные доходы от торговых и других городских пошлин. И действительно, земские города, благоприятствуемые обстоятельствами, быстро росли и размножались. Так, например, в Киеве было уже в это время более 600 церквей, ибо в двухдневный пожар этого города, бывший в 1124 году, сгорело около 600 церквей. Новгород Великий также был в цветущем положении; то же должно сказать о Смоленске при Ростиславе Мстиславиче, о Галиче при Владимире Володаревиче и его сыне Ярославe, о Ростове, Владимире-Залесском и Суздале при Юрии Суздальском и при его сы-

не Андрее и о многих других городах.

Процветание городов было неразлучно с процветанием торговли, и действительно, за время внуков и правнуков Ярослава мы имеем довольно указаний о тогдашней деятельности русской торговли. Новгородцы с своими товарами ездили по всем русским городам, у них в Киеве даже была своя церковь Св. Михаила, кроме того, они вели деятельную торговлю с Камскою или Волжскою Болгариею и с северными странами по Двине, Печоре и далее до Уральских гор и даже в Западной Сибири, а за морем они торговали с варягами, т. е. с шведами и норвежцами, с датчанами и готландцами, у них на острове Готланд в тамошнем торговом городе Визби даже была своя церковь. Купеческие корабли новгородцев заходили во все пристани по Балтийскому морю и доходили до Шлезвига и Любека. В варяжской и немецкой торговле вместе с новгородцами принимали деятельное участие смольняне и полочане, которых лодьи ходили по Западной Двине и Неману и также проникали в Балтийское и Немецкое моря до Готланда и Любека. Киев вел торговлю преиму-

щественно с греками, половцами, поляками, венграми, чехами и Моравиею, в Киеве была особая слобода торговцев польских, венгерских и жидов; город Олешье в устьях Днепра для Киева был главною пристанью, куда приезжали греческие купцы и откуда отправлялись в Грецию русские торговцы; по берегам Черного моря на восток киевская торговля направлялась в нынешний Крым и к прибрежным землям Кавказа до Абхазии и Мингрелии. С теми же землями, с которыми торговали киевляне, вели торговлю черниговцы, волынцы, галичане и другие жители южных городов Руси. Торговля суздальцев, ростовцев, муромцев и рязанцев преимущественно была ведена по Оке, Волге и их притокам и производилась с волжскими болгарами, мордвой и половцами. Муромцы и рязанцы своими владениями глубоко проникали в половецкие степи по рекам Великой Вороне и Воронежу; и потому были в самых близких торговых сношениях с половцами и, может быть, через их степи проникали по Волге до Каспийского моря.

Торговля в то время производилась общи-

нами, которые имели своих старост и тысяцких, избираемых самою общиною. Торговцы тогда составляли общины не только в местах своего постоянного жительства, но и на время торговых странствований. По свидетельству народных преданий, сохранившихся в былинах и песнях старого времени, торговцы отправляясь в путь, сушею ли, морём ли, вступали между собою в договор, чтобы во всяком нужном случае не выдавать друг друга и крепко стоять за целое общество или караван, и договор сей обыкновенно утверждался клятвою или ротою, почему и члены каравана назывались ротниками; они из среды себя выбирали старост и судей, которые заведовали торговыми делами каравана и судом торговым. Разумеется, в начальники или старосты выбирались люди бывалые и хорошо знающие свое дело, и все члены каравана должны были им повиноваться на все время выбора или пока целый караван не признает выбранного старосту неспособным к делу. Караваны торговцев большею частью бывали довольно многочисленны и хорошо вооружены, чтобы можно было отбиться от нападе-

ния неприятелей. В Новгородской летописи под 1142 годом мы читаем, что шведский князь с епископом в 60 шнеках напал на караван новгородских гостей, шедших из-за моря, но был отбит ими и потерял в битве полтора человека своей дружины.

Устройство торговых общин на постоянных местах жительства торговцев, по свидетельству грамоты Всеволода Мстиславича, данной церкви Иоанна Предтечи на Опоках в Новгороде, производилось следующим порядком: во-первых, общину составляли как значительнейшие фамилии в городе, или житые люди, и купцы, так и черные люди, т. е. работники-служители; ибо в торговле все участвовали, кто капиталом, товарами, кто своею работою; во-вторых, в начальники выбирались от житых людей три старосты, от купцов двое старост и от черных людей тысяцкий; сим выборным начальникам поручались все дела общины – и торговые, и гостинные, и суд торговый, и во все таковые дела городские начальства уже не вступались; в-третьих, для вступления в торговую общину от купцов требовалась определенная сумма денег, которая взно-

силась один раз навсегда и делала постоянным членом общины, пошлым купцом, как выражает грамота, не только того, кто взнес, но и прямых его потомков. Не взнесший же определенной суммы не считался пошлым купцом и не мог быть выбран ни в старосты, ни в другую какую-либо должность по общине. Во Всеволодовой грамоте мы находим указание на две таковые общины в Новгороде на Иванскую и Побережанскую, жившую в соседстве с Иванскою; но на самом деле их было гораздо более. Мы имеем свидетельство летописей, что и в Киеве были подобные купеческие общины гречников (торговцев с греками), залозников (может быть, торговцев, ездивших в половецкие степи и в Крым) и солеников (возивших соль из галицких владений и вообще торговавших с галичанами). По всему вероятно, были подобные же общины и в других городах; но мы пока не имеем об них известий. Конечно, порядок торговли общинами в то время не исключал и торговли одиночной, каждый капиталист мог торговать и сам от себя, не причисляясь ни к какой общине, и устраивать целые караваны на свой

счет при помощи своих нанятых людей и даже через своих рабов; как, действительно, мы и знаем по летописям, что новгородец Юрята Рогович посылал свой караван в Югру с своими людьми; но таковой торговец уже не пользовался помощью никакой торговой общины, он должен был рассчитывать только на самого себя и на свои одиночные средства; и, конечно, так могли поступать только люди очень богатые и сильные, которые не нуждались в посторонней помощи и не желали стеснять себя обязательствами с общиной.

В самом законодательстве тогдашней Руси торговля имела особые права, и притом права очень значительные, показывающие, что русское общество в то время было особенно расположено к торговле и давало ей средства к более успешному развитию. Так, по законам Русской Правды, относящимся ко времени внуков и правнуков Ярослава, во-первых, займы между купцами были освобождены от представления свидетелей, купец, занимая у купца деньги или товар для торговли, не имел надобности делать это при свидетелях, и в случае спора на суде требовалась только

одна присяга должника. Во-вторых, несостоятельные должники между купцами по закону были уже разделены на виновных и невинных, т. е. сделавшихся несостоятельными не по своей вине, но или от рати, или от огня, или потопления; и таковой должник по закону защищался от насилия кредиторов и получал отсрочку в платеже долгов, пока исправится; а, напротив, виновный несостоятельный, который пропился, или пробился в заклад, или своим безумьем испортил чужой товар, по закону отдавался в полную волю кредиторам, которые могли продать и его самого, и его имение. В-третьих, при удовлетворении кредиторов из проданного имения несостоятельного должника, по закону Русской Правды, прежде всех удовлетворялись приезжие гости, которые могли запустить свой товар, не зная о состоянии должника, за приезжими гостями удовлетворялась княжая казна, ежели за должником были ее деньги, и, наконец, остальное за тем имение должника отдавалось в раздел кредиторам одного города с должником, причем не допускались к участию в дележе кредиторы, бравшие боль-

шие проценты.

Главными врагами Русской земли с степной стороны и во время внуков и правнуков Ярослава по-прежнему были половцы; но походы русских в половецкие степи, бывшие при Святополке, Мономахе и Мстиславе, сильно смирили сих диких кочевников; они хотя не уничтожили мелких набегов и грабежей половецких в пограничных к степям русских владениях, даже половцы продолжали еще при каждой смене князей являться для заключения мира, т. е. за получением хороших подарков от нового князя; но о больших половецких набеггах со времени Мстислава уже не было и слуха, за исключением тех случаев, когда сами князья, большею частью породнившиеся с половцами, приглашали их как союзников в междоусобных войнах. Но ежели половецкие набегги в это время значительно слабели, зато чаще стали делать набегги литовцы, старые соседи русских на западе. Впрочем, сии лесные полудикие грабители в это время были враждебны собственно не к Русской земле, а только к Мономаховичам; а, напротив, князей полотских, потомков Изяс-

лава Владимировича, они постоянно защищали и из-за них, собственно, делали набеги на соседние владения Туровские и иногда на Полотские, когда там усиливались Мономаховичи и теснили старых полотских князей, которые постоянно находили себе убежище и защиту в литовских лесах и оттуда опять добывали себе Полотские владения, отнятые Мономаховичами. Вообще Литва, пронизанная колониями кривичей и полочан, тогда была еще тесно связана с полотским княжеским домом и все свои набеги и грабежи в русских владениях делала, собственно, в пользу этого княжеского дома. У новгородцев по-прежнему постоянными, хотя не сильными, врагами были соседние финны, с которыми Новгород всегда управлялся довольно удачно, отражал их нападения, опустошал их землю и брал там города. За время внуков и правнуков Ярослава у новгородцев было несколько незначительных войн особенно с одним из финских племен, емью, которое жило в Южной Финляндии, следовательно, в ближайшем соседстве с Новгородскими владениями и делало несколько набегов на пределы новгородские,

за что новгородцы платили своими набегами и опустошением земель, принадлежащих этому племени. Но главным и постоянным врагом Новгорода был Юрий, князь Суздальский, он перехватывал новгородские дани в Заволочье, останавливал торговлю, ходил войною в Новгородские владения, брал там города и мучил в самом Новгороде, где успел составить себе значительную партию богачей; впрочем, Новгород еще удачно защищался от Юрия.

Вообще Русская земля в это время не имела каких-либо страшных неодолимых врагов и в большей части своих владений была свободна от внешних нападений, да и самые междоусобия князей сосредоточивались преимущественно около Киева, Переяславля, Чернигова и Волыни; а, напротив, другие края Русской земли почти не страдали от междоусобий, а которые и страдали, то немного. Но зато иные края Русской земли нередко терпели другие страшные бедствия. Так, Новгород несколько раз подвергался значительным пожарам, а в 1127 и 1128 годах страшно страдал от голода, так что люди ели липовый лист, березовую кору, солому, мох,

конину и многие умирали от голода и худой пищи; по словам летописи, в это время улицы и площади были завалены трупами, нельзя было выходить из домов от смрада непохороненных гниющих тел, так что нужно было нанимать людей для очистки города от трупов; и такая беда была на всех, что отцы и матери отдавали детей в рабство приезжим торговцам, чтобы не видеть их страданий от голодной смерти. К несчастью, от голода и мора присоединилось большое наводнение Волхова в 1128 году, которым было снесено и разрушено множество домов и потоплено людей. В 1145 году по Новгородской земле была страшная засуха, выжегшая почти весь хлеб и траву в полях, а с июля до осени стоял постоянный дождь, который окончательно истребил и остатки хлеба и травы и страшно поднял воду в Волхове и других реках; на зиму же не было ни порядочного снега, ни ясного дня, до марта. А в 1158 году был страшный мор и на людей, и на домашних животных, так что нельзя было ходить от смрада гниющих тел, оставшихся непогребенными. Киев и вся тамошняя страна два года кряду страдала от са-

ранчи. Саранча в первый раз явилась в тамошнем крае в августе 1094 года и на корню поела весь хлеб и траву; потом в следующем году, также в августе, тучи саранчи покрыли всю землю и пожрали весь хлеб и траву, направляясь к полунощным странам. В 1124 году сгорел почти весь Киев, пожар продолжался два дня и одних церквей истребил около шестисот. В 1143 году была страшная буря около Котельнича, которая разнесла строения, имущество и хлеб с гумен; так что, по выражению летописи, яко рать взяла и не стало в клетях ничего. В разные годы в Приднепровье было несколько землетрясений, впрочем, незначительных. 1111 год был особенно замечателен по несчастьям: в этом году горели Чернигов, Смоленск, Новгород и Киев.

Рассказ десятый. Суздальщина

Ростовцы и суздальцы, сии старинные колонисты Великого Новгорода в обширной стране финского племени мерь, были люди по своему характеру далеко не похожие ни на смольнян, ни на киевлян, ни на черниговцов, люди своего закала и особой выдержки, с одной стороны, вольнолюбивые и упрямые, как новгородцы, а с другой стороны, до того преданные своим князьям, что не знали границ своей преданности и без оглядок жертвовали для них всем. Долго, почти в продолжение 250 лет, от удаления Олега из Новгорода на юг, Ростовская и Суздальская земли почти не принимали никакого участия в делах Приднепровской Руси, долго этот край, отданный новгородцами Рюрику и его потомкам, оставался в каком-то забвении и даже не имел своих князей и управлялся вече и временно присылаемыми из Киева или Переяславля посадниками и даже данщиками; только Мономах обратил некоторое внимание на эту за-

бытую князьями сторону и построил там в свое имя город Владимир на реке Клязьме, называвшиеся у современников Владимиром-Залесским, в отличие от Владимира-Волынского. Но с младшего Мономахова сына Юрия, по прозванию Долгорукий, положение Ростовской и Суздальской земель значительно изменилось к лучшему. Умный Юрий, княживший там с молодых лет и, так сказать, выросший на глазах суздальцев и ростовцев, умел застроить тамошнюю лесную глушь городами и так привлек к себе тамошнюю земщину, что при ее помощи сделался одним из сильнейших князей между современниками. Суздальцы и ростовцы, довольные тем, что имеют своего отдельного князя и более уже не зависят от посадников и данщиков, присылаемых из Киева или Переяславля, готовы были для Юрия на все; и он при первом удобном случае повел их в Приднепровье, желая добыть себе там волости. И суздальцы действительно добывали ему несколько раз то Переяславль, то Киев и показали себя и храбрыми воинами, и верными слугами своего князя; но не умели достигнуть одного: чтобы ужиться с

Приднепровскою Русью, их характер и привычки так были не согласны с обычаями приднепровцев, что они сколько раз ни занимали Киев и Переяславль, всегда оканчивали тем, что возбуждали в тамошних жителях ненависть и к себе, и к своему князю. Юрий, во сне и наяву мечтавший только о Приднепровье, никак не мог заметить этого; впрочем, несмотря на множество неудач и на несколько изгнаний из Киева и Переяславля, старанием верных и храбрых суздальцев и ростовцев добился наконец до того, что умер киевским князем. Но не так думал и не так поступал старший сын Юрия Андрей, по прозванию Боголюбский; этот князь, не считавший неприятелей и не знавший препятствий своей отваге в битвах и с тем вместе крайне осторожный и предусмотрительный вне битвы, в молодости исходивший вдоль и поперек весь Приднепровский край и перевладевший многими там городами, верно понял, что ни отцу его, ни ему самому с суздальцами не ужитья в Приднепровье и что гораздо удобнее владеть Киевом и другими тамошними городами из Владимира-Залесского. А посему

он еще при жизни отца оставил приднепровский Вышгород и тайно ушел в свою родную сторону к суздальцам и ростовцам. Суздальцы и ростовцы приняли его с радостью и объявили князем всей той стороны; и он остался жить там, выжидая удобного случая вмешаться в дела приднепровские и распоряжаться тамошним краем из своего любимого Владимира Залесского, и случай этот не замедлил представиться.

По изгнании Изяслава Давыдовича из Киева Мстислав Изяславич Волынский и Ярослав Владимирович Галицкий с своими союзниками, как мы уже видели, киевский престол предложили Ростиславу Мстиславичу Смоленскому, старшему в Мстиславовом семействе. Ростислав Мстиславич, хорошо и покойно живший с смоленскою земщиною и с новгородцами, как-то недоверчиво смотрел на приглашение в Киев и наперед послал туда двух земцев – Ивана Ручечника от смолян мужа и Якуна от новгородцев, сказать, что он готов идти в Киев, ежели союзники приглашают его вправду с любовно и ежели будут ему повиноваться как отцу и не стес-

нять его воли, и первым условием предложил, чтобы поставленного при Изяславе Климента не признавать митрополитом, как не получившего благословения от патриарха Цареградского; это предложение подняло спор, которого посланники не могли решить; и Ростислав отправил в Киев старшего своего сына Романа, который и решил дело тем, чтобы отставить обоих митрополитов – и Климента и Константина – и просить у патриарха нового митрополита. Когда это было улажено, то и сам Ростислав отправился в Киев и прибыл туда 12 апреля 1159 года, в самый день Пасхи.

Ростислав, посаженный на престоле киевском союзом почти всех князей правого берега Днепра, спешил заключить союз и с старшим князем левого берега Днепра, Святославом Ольговичем Черниговским; и оба князя 1 мая съехались у Моравийска, два дни пиروвали и дарили друг друга дарами и разъехались по домам друзьями. Между тем изгнанный из Киева Изяслав Давыдович, проживая на Выре, сносился с половцами и, получив от них помощь, открыл поход к Чернигову; но этот поход был для него неудачен, – Святослав

Ольгович, получив помощь от своих союзников – князей киевского и галицкого, принудил его бежать сперва к Вырю, а потом в степи. Впрочем, эта неудача только раздражила Изяслава, и, получив новую помощь от половцев, он пошел к Вщижу, где княжил его родной племянник Святослав Владимирович, и оттуда зимою ворвался в смоленские владения, где его половцы наделали много зла и вывели более десяти тысяч пленников. Воротившись с смоленского набега, Изяслав послал к Андрею Юрьевичу Суздальскому с сватовством к его дочери за Святослава Владимировича и с просьбою о помощи. Андрей Суздальский, довольный случаем вмешаться в приднепровские дела, не отказал ни в том ни в другом и послал в Приднепровье своего сына Изяслава, со всем своим полком и с муромской помощью. А в это время Святослав Черниговский с своими союзниками уже осаждал Вщиж; услышав о приближении суздальской рати, союзники поспешили заключить мир с Святославом Владимировичем и возвратились домой. Изяслав же Давыдович, не бывший тогда в Вщиже, пошел в землю вя-

тичей и оттуда ходил в Волок-Ламский на свидание с Андреем Суздальским. В это свидание оба князя условились так, чтобы Андрею отнять у Ростислава Новгород, а Изяславу Киев. И на следующий год действительно новгородцы по требованию Андрея выгнали от себя Ростиславовых сыновей и приняли от Андрея племянника его Мстислава Ростиславича; Изяслав же Давыдович при помощи подкупленных дружинников сумел поссорить черниговских князей с Ростиславом Киевским и, заключив с ними против него союз и соединясь с половцами, отправился к Переяславлю, чтобы принудить тамошнего князя Глеба Юрьевича идти на Киев; но Глеб остался верен союзу с Ростиславом. Тогда Изяслав стал осаждать Переяславль и стоял под ним две недели, но не мог взять; а между тем Ростислав сам двинулся на выручку к Глебу и тем принудил Изяслава оставить осаду и бежать в половецкие степи. Но и эта неудача не остановила Изяслава, он, собрав множество половцев и соединясь с черниговскими князьями, переправился через Днепр у Вышгорода, осадил Киев и 8 февраля 1160 года повел свои

полки на приступ и принудил Ростислава удалиться в Белгород. Пробыв несколько дней в Киеве и уладившись с киевлянами, Изяслав пустился осаждать Белгород и держал его в осаде четыре недели; но когда к Ростиславу стали подходить его союзники со всех сторон, то Изяслав бежал от Белгорода и, преследуемый торками, был убит, а союзники его разошлись по домам. Ростислав же с своими союзниками вступил в Киев.

По возвращении от Белгорода в Киев с Ростиславом рассорился самый деятельный союзник – племянник его Мстислав Изяславич Волынский; но как скоро Ростислав сумел опять привлечь к себе отступивших от союза князей Черниговских, то и Мстислав поспешил примириться с ним. Примирившись с Мстиславом, Ростислав спокойно жил в Киеве, наслаждался миром и был в уважении у всех русских князей. Даже Андрей Суздальский после неудачи и смерти Изяслава Давыдовича притих и не решился затеять ссоры с Ростиславом и тогда, когда новгородцы выгнали от себя его племянника Мстислава Ростиславича и приняли Ростиславова сына

Святослава. В 1167 году Ростислав скончался на дороге в Киев из Смоленска, куда он ездил для примирения новгородцев с его сыном Святославом.

Но княжение Ростислава, преимущественно мирное в Киевских, Смоленских, Волынских и Галицких владениях, далеко не было мирно в других краях Руси, и особенно сильные междоусобия мutilи землю полотскую, где внуки Всеславовы Рогволод Борисович и его двоюродные братья Ростислав, Володарь и Всеволод Глебовичи вели между собою жестокую войну не без участия черниговского, смоленского и киевского князей. Еще в 1150 году Рогволод Борисович, выгнанный из Полотска земцами, при помощи Святослава Ольговича Черниговского пошел искать себе волости и по приглашению дручан отнял Друцк у Глеба Ростиславича. Потом в его пользу начался мятеж в самом Полотске, впрочем, тамошний князь Ростислав Глебович подарками и обещаниями успел усмирить полочан и, соединясь с своими родными братьями Володарем и Всеволодом, пошел выгонять Рогволода из Друцка; но дручане крепко стали за своего

приглашенного князя и принудили Ростислава заключить мир, по которому он придал Рогволоду несколько волостей. Эта неудача Ростислава под Друцком породила мятеж в Полотске, вследствие которого он бежал к своему брату Володарю в Минск, а полочане пригласили себе в князя Рогволода. Рогволод, усилившись таким образом и получив помощь от Ростислава Мстиславича из Смоленска, пошел на Ростислава Глебовича и осадил Минск; впрочем, простояв десять дней и не взявши города, заключил с Ростиславом мир. Но тем дело не кончилось, он еще два раза ходил к Минску также безуспешно и потом подступил к Городцу за Минском, думая выгнать оттуда Володаря Глебовича, засевавшего там с литовцами; но, в ночной битве разбитый Володарем наголову, бежал сперва в Слуцк и потом в Друцк, не смея уже более воротиться в Полоцк. Полочане же пригласили себе в князя Рогволодова племянника Всеслава Васильковича. На этого нового полотского князя в 1166 году пошел Володарь и принудил его бежать к Давыду Смоленскому, а сам утвердился в Полотске.

В Черниговских владениях, по убиении Изяслава Давыдовича под Белгородом и по заключении мира с Ростиславом Киевским было спокойно до смерти старшего тамошнего князя Святослава Ольговича, последовавшей в 1163 году. Но смерть Святослава была поводом к непродолжительному междоусобию у Святославова сына Олега и его двоюродного брата Святослава Всеволодовича, которое кончилось тем, что Олег уступил Чернигов Святославу, а себе взял отцовскую отчину Новгород-Северский, причем Святослав целовал крест на том, чтобы наделить Олеговых братьев Игоря и Всеволода, и не наделил. Олег ждал управы два года, но на третий год, когда умер Святослав Владимировичу, князь Вщижа, стал просить надела из его владений; не получив же и на этот раз надела начал войну с Святославом, в это дело вступился и Ростислав Киевский и несколько раз посылал к Святославу с требованием, чтобы наделил Олега, но безуспешно. Видя неудачу в своих просьбах и в ходатайстве князя Киевского, Олег начал войну и, снесшись с стародубской земщиной, пошел к Стародубу, но поход этот

не имел успеха. Святослав, узнавши о сношениях его с стародубцами, послал туда брата своего Ярослава, который удержал стародубцев в повиновении; и Олег принужден был воротиться в свой Новгород-Северский, успевши только пограбить по дороге и захватить множество пленников. В отплату за стародубский поход Святослав послал брата своего Ярослава с половцами на Новгород-Северский; тогда Ростислав Киевский явился посредником между воюющими и успел примирить их, причем Святослав уступил Олегу четыре города, и обе стороны целовали друг другу крест на том, чтобы жить в любви и согласии.

В землях Суздальской и Ростовской Андрей Юрьевич Боголюбский, вяло участвовавший в междоусобии Изяслава Давыдовича с Ростиславом Киевским, все это время преимущественно был занят укреплением за собою и устройством всей суздальской и ростовской стороны и, желая быть единовластителем, в 1162 году выгнал оттуда своих младших братьев Мстислава, Василька и Всеволода, которые и ушли в Царьград вместе с своею мате-

рью. Потом, в 1164 году, Андрей с сыном своим Изяславом и братом Ярославом и с муромским князем Юрием ходил на волжских болгар, в большом сражении разбил наголову тамошнего князя, сжег три города и взял главный болгарский город Бряхимов, потом воротился домой с богатою добычею и заключил с болгарами мир. Об устройстве Суздальской земли Андреем Боголюбским летопись говорить, что сей князь выстроил неподалеку от Владимира каменный город Боголюбов и создал там церковь Богородицы, которую украсил многоценными иконами, золотом, дорогими камнями и жемчугом, финифтью и другими украшениями на удивление всем приходящим. Он точно так же построил богатую церковь Богородицы во Владимире, оковал ее золотом и серебром, и украсил дорогими камнями и жемчугом, и построил много других церквей и монастырей, самый город Владимир украсил золотыми и серебряными воротами; к народу показывал такое внимание и милость, что ежедневно по его приказу развозили пищу и питье для раздачи больным и неимущим, и сам всякого приходящего

к нему принимал ласково, выслушивал внимательно просьбы и делал по просьбам удовлетворение. При Андрее город Владимир был так же многолюден, как и Киев, туда стекались торговцы и из Греции, и из латинских земель, и волжские болгары, и жидаы, и гости из всех княжеств Русской земли, и все были довольны приемом княжеским.

По смерти Ростислава сыновья его, Давыд и Рюрик, и их дядя Владимир Мстиславич вместе с киевлянами и черными клобуками отправили свои посольства во Владимир-Волынский просит Мстислава Изяславича, чтобы он шел княжить в Киеве. А между тем те же князья, и Владимир Андреевич Пересопницкий, и родной брат Мстиславов Ярослав Изяславич Луцкий, тайно целовали между собою крест, чтобы им требовать у Мстислава волости по своей воли. Мстислав, узнавши о таком союзе против себя, объявил об этом своим старым союзникам, Ярославу Галицкому, полякам и Всеволодовичам, князьям черниговским, и получивши в помощь от Ярослава Галицкого пять полков, отправился к Киеву, на дороге присоединились к нему и

целовали крест берендичи, торки, печенег и все черные клобуки, которых он и послал с своим братом Ярополком наперед. Владимир Мстиславич, главный заводчик смуты, услышавши о походе Мстислава, бежал, и с семейством, из Треполя в Вышгород, где уже укрепились его союзники Давыд и Рюрик. Между тем Мстислав с торжеством вошел в Киев и, взявши ряд, т. е. договорившись с братьями, дружиною и киевскою земщиною, в тот же день двинулся осаждать Вышгород; здесь битвы происходили три дня, наконец противники стали просить мира, и после долгих переговоров о волостях Мстислав дал им мир и возвратился в Киев. Но Владимир Мстиславич помирился не искренно и начал снова искать себе союзников и между князьями и у берендичей; но не нашел их ни у тех ни у других, бежал к Андрею Суздальскому, который выслал к нему навстречу и велел идти в Рязань, обещая наделить его волостью.

По удалении Владимира Мстиславича Мстислав Киевский созвал в Киев своих союзников подумать, как бы усмирить половцев, которые во время последних приднепровских

междоусобий так успели усилиться, что отняли у русских торговые пути греческий, соляной и залозный. На этой думе князей и дружинников союзники сказали Мстиславу: «Брат, помоги тебе Бог в том, что ты так хорошо задумал, а нам дай Бог за христиан и за Русскую землю головы свои сложить и быть причтенными к мученикам». После такового решения Мстислав послал в Чернигов сказать тамошним князьям, его союзникам, чтобы и они шли в поход. И сошлись все князья обеих сторон Днепра в Киеве, и на другой день нового года (2 марта 1169 года) двинулись в половецкие степи, по каневской дороге, шли девять дней не встречая неприятеля, и только уже на берегах Утла и Снепорода увидели кочевья половецкие, брошенные без защитников, а вслед за тем нагнали и самих половцев у Черного леса, и, разбивши наголову, гнались за ними даже за Оскол, и возвратились домой с огромнейшею добычею, какой уже давно не видали приднепровцы. Но и знаменитая победа над половцами, напоминавшая собою победы Мономаха, не удовлетворила князей – союзников Мстиславовых; они жало-

вались и сетовали, что он ночью, тайно от них, посылал своих слуг грабить обоз Половецкий. Впрочем, на сей раз неудовольствие кончилось одними сетованиями и жалобами; и Мстислав через несколько времени опять созвал в Киев пятерых союзных князей и ходил с ними к Каневу для встречи торговых караванов, шедших из греческой земли, и для защиты их от половцев.

Но ни усердие, ни успехи Мстислава в защите Русской земли не могли искренно привязать к нему князей-союзников, они не могли простить ему того, что он не дал им волостей, каких они просили, и разрушить их тайный союз; они слушали его только по необходимости и ждали первого случая к восстанию, который и не замедлил представиться. Два дружинника, которых с бесчестьем прогнал от себя Мстислав, ушли к Давыду Ростиславичу и насаждали ему и его брату Рюрику, что Мстислав изменнически хочет их захватить; и те, поверив клевете, начали тайно сношаться со всеми недовольными и вступили в союз с Андреем Суздальским. Андрей, долго ждавший такого удобного случая,

немедленно отправил в Приднепровье своего старшего сына Мстислава, с многочисленными полками ростовцев, суздальцев и владимирцев; к нему присоединили свои полки и все недовольные, и все, числом одиннадцать князей, осадили Киев. Мстислав Изяславич с своею дружиною и киевлянами три дня бился отчаянно; но наконец сила одолела, ростовцы, суздальцы, владимирцы и их союзники ворвались в город, принудили Мстислава бежать во Владимир-Волынский и начали грабить Киев без всякой пощады; они целых два дня без жалости жгли и грабили церкви, избивали людей, иных ковали к цепи и вели в плен, и во всем Киеве только и слышны были вопли и стенания; летописец прямо говорит, что такой беды еще никогда не бывало над Киевом. Явно, что ни Андрей, ни князья смоленские, ни черниговские не прочили Киева для себя, потому и дали такую волю грабителям. Андрей, по своему опыту и по опыту отца зная, что ни ему, ни его суздальцам не ужиться с киевлянами, очевидно, наказал сыну не щадить города и по разграбление отдал его своему брату Глебу Переяславскому, рас-

считывая, что Глеб, давно уже княживший в Приднепровье, и имевший дружинников на приднепровцев, а не на суздальцев, легко уживется с киевлянами, в чем и не ошибся.

Между тем, как и должно было ожидать, Мстислав Изяславич, удалившийся на Волынь, не остался в покое; он осенью того же года, соединясь с братом своим Ярославом и с галичанами, напал на Владимира Андреевича Дорогобужского, одного из своих противников, и повоевал его города; потом в начале следующего года, соединясь с берендеями и торками, в отсутствие Глеба занял Киев, (где народ встретил его с радостью) и, договорившись с князьями – своими союзниками и киевскою земщиною, пошел к Вышгороду, где сидел с большим войском главный его враг Давыд Ростиславич. Давыд бился крепко и отбивал приступы Мстислава целых шесть дней, так что Мстиславовы союзники стали расходиться, а наконец и он сам принужден был отступить к Киеву; но и там, тревожимый Давыдом и слухами о прибытии к Давыду союзных полков, не мог удержаться и ушел опять в свой Владимир-Волынский, обещаясь,

собравшись с силами, опять идти на Киев, но вскоре умер, оставив Владимир-Волынский своим детям под защитою Ярослава Луцкого. А на следующий год скончался и Глеб Юрьевич Киевский, прокняжив в Киеве только два года.

Между тем Андрей Юрьевич Боголюбский, посадив Глеба в Киеве, обратился на Новгород, где сидел Мстиславов сын Роман; он вооружил на Романа и новгородцев, и князей смоленских, муромских и рязанских и, собрав свою многочисленную рать и поручив ее своему сыну Мстиславу, прославившемуся завоеванием Киева, послал его завоевать Новгород; но этот грозный поход решительно не удался Мстиславу и его союзникам. Новгородцы и Роман бились отчаянно и не только отбили все приступы Мстислава, но и самого его и его союзников разбили наголову, так что только слабые остатки огромной неприятельской рати возвратились по домам. Впрочем, Роман вскоре после знаменитой победы, услышавши о смерти отца, оставил Новгород и уехал на Волынь, а новгородцы примирились с Андреем и приняли от него в князья

Рюрика Ростиславича, из смоленских князей.

По смерти Глеба Юрьевича младшие Ростиславичи Смоленские послали в Дорогобуж к дяде своему Владимиру Мстиславичу звать его в Киев, куда он и явился по этому приглашению. Андрей Боголюбский, услышавши, что в Киеве сел не его посаженник, крайне оскорбился и послал сказать Ростиславичам: «Вы нарекли меня отцом себе, а я хочу вам добра и даю Киев старшему из вас Роману». А между тем Владимир скончался в Киеве, прокняжив только четыре месяца; и Роман посему спокойно вошел в Киев; народ и духовенство встретили его с крестами. Утвердившись таким образом по воле Андрея в Киеве, Роман заодно со Святославом Всеволодовичем Черниговским занялся войною с половцами, которые пришли опустошать русские владения по Роси и у Переяславля; война эта была непродолжительна и кончилась битвою у Лтавы, и молодой Новгород-Северский князь, двоюродный брат Святославов, Игорь Святославич, разбил половцев наголову, отбил у них русских пленников и с большою добычею возвратился в Киев. Но Андрею Боголюб-

скому вовсе не по сердцу были победы и успехи киевского князя и его союзников, ему нужны были смуты в Приднепровье; а посему он в то же время, как Роман весело торжествовал победу Игоря над половцами, прислал сказать ему и его братьям, чтобы выдали троих бояр, которых он подозревает в отравлении своего брата Глеба Юрьевича. И когда Ростиславичи, не находя бояр виновными, не исполнили требования, тогда Андрей вторично прислал сказать Роману: «Ты с братьями не исполняешь моей воли, иди вон из Киева, а братья твои, Давыд из Вышгорода и Мстислав из Белгорода, и ступайте в Смоленск и делитесь там, как хотите, в Киеве же будет княжить брат мой Михаил, князь Торческий». Всегда послушный и миролюбивый Роман беспрекословно оставил Киев и удалился в Смоленск; а Михаил, не выходя из Торческа, послал в Киев младшего своего брата Всеволода, который и сидел там пять недель.

Но Романовы братья Рюрик, Давыд и Мстислав не думали исполнять Андреева приказа и послали сказать ему: «Брат! Мы вправду нарекли тебя отцом себе, и крест целовали

тебе и стоим в крестном целовании, хотячи добра тебе; а ты ныне брата нашего Романа вывел из Киева, и нас гонишь из Русской земли без нашей вины; но за всем Бог и крестная сила». Андрей на это не отвечал ничего; и Ростиславичи, надеясь на Бога и на силу честного креста, ночью въехали в Киев, схватили Всеволода и его дружинников и посадили князем в Киеве брата своего Рюрика; потом двинулись к Торческу на Михаила, и принудили его отступиться от союза с Андреем, и заключить союз с ними, и за это дали ему Переяславль, и отпустили из плена младшего его брата Всеволода. Между тем Святослав Всеволодович Черниговский с братьями своими стал приглашать Андрея на Ростиславичей и сказал ему: «Кто тебе враг, тот и нам враг, а мы готовы стоять с тобой заодно». По этому зову Андрей послал сказать Ростиславичам: «Вы не ходите в моей воле, иди же ты Рюрик в Смоленск к брату своему в свою отчину, а ты Давыд иди в Берлад, в Русской земле я тебе не велю оставаться; ты же Мстислав, ты всему заводчик, не велю тебе жить в Русской земле». Мстислав, который, по словам

летописца, смолоду не привык бояться никого, кроме Бога, приказал остричь голову и бороду послу Андрееву и сказал ему: «Иди к князю своему и скажи: мы до сих пор имели тебя как отца по любви; но ежели ты прислал к нам с такими речьями, не как к князю, а как к подручнику и простому человеку, то делай, что замыслил, а Бог за всем». Получив такой ответ от Ростиславичей, Андрей побледнел от ярости, и немедленно послал собирать войска, и, собрав пятьдесят тысяч, отправил к Киеву под начальством своего сына Юрия и опытного воеводы Бориса Жидиславича, и на отпуске сказал им: «Рюрика и Давыда выгоните из их владений, а Мстислава поймайте и приведите ко мне». Юрий по отцовскому наказу пошел дорогою на Смоленские и Черниговские владения и, соединясь с тамошними князьями и их дружинами, переправился через Днепр, где к нему присоединились переяславцы и Михаил с Всеволодом, и все вместе пошли на Киев. Но Ростиславичи, не находя удобным защищать Киев, оставили его и пошли каждый в свой город, именно: Рюрик в Белгород, Мстислав вместе с своим и Давыдо-

вым полком в Вышгород, а Давыд пошел в Галич просить помощи у тамошнего князя Ярослава. Святослав Всеволодович Черниговский, как старший между князьями – союзниками Андрея, принял главное начальство над союзным войском и осадил Мстислава в Вышгороде; осада продолжалась целых девять недель. Святослав делал несколько приступов к городу, но постоянно терпел неудачу; воинственный Мстислав оборонял город мужественно и искусно. Наконец пришел на помощь к осаждающим Ярослав Изяславич Луцкий с волынскими полками; он просил, чтобы Ольговичи признали его старейшим и уступили ему Киев; и когда Ольговичи на это не согласились, то перешел на сторону Ростиславичей и от Вышгорода со всеми своими полками пошел к Белгороду на соединение с Рюриком Ростиславичем. Увидевши это, осаждающие так перепугались, что ночью же, не дождавшись света, бросились бежать через Днепр, и многие потонули; а Мстислав пустился за ними в погоню, отбил весь обоз и захватил множество пленников. Так постыдным бегством кончился поход многочислен-

ных полков Андрея и его союзников; и Ярослав Изяславич Луцкий, по договору с Ростиславичами, сделался князем Киевским.

Впрочем, Ярославу Изяславичу недолго пришлось княжить в Киеве: в тот же год напал на него изъездом Святослав Всеволодович Черниговский и принудил удалиться по-прежнему в Луцк; потом когда, по удалении Святослава в Чернигов, Ярослав снова занял Киев, то на него восстали Ростиславичи Смоленские, только в крайности уступившие ему Киев, и послали к Андрею Суздальскому просить, чтобы он посадил в Киеве старшего из них – Романа. Андрей на это отвечал: «Подождите немного, я послал к своим братьям, и какая от них будет весть, тогда дам вам ответ».

Но Андрею не суждено было дать обещанный ответ Ростиславичам: он в ночь на 29 июня 1175 года был убит в Боголюбове своими приближенными в собственной спальне. Летопись рассказывает об убиении Андрея следующим образом. Любимый Андреем слуга Яким Кучкович, родственник его по жене, управлявший всем княжеским домом, раз

услышавши от кого-то, что от князя вышло приказание казнить его брата, обратился к своему зятю Петру и княжьему ключнику Ясину Анбалу и стал говорить им: «Ныне князь казнил одного, а нас завтра, а промыслим о самом князе». Те приняли сторону Якима и составили в доме Петра, Кучкова зятя, заговор, к которому пристали всего 20 человек, и положили в следующую же ночь убить князя в его спальне. И как условились, так и сделали: ночью, накануне Петрова дня, они выломали двери у княжьей спальни; князь, пробужденный шумом, вскочил и стал искать своего меча, но меча уже не было, его спрятал ключник Анбал, а в это время двое заговорщиков бросились на князя. Князь одного из них подмял под себя и долго боролся с остальными, но, пораженный мечами, саблями и копьями, наконец пал. Заговорщики, считая его уже убитым, пошли вон из комнаты; Андрей же в беспмятстве бросился за ними и начал стонать; тогда они зажгли свечу, воротились назад и по кровавым следам нашли князя за восточным столбом и тут убили его окончательно, и Петр, Кучков зять, отсек ему

правую руку. Потом заговорщики пошли к княжьему любимцу Прокопию, убили его и, разграбивши драгоценности княжьей казны, положили на воза и еще до свету отправили по домам; а сами, надевши княжеское оружие, начали совокуплять себе дружину, на случай ежели придет на них дружина Владимирская; тело же князя выкинули в огород и хотели бросить на съедение собакам. Но княжий слуга киевлянин Кузмище отыскал его в огороде и понес в церковь, а когда церкви ему не отперли, то положил его в притворе, покрыв корзном, где оно и лежало два дня и две ночи. Наконец на третий день пришел козьмодемьянской игумен Арсений и приказал отпереть церковь, а вслед за тем собрались боголюбовские крылошане, внесли тело в церковь, положили в каменный гроб и вместе с игуменом Арсением отпели по церковному чину.

Между тем во все это время в Боголюбове продолжался мятеж, горожане разграбили княжеский дом и мастеров, приглашенных Андреем для разных строений и других дел; тот же мятеж и грабительство были и по во-

лости, грабили и избивали посадников, тиунов, мечников и других слуг княжеских, тоже происходило и во Владимире; и только уже на пятый день по убиении, когда протопоп Микулица с духовенством с образами и в ризах пошли по улицам унимать бунтовщиков, несколько улегся мятеж. Наконец в 6-й день владимирцы сказали игумену Феодулу и Луке, демественнику Св. Богородицы: «Нарядите носилицы, поедем и возьмем князя», а Микулице сказали: «Сбери всех попов и надевши ризы выходите пред серебряные ворота с Св. Богородицею и там ждите князя»; и сделали так Феодул и Микулица. И когда княжий стяг (знамя) стал выступать из Боголюбова, то, увидя его, народ не мог удержаться от слез, и все завопили и стали говорить: «Ужели в Киев поехал, господине, в ту церковь, в те золотые ворота, которые послал делать в той церкви на великом Ярославовом дворе, говоря: да будет память всему моему отечеству». И так плакал по Андрее весь город, и положили тело его во владимирской златоверхой церкви Св. Богородицы, им самим созданной.

После похорон Андрея, когда весть о его несчастной кончине разнеслась по всем Суздальским и Ростовским владениям, то ростовцы, суздальцы и переяславцы съехались во Владимир на думу, кого пригласить себе в князья, и по совету рязанских послов Дедильца и Бориса решили послать к рязанскому князю Глебу и просить у него себе в князья Мстислава и Ярополка Ростиславичей, братьев его жены и родных племянников покойного Андрея; и, порешивши так, утвердились между собою Св. Богородицею и послали сказать Глебу: «Твои шурья – наши князья, мы утвердились между собою и послали к тебе своих послов, а ты приставь к ним своих, и пусть идут за нашими князьями в Чернигов к Святославу Всеволодовичу». Глеб, довольный тем, что на него возлагают честь и хотят братьев его жены, сам целовал крест и Св. Богородицу и вместе с суздальскими послами отправил и своих послов. Посольство, пришедши в Чернигов, сказало Ярополку и Мстиславу: «Отец ваш был до нас добр, когда был у нас, а поезжайте к нам княжить, а иных не хотим». Ярополк и Мстислав сказали послам:

«Помози Бог дружине, что не забывают любовь отца нашего». И, подумавши между собою, объявили своим дядям Михаилу и Всеволоду, бывшим тогда в Чернигове: «Лихо ли, добро ли всем нам, поидем все четыре, Юрьевичи два и Ростиславичи два», и положили старейшинство на Михаила Юрьевича, и на том целовали крест из рук черниговского епископа; и попали наперед двое, Михаил Юрьевич и Ярополк Ростиславич, и пришли в Москву. Но договор и клятва князей друг с другом здесь еще не решали дела: ростовцы, старшая земщина в Суздальской земле, были недовольны таким условием князей и позвали Ярополка к себе, а Михаилу велели подождать в Москве. По этому зову Ярополк ушел в Переяславль, где к нему сошлась вся дружина, служившая Андрею, и земские полки; Михаил же, узнавши об отъезде Ярополка, пошел во Владимир. Ростовцы и вся старшая земщина по известию о занятии Владимира Михаилом двинулись туда со всеми силами и осадили город; осада продолжалась 7 недель и кончилась тем, что Михаил принужден был уехать в Приднепровье. А владимирцы, утвер-

дившись крестным целованием с Ростиславичами, приняли к себе Ярополка с радостью и посадили на столе в церкви Св. Богородицы; ибо бились они и защищали Михаила не против Ростиславичей, а только не хотели покориться ростовцам, которые называли владимирцев своими холопами и каменщиками и хвалились пожечь Владимир и посадить там посадника. Вслед за утверждением Ярополка во Владимире ростовцы посадили у себя князем Мстислава Ростиславича.

Но владимирцы, с радостью принявшие Ростиславичей, скоро увидели, что они не могут ужиться с ними; ибо Ростиславичи, слушая своих бояр, захватили золото и серебро, принадлежавшие церкви Пресвятой Богородицы, отобрали себе ключи от церковных полатей, а также села, города, и дани, и все, что покойный Андрей дал церкви; а дружина Ростиславичей, набранная преимущественно в Приднепровье, была также тяжела и ненавистна для владимирцев, как в свое время суздальцы, составлявшие дружину Юрия, были ненавидимы киевлянами. Выведенные из терпения владимирцы стали говорить между

собою: «Мы свою волю приняли князей и крест к ним целовали, а они поступают так, как будто бы это не их волость, или как бы не хотят сидеть у нас, грабят не только волость, но и церкви, а промышляйте братья». И стали промышлять владимирцы: они сперва послали к ростовцам и суздальцам, как к старшим, являя им свою обиду, но ростовцы и суздальцы за них не вступились; тогда они, утвердившись между собою крестным целованием, отправили посольство в Чернигов просить к себе в князя проживавших там Михаила и Всеволода Юрьевичей. Святослав Всеволодович Черниговский отпустил Юрьевичей и послал с ними в пособие сына своего Владимира с полком. Не доезжая 5 верст до Владимира, Михаил и Всеволод встретились с суздальскими полками под предводительством Мстислава Ростиславича и дали им битву, которая кончилась совершенным поражением Мстислава и суздальцев. Вследствие этой битвы Михаил с Всеволодом торжественно вступили во Владимир; Ярополк же бежал в Рязань, а Мстислав – в Новгород. Владимирцы, как и следовало, с радостью приняли Михаил-

ла и Всеволода, а вслед за тем и ростовцы и суздальцы прислали просить Михаила, чтобы он ехал к ним. Михаил, довольный покорностью, поехал сперва в Суздаль, а потом в Ростов, и там урядился с людьми как должно, утвердился с ними крестным целованием, и, посадив Всеволода в Переяславле, сам возвратился во Владимир. Потом Михаил и Всеволод отправились на Глеба Рязанского, требовать от него, чтобы он возвратил Владимирский образ Божией Матери и все богатства владимирские, вывезенные при Ростиславичах в Рязань. Глеб, узнавши об их походе, выслал к ним навстречу своих послов, которые сказали, что Глеб возвратит до золотника все захваченное его шурьями во Владимире; и действительно возвратил все, посему и заключен был мир. А Михаил, возвратившись во Владимир, вскоре умер, не прокняжив в Суздальской земле и двух лет.

Только что кончились междоусобия в земле Суздальской торжеством Михаила, как замутилось Приднепровье. Там в Киеве княжил Роман Ростиславич из Смоленских и был в мире и согласии со всеми своими соседями в

продолжение двух лет. Но в мае 1177 года половцы напали на Поросье и взяли шесть городов берендичей и подошли к Растовцу. Роман выслал против них своих братьев Рюрика и Давыда и сыновей своих Ярополка и Бориса, но Давыд, поссорившись с Рюриком, не притянул своих полков, и потому половцы разбили наголову Рюрика и сыновей Романовых. Пользуясь таким случаем, Святослав Всеволодович Черниговский послал сказать Роману: «Брат! Я не ищу под тобою ничего, но между нами есть договор: ежели окажется виноватым князь, то за это лишается волости, а ежели муж, то головы, а Давыд виноват». И когда Роман не наказал Давыда за его вину, то Святослав вместе с своими братьями двинулся к Киеву, при переходе через Днепр к нему присоединились и черные клобуки; и Роман, не надеясь отсидеться в Киеве, бежал в Белгород, Святослав же, приглашенный самими киевлянами, вступил в Киев. Но пришествие Мстислава Ростиславича с смоленскими полками на помощь к Роману принудило Святослава удалиться назад в Чернигов на соединение с половцами, за которыми он уже послал;

впрочем, Ростиславичи, не желая губить Русской земли, посоветовавшись между собою, уступили Киев Святославу, а Роман ушел в Смоленск.

По смерти Михаила в Суздальской земле опять начались междоусобия. Владимирцы, похоронивши Михаила, выбрали себе в князя брата его Всеволода и целовали крест ему и детям его; а ростовцы и бояре привели к себе из Новгорода прежнего своего князя Мстислава Ростиславича и с ним отправились против Всеволода на Владимир. Но Всеволод, не дожидаясь их прихода, сам с своею дружиною и владимирцами и что осталось при нем бояр быстро двинулся к Суздалю и оттуда послал сказать Мстиславу: «Ступай в свой Ростов, а я ворочусь во Владимир, Суздаль же будет нам общий, кого захотят суздальцы, тот и будет их князь». Но ростовцы и бояре наотрез сказали Мстиславу: «не мирись, а ежели ты дашь мир Всеволоду, то мы не дадим». После этого противники пошли друг на друга и дали битву на Юрьевском поле, которая кончилась совершенным поражением полков Мстислава, причем большая часть ростовцев и бояр попа-

лись в плен, а Мстислав сперва бежал в Новгород, но, непринятый там, ушел к зятю в Рязань. И таким образом Всеволод один сделался князем всей Суздальской земли.

Но разбитый Мстислав не думал еще отступить от Ростова, и поднял на Всеволода и владимирцев Глеба Рязанского, который той же осенью сжег Москву. Всеволод, узнавши об этом, сам повел свои полки на Рязань и, соединясь с присланными к нему от Святослава Всеволодовича Киевского Олегом и Владимиром Святославичами, дошел до Коломны. Между тем Глеб Рязанский с половцами другою дорогою прошел на Владимир и повоевал тамошние волости. Всеволод с своими союзниками, получивши об этом вести, повернул от Коломны назад и встретил Глеба и половцев с большим полоном на реке Колакше. Здесь обе рати остановились друг против друга и стояли целый месяц, не смея перейти реку. Наконец на Масленой неделе Всеволод успел вызвать противника на битву, которая была непродолжительна и кончилась совершенным поражением князя Рязанского, сам Глеб, сын его Роман, шурин Мстислав Ростис-

славич и вся дружина попались в плен, а половцы были избиты; и Всеволод с великою победою и пленниками вошел во Владимир, потом послал сказать рязанцам, чтобы они выдали ему Ярополка Ростиславича, грозя в противном случае войною. Рязанцы, не желая губить своей земли за чужого князя, отправили Ярополка во Владимир, где Всеволод вслед засадить его в поруб вместе с другими пленниками. В этом порубе скончался Глеб, несмотря на ходатайство Святослава Киевского; Романа же, сына Глебова, по ходатайству того же Святослава, Всеволод отпустил в Рязань, обязавши его наперед клятвою быть во всем послушным; а Ростиславичи Мстислав и Ярополк по требованию владимирцев были ослеплены и потом отпущены в Смоленск.

Ослепленные Мстислав и Ярополк Ростиславичи прозрели в Смоленске; и новгородцы, пораженные таким чудесным исцелением, приняли их себе в князья. Всеволод, недовольный таким принятием, начал войну с новгородцами, которая сначала была для него довольно счастлива; но когда новгородцы призвали к себе грозного воителя Мстислава

Ростиславича, того самого, который защищал Белгород против войск покойного Андрея Боголюбского, то Всеволод присмирел и на время отступился от Новгорода.

Но, оставив в покое новгородцев, Всеволод вмешался в дела рязанские, куда его пригласили младшие сыновья покойного Глеба, Владимир и Всеволод, недовольные старшим братом Романом. Поход Всеволода на Рязань был не продолжителен: Роман при первой же встрече потерпел поражение и бежал в степи; и князья рязанские отдались в полную волю Всеволода, он разделил между ими волости и приказал быть у него в послушании. Но этот поход рассорил Всеволода с киевским князем Святославом Всеволодовичем, постоянным его союзником, несколько раз помогавшим ему в войнах с Ростиславичами и ростовцами. Святослав, как тесть Романа Рязанского, послал к нему на помощь сына своего Глеба, а Всеволод взял его в плен и не хотел отпустить к отцу. Оскорбленный таким поступком, Святослав, соединясь с новгородцами и нанявши половцев, в 1181 году двинулся из Новгорода в землю Суздальскую и опустошил все города

по Волге. Всеволод с своею ратью и полками рязанскими встретил его в 40 верстах от Переяславля-Залесского на реке Елене и укрепился тут в неприступной местности; обе рати две недели стояли друг против друга, наконец Святослав, опасаясь оттепели, ибо дело было весною, воротился назад в Новгород, и тем кончился поход; вслед за тем Всеволод примирился с Святославом и отпустил из плена его сына Глеба.

По заключении мира с Святославом, Всеволод, спокойно владея всею суздальскою страною, в 1183 году предпринять большой поход в землю камских болгар, в котором по его приглашению приняли участие князья рязанские и муромские, и даже Святослав Киевский прислал своего сына Владимира; многочисленная рать перешла уже Черемисан и осадила Великий болгарский город; но смертельная рана, полученная при осаде любимым племянником Всеволода Изяславом Глебовичем, прекратила войну; и Всеволод, заключивши мир с болгарами, возвратился во Владимир.

В то время как Всеволод так удачно вел

свои дела на северо-востоке Руси, на юго-западе, в Приднепровье, Святослав Всеволодович княжил в Киеве и был в мире как с Всеволодом Суздальским, так и с своими ближайшими соседями Ростиславичами Смоленскими, но в 1180 году, рассорившись с Всеволодом из-за сына своего Глеба, он поссорился и с Ростиславичами. Не успевши изменнически схватить на охоте Давыда Вышгородского и выгнать Рюрика из Белгорода, как было задумал с своими приближенными, Святослав бежал за Днепр в землю Черниговскую, там созвавши своих братьев и племянников, на общей думе составил план войны с Всеволодом и Ростиславичами; и по этому плану все порешили Ярославу Всеволодовичу, Святославу родному брату, и Игорю Святославичу Новгород-Северскому оставаться в Чернигове и стеречь все владения свои и своих братьев, а Святославу с остальными князьями и с половцами, соединясь с новгородцами, идти на Всеволода Суздальского. И Святослав, как мы уже видели, пошел на Всеволода, а в его отсутствие Игорь Святославич, пригласивши половцев, ворвался в Смоленские владения и,

соединившись там с некоторыми полотскими князьями, осадил Друцк, где засел Давыд Ростиславич; осада эта продолжалась уже целую неделю, и Давыд хотел было дать битву Игорю, как Святослав, возвращаясь из суздальского похода, тоже подступил к Друцку. Давыд, узнавши об этом, ночью бежал в Смоленск; и Святослав, сожегши Друцк, двинулся выживать Рюрика, занявшего Киев во время его отсутствия; Рюрик, узнавши о походе Святославовом, бежал из Киева в Белгород; Святослав же снова занял Киев и заключил мир с Рюриком, по которому миру город Киев и старейшинство достались Святославу, а прочие города киевского княжения Рюрику.

После этого мира Святослав уже постоянно жил в союзе и любви с Рюриком и все делал с ним сообща, и оба князя, заодно управляя Приднепровьем, начали сильную борьбу с половцами, сими постоянными врагами Приднепровской Руси. Летом 1184 года Рюрик и Святослав, собравши всех приднепровских князей и даже получивши помощь от Ярослава Галицкого, открыли поход в половецкие степи. Они перебрались через Днепр на Ин-

жирь-броде и оттуда пять дней шли степями, отыскивая половцев, и наконец встретились с ними на берегах Орели, где и учинили бой. Половцы, предводительствуемые своим знаменитым князем Кобяком, были разбиты наголову, и русские, преследуя их, взяли 7000 пленников, и в том числе 14 князей и между ними и самого знаменитого Кобяка. В это же время Игорь Святославич с братом и племянником, не участвовавшие в Святославом походе, напали на половцев с другой стороны и разбили их вежи на реке Мерле. Но победы сии не смирили половцев: другой их знаменитый князь, Кончак, на следующий же год пустился мстить за поражение Кобяка; он собрал большие полки, и пригласив с собою какого-то Бесерменина, хитреца, стрелявшего живым огнем, явился на реке Хороле; но Святослав и Рюрик не дали ему идти далее, сами с своими союзниками пришли на Хорол, и при первой же встрече обратили половцев в бегство, и на погони многих убили и многих взяли в плен, и между прочими и того хитреца Бесерменина, который стрелял живым огнем. В этом походе по-прежнему не участво-

вал Игорь Святославич Новгород-Северский: он узнал об нем очень поздно и нигде уже не мог нагнать полков Святослава; посему он в том же году предпринял отдельный поход в половецкие степи, он поднялся из Новгорода-Северского с своими соседями, с родным братом Всеволодом Трубчевским, с племянником Святославом Ольговичем Рыльским и с сыном Владимиром Путивльским, к ним прислал помощь и Ярослав Черниговский. Они пошли дорогою на Донец к Осколу и Сальнице и дошли до реки Сюурлия, где уже стояли половцы, готовые к битве, отославши свои вежи назад. Игорь разделил свою рать на шесть полков и бросился в битву; половцы не выдержали натиска и побежали, русские погнались за ними и, на погоне многих побивши и захвативши в плен, заняли половецкие вежи и три дня стояли там, деля богатую добычу. Между тем половцы собрались со всех степей, и когда русские снялись с становищ и пошли вперед, то они охватили их, как необозримым лесом, своими полками, и началась страшная сеча. Русские рубились день и ночь, и к утру другого дня все легли костями, только пятна-

дцати воинам удалось как-то пробиться и прийти домой; Игорь же и другие три князя, израненные, достались в плен половцам.

Весть о плене Игоря и истреблении его полков страшно смутила Приднепровье. Святослав Всеволодович, шедший в это время из Карачева, поспешил прикрыть как-нибудь города по Семи и поодаль, послав туда сыновей своих Олега и Владимира, а к Давыду Смоленскому отправил гонцов, чтобы шел стеречь Русскую землю, и Давыд с своими союзниками явился у Треполя, а Ярослав Черниговский стал своими полками у Чернигова. Половцы же, думая воспользоваться победою над Игорем, с двух сторон пустились к Приднепровью; одних повел князь Кза к берегам Семи, а другие с Кончаком осадили Переяславль. Переяславский князь Владимир Глебович вышел из города и дал битву Кончаку; но, израненный, принужден был воротиться в город и послал сказать Святославу, чтобы шел на выручку. Святослав и Рюрик отправились Днепром к Переяславлю; половцы же, услышавши об их походе, поспешили отступить от Переяславля, но зато взяли Римов и, страшно опу-

стошивши окрестную страну, воротились в свои степи. Но с другой стороны, распоряжения, сделанные Святославом по Семи, не пропустили половцев далее Путивля, и их предводитель князь Кза, простоявши несколько времени под Путивлем и пожегши окрестные села, принужден был воротиться в свои степи, не взявши ни одного города. Впрочем, сим набегом Кончала и Кзы не кончились войны с половцами. Русские князья в Приднепровье, пользуясь согласием между собою, в продолжение восьми лет, до самой кончины Святослава Всеволодовича, предпринимали еще семь походов в половецкие степи. Походы сии, конечно, не прекращали частных набегов половецких разбойников в пограничные русские владения; но набегии сии давно уже вошли в обычай и немного беспокоили пограничное русское население; русские и сами не оставались в долгу перед половцами и постоянно грабили их ближайшие кочевья.

Между тем на крайнем юго-западе Руси, в Галиче, смерть тамошнего князя Ярослава Владимировича подала повод к важным переломкам в том краю и втянула в них не

только приднепровских князей, но даже и Всеволода Суздальского. Ярослав Владимирович, этот могущественный и умный князь, получивши от современников прозвание Осмомысла, перед смертью разделил Галицкие владения между своими сыновьями — Владимиром от законной жены, сестры Всеволода Суздальского, и Олегом от наложницы; и последнему, особенно любимому, отдал почти все свои владения, а первому, как непокорному его воле, дал только один Перемышль и для большого укрепления такового распоряжения привел к присяге как сыновей своих, так и галичан. Но присяга здесь несколько не помогла: вслед за смертью Ярослава галичане приняли сторону Владимира и провозгласили его своим князем, а Олега принудили бежать. Впрочем, избранник галичан, Владимир, скоро оказался плохим князем, охотником до пьянства и невнимательным к управлению. Этим воспользовался соседний Галичу владетель Роман Мстиславич Волынский, тот самый, который удачно защищал Новгород от войск Андрея Боголюбского; он вошел в тайные сношения с недовольными

галичанами, и по его научению партия недовольных собрала войско, восстала на Владимира и принудила его бежать в Венгрию, а Романа провозгласила галицким князем.

Бегство Владимира Ярославича в Венгрию подало повод венгерскому королю Андрею вмешаться в галицкие дела; он, под предлогом защиты несчастного Владимира, быстро двинулся в Галицкие владения и, принудив Романа к бегству, занял Галич и оставил там своего сына Андрея, а Владимира увез опять в Венгрию и засадил в башню. Галичане, недовольные таким обманом короля, стали сноситься с Романом; но они действовали не дружно, многие из них крепко держались венгров, и потому попытка Романа опять завладеть Галичем была неуспешна. Тем не менее партия галичан, недовольная венграми, продолжала тайно сноситься с русскими князьями и вздумала пригласить в себе потомка старых галицких князей, проживавшего в Смоленске безземельного князя Ростислава, сына Ивана Берладника; но эта затея еще меньше имела успеха, чем попытка Романа, — король венгерский, вовремя предуведомлен-

ный о ней своими приверженцами, прислал к сыну новые полки, и Ростислав, разбитый и израненный, умер в плену. Впрочем, этот успех против слабого противника сильно повредил венграм; они вздумали мстить галичанам за приглашение Ростислава и стали делать страшные насилия, отнимать жен и дочерей, ставить лошадей по церквам и подобное и тем сильно раздражили галичан, и партия недовольных венгерскими порядками быстро стала увеличиваться. А между тем Владимир Ярославич успел убежать из Венгрии и с помощью поляков двинулся к Галичу. Галичане, получивши весть о походе Владимира, поднялись на венгров и принудили королевича бежать, а сами, выходя из городов, везде с радостью встречали Владимира как своего природного князя. Владимир, вступивши с торжеством в Галич, немедленно отправил посольство к своему дяде по матери Всеволоду Суздальскому с просьбою, чтобы он принял его под свое покровительство. Всеволод, по этой просьбе, отправил своих послов к русским князьям и польскому королю с требованием, чтобы они не искали Галича под

его племянником, и взял с них в этом клятву. И таким образом Владимир утвердился в Галиче и, вразумленный несчастиями, княжил там спокойно до своей кончины, последовавшей в 1198 году. Между тем Всеволод Суздальский после болгарского похода, бывшего в 1183 году, три года жил спокойно, потом вмешался в дела рязанские. В Рязани старшие братья Роман, Игорь и Владимир Глебовичи вздумали отнять волости у своих меньших братьев Всеволода и Святослава Глебовичей, князей пронских, и, чтобы легче обделать такое дело, сговорились изменнически схватить их. Но Всеволод и Святослав, проведав об их замысле, стали укреплять Пронск и послали за помощью к Всеволоду Суздальскому, который отправил к ним 300 человек владимирской дружины и велел своим полкам и князьям муромским с их дружинами собраться на Коломне. Противники Всеволода и Святослава Глебовичей, осадившие Пронск, услышавши о сборе войск на Коломне, бросили осаду и обратились в бегство, а вслед за тем и войска, собравшиеся на Коломне, разошлись по домам, и сам Всеволод Глебович, оставив

брата в Пронске, отправился во Владимир для совещания с Всеволодом Юрьевичем. Тогда Роман, Игорь и Владимир Глебовичи опять осадили Пронск и принудили Святослава примириться с ними на том, чтобы он отступился от своего брата Всеволода и выдал им владимирскую дружину. Узнавши об этом, Всеволод Глебович засел в Коломне и начал воевать с своими братьями-врагами; а Всеволод Суздальский послал требовать возвращения владимирской дружины, грозя в противном случае войною. Эта гроза так сильно подействовала на Глебовичей, что они отправили посольство к Всеволоду Суздальскому с такими речами: «Ты наш отец, ты господин, ты брат; где твоя обида будет, мы прежде тебя головы свои сложим за тебя; а ныне не гневайся на нас, что мы воевали на своего брата, за то что он нас не слушает, а мужей твоих возвращаем». Всеволод вступил с ними в переговоры, но не думал давать мира, потом вдруг двинулся на Рязанские владения, и, пожегши и опустошивши тамошнюю землю, возвратился во Владимир со множеством пленников, и затем уже примирился с рязанскими

князьями на том, чтобы они ходили в его воле и не ссорились друг с другом.

Смерть Святослава Всеволодовича Киевского, последовавшая в 1194 году, страшно перемутила всю Приднепровскую Русь и дала Всеволоду Суздальскому повод распоряжаться тамошними князьями. Хотя Святослав еще при жизни своей пригласил к себе Рюрика, чтобы передать ему Киев, и хотя киевляне и все Приднепровье приняли Рюрика с радостью; но Рюрик не имел той опытной мудрости, которою обладал Святослав, он не знал, где и кому нужно уступить и где быть твердым и непреклонным, он даже не догадался уведомить Всеволода Суздальского, что сделан киевским князем. Всеволод, оскорбленный таким невниманием, послал сказать Рюрику и его брату Давыду Смоленскому: «Вы нарекли меня в своем племени во Владимировом старейшим; а ныне сел ты в Киеве, а мне не дал и части в Русской земле, но роздал волости иным братьям младшим; а ежели мне нет части в Русской земле, то ты, а то Киев и Русская область, а кому в ней дал часть, с тем и блюди и стереги ее; а я посмотрю, как

ты ее удержишь с ним, а мне до нее дела нет». Рюрик, испуганный такою речью своего свата Всеволода и услышавши еще от его послов, что Всеволоду не нравится, зачем он дал лучшую волость зятю своему Роману, начал думать с своими мужами, как бы удовлетворить Всеволода, который просит именно тех волостей, которые уже отданы Роману за крестным целованием; ему никак не хотелось идти против клятвы, данной Роману, наконец, убежденный митрополитом Никифором, он послал сказать Роману о требованиях Всеволода, и Роман беспрекословно согласился уступить требуемые волости, только бы Рюрику из-за него не ссориться с князем Суздальским. Но Всеволоду нужны были смуты в Приднепровье, а не Романова волость; он лучшую часть ее, вслед за получением, отдал зятю своему, Рюрикову сыну Ростиславу, и тем достиг того, чего хотел. Роман, думая, что волость у него отнята обманом, чтобы передать ее Рюрикову сыну, рассорился с своим тестем Рюриком, стал ссылаться с Ярославом Всеволодовичем Черниговским, подымая его на своего тестя, и заключил с ним союз. Рю-

рик, узнавши об этом, послал весть к Всеволоду Суздальскому с просьбою, чтобы он заступился за него и позаботился о Русской земле и своей чести, а к Роману отправил назад крестные грамоты. Роман, получивши крестные грамоты, ушел в Польшу, думая получить помощь от тамошних князей; но у польских князей были свои междоусобия, в которые должен был вмешаться и Роман, чтобы получить помощь, и, разбитый там в одной битве и израненный, принужден был воротиться в свой Владимир-Волынский и молить Рюрика о мире. Рюрик по убеждению митрополита Никифора не замедлил примириться с Романом и даже наделил его волостями, имея в виду войну с Ярославом Всеволодовичем Черниговским и со всем Ольговым племенем за союз с Романом.

Готовясь к этой войне, Рюрик снова обратился к Всеволоду Суздальскому и своему брату Давыду Смоленскому и, конечно рассчитывая на сильную и деятельную помощь Всеволода, послал сказать Ярославу Черниговскому и всем Ольговичам: «Целуй к нам крест со всею своею братиею, чтобы вам не искать от-

чины нашей Киева и Смоленска, ни под нами, ни под нашими детьми, ни подо всем племенем Владимировым, как нас разделил дед наш Ярослав». Ольговичи с ответом на такую гордую речь обратились не к Рюрику, а к Всеволоду Суздальскому и послали сказать ему: «Ты обязал нас блюсти Киев под тобою и под твоим сватом Рюриком, и мы соблюдаем это обязательство; но ежели ты требуешь, чтобы мы навсегда отказались от Киева, то мы не венгры и не поляки, а одного деда внуки, при вашей жизни не ищем, а после вас кому Бог даст». В ответ на речь Ольговичей Всеволод приказал собирать полки, думая на зиму идти в Приднепровье; но Ольговичи заявлением своей покорности и повиновения успели остановить его, впрочем, не условились еще о мире; потом обратились к Рюрику и уговорили его не воевать до тех пор, пока они уговорятся или не уговорятся о мире с Всеволодом. Рюрик согласился на это, целовал к ним крест и, распустив свою дружину, союзников и наемных половцев, уехал в Овруч. Пользуясь такою оплошностью своих противников, Ольговичи, соединясь с князьями полотскими, по-

шли на смоленского князя Давыда Ростиславича и при первой же встрече разбили и взяли в плен его племянника Мстислава Романовича; после этой победы Ярослав Черниговский сам уже двинулся к Смоленску, но, услышавши, что Рюрик грозит идти на Чернигов, воротился назад. Но Рюрик прежде похода на Чернигов послал к Всеволоду Суздальскому с просьбою, чтобы немедленно садился на коня и ехал на Ольговичей; Всеволод на это отвечал ему: «Ты начинай, а я буду готов». По этому ответу Рюрик собрал своих братьев и, нанявши диких половцев, начал воевать Черниговские волости, что и продолжалась целое лето до осени, а от Всеволода не было и вести о походе. Между тем Ярослав Черниговский стал засылать своих послов к Рюрику, обещая отдать без выкупа пленного Мстислава Романовича, только бы он отступился от союза с Всеволодом. И когда Рюрик не согласился на это условие, то Ярослав заключил союз с Романом Волынским, и тот по этому союзу начал воевать в Киевских и Смоленских владениях. Наконец двинулся и Всеволод Суздальский и, соединясь с Давыдом Смоленским, на-

чал жечь и опустошать волости черниговских князей в земле вятичей. Тогда Ярослав, собравши на общую думу всех своих родственников, распорядился так: двух Святославичей, Олега и Глеба, посадил в Чернигове отбиваться от Рюрика, а сам, совокупясь с остальными князьями своего племени и пригласив диких половцев, двинулся на Всеволода и Давыда и, осекшись лесом и разметав мосты по всем рекам впереди себя, послал сказать Всеволоду: «Вот ты брат и сват побрал наш хлеб и нашу отчину; но ежели хочешь иметь с нами ряд правый и любовь, то мы от любви не бегаем и готовы быть в твоей воле; а ежели ты что умыслил против нас, то мы и от того не бегаем, а как тебя с нами Бог рассудит и Св. Спас». Всеволод объявил об этом Давыду и рязанским князьям – своим союзниками, говоря, что он хочет мириться с Ольговичами; Давыд и рязанские князья на это отвечали, что нужно идти к Чернигову и там уже, соединясь с Рюриком, дать сообща мир Ольговичам на всей своей воле. Но Всеволод, видя, что Ярослав хорошо укрепился и что до Чернигова дойти нелегко, стал ссылаться с Ольго-

вичами и договариваться с ними, предлагая им условия, чтобы они освободили Мстислава Ростиславича из плена, выгнали из своей земли его племянника Ярополка Ростиславича и отступились от Романа Волынского. Ольговичи согласились на все, кроме последнего условия; тогда Всеволод отказался от последнего условия и заключил с ними мир на том, чтобы им не искать ни Киева под Рюриком, ни Смоленска под Давыдом, и на том целовали друг другу крест. Рюрик, как и следовало ожидать, был крайне недоволен таким миром; но, не имея союзников, не мог ничего предпринять, и высказал свое неудовольствие только тем, что отнял у Всеволода города, данные ему в Приднепровье; а Всеволод не думал и гнаться за ними, довольный тем, что унизил киевского князя и отнял у него союзников, князей черниговских.

На другой год после замирения Всеволода Суздальского с Ольговичами (1197 год) скончался верный союзник Рюриков – родной его брат Давыд Смоленский, а еще через год Рюрик лишился другого верного союзника – Владимира Галицкого, в том же году скончался

Ярослав Черниговский, и его место между тамошними князьями занял Игорь Святославич Новгород-Северский. Смерть Владимира Галицкого послужила поводом к страшным междоусобиям на Руси. После Владимира не осталось детей; и Роман Мстиславич Волынский, ближайший сосед к Галичу, вздумал воспользоваться сим случаем. Он при помощи Лешка, князя Польского, взял Галич силою и утвердился там, истребив беспощадно знаменитейших тамошних бояр, которых знал за своих противников и недоброжелателей. Утвердившись таким образом в Галиче, Роман стал теснить своего тестя Рюрика Киевского и опустошать его пограничные города. Рюрик, чтобы за один раз отделаться от неукротимого врага, соединился с Ольговичами Черниговскими, чтобы идти на Галич; но прежде нежели Рюрик успел собраться, Роман проведал о его замыслах, и заключил союз с Всеволодом Суздальским, и, тайно сговорившись с черными клобуками и другими жителями киевских городов, сам с галичанами, волынцами и черными клобуками вступил в Киевские владения, и, встречаемый жи-

телями тамошних городов с радостью и любовью, быстро подошел к Киеву; киевляне, бывшие с ним в тайных сношениях, немедленно отворили ему ворота в Копыреве конце и впустили в подольный город; откуда Роман послал сказать Рюрику и его союзникам Ольговичам, укрепившимся на горе, чтобы они немедленно очистили город. Рюрик и Ольговичи, пораженные общею изменою и видя сильные полки Романовы, спешили заключить с ним мир на всей его воле и обещались быть у него в послушании. По этому миру Роман свободно отпустил Ольговичей в Черниговскую землю, Рюрика послал в Овруч, а в Киеве посадил своего двоюродного брата Ингваря Ярославича, сам же возвратился в Галич. Это было в 1202 году, и в том же году Роман, по союзу с греческим императором Алексеем Комнином, на зиму ходил на придунайских половцев, страшно разгромил их вежи и с множеством пленников и богатою добычею воротился домой.

Но Рюрик не думал еще отступить от Киева и на другой год, заключив новый союз с Ольговичами и нанявши половцев, нечаянно

напал на Киев, взял его приступом и отдал на разграбление половцам, которые не только сожгли Подол, но и верхний город, и митрополичью церковь Св. Софии и Десятинную церковь, разграбили все монастыри, множество иссекли мирных граждан и множество отвели в плен; так что Киев, по словам летописи, прежде никогда не подвергался такому разорению и посрамлению. Отомстивши киевлянам за их нелюбовь к нему, Рюрик удалился в свой Овруч. Роман же, как скоро услышал об этом, явился с войском под Овручем и стал требовать, чтобы Рюрик отказался от союза с Ольговичами. Запуганный Рюрик немедленно исполнил это требование и целовал крест Роману и Всеволоду Суздальскому; потом Роман сказал ему: «Пошли ты своего мужа к свату своему, а я пошлю своего мужа к отцу и господину Великому князю Всеволоду; ты моли его и я молю, чтобы он отдал тебе Киев». И Всеволод по прошению Романа отдал Киев Рюрику. А через год и Ольговичи целовали крест Роману и Всеволоду и отступились от Рюрика.

Умиривши таким образом всю Придне-

провскую Русь, Роман поднял всех тамошних князей на половцев. Поход этот был довольно счастлив для русских князей, они жестоко отомстили половцам за недавнее разорение Киева, воротились домой с большим полоном и богатою добычею. Но поход сей тем не кончился: возвращаясь домой, князья зашли в Переяславль к Всеволодову сыну Ярославу, и оттуда сошлись в Треполь, и там на общей думе сделали расчет в волостях, смотря по тому, сколько кто терпел за Русскую землю; и по этому расчету Роман схватил Рюрика, как водившего половцев на Русскую землю, и велел постричь в монахи как его самого, так жену его и дочь, свою прежнюю жену, а сыновей его Владимира и Ростислава увез с собою в Галич. Впрочем, по ходатайству Всеволода Суздальского сыновья Рюрика скоро были отпущены и старшему из них, Всеволодову зятю Ростиславу, отдан Киев. Управившись с Рюриком, как ему хотелось, и сделавшись сильнейшим и знаменитейшим князем в Приднепровье, Роман Мстиславич пустился в Польшу искать себе волостей в тамошнем краю и там был убит в сражении под Завихвостом (1205

год). О Романе в наших летописях осталась память как о князе великого ума, самой неутомимой деятельности и воинской храбрости; по словам летописей, Роман стремился на поганых, как лев, сердит был, как рысь, и губил их, как крокодил, летал по их земле, как орел, и храбр был, как тур; он ревновал к деду своему Мономаху, губившему половцев, а также страшен был для ятвягов и литвы.

Смерть Романа развязала руки его врагам, и вся Юго-Западная Русь снова замутилась, и в это время смут особенно возвысился черниговский князь Всеволод Чермный, сын покойного Святослава Всеволодовича. Рюрик, услышавши о смерти Романа, оставил монастырь, объявил себя князем Киевским, нанял половцев и пошел к Галичу, где под опекою матери сидели малолетние дети Романа, Даниил 4 лет и Василько 2 лет. Галицкие и волынские бояре вышли с войском к Микулину и дали Рюрику битву на реке Серете, которая продолжалась целый день и кончилась тем, что галицкие и волынские полки принуждены были отступить. Это отступление открыло Рюрику дорогу к Галичу; но там его встретили

многочисленные полки венгров, присланные королем на помощь к Романовичам, и он принужден был воротиться в Киев. Видя невозможность одному добыть Галич, Рюрик стал ссылаться с Ольговичами Черниговскими, Ольговичи по засылкам Рюрика назначили общий съезд приднепровских князей в Чернигове, и на этом съезде порешили, пригласив половцев, всем идти на Галич. Этот новый поход для Рюрика был неудачнее прежнего. Галичане, выпроводивши Романовичей в Волынь, пригласили к себе из Ольговичей Владимира и Романа Игоревичей, князей новгород-северских; и Ольговичи, довольные таким предпочтением галичан к своему племени, естественно, и не подумали о Рюрике; мало этого, старший из Ольговичей Всеволод Чермный, князь Черниговский, на возвратном пути, пришедши в Киев с своими союзниками, объявил себя киевским князем и посажал своих союзников по киевским городам. Рюрик же, видя свою слабость, удалился в Овруч, и хотя по удалении союзников Всеволодовых, при помощи своих сыновей и племянников, успел выгнать Всеволода, но не на-

долго; на весну Всеволод опять явился под Киевом и, соединясь с Владимиром Игоревичем Галицким, не только выгнал Рюрика из Киева, но и все Приднепровье очистил от Ростиславичей Смоленских и таким образом утвердился в Киеве.

Всеволод Юрьевич Суздальский после похода на Ярослава Всеволодовича Черниговского, в 1196 году, с лишком десять лет сидевший спокойно в своем Суздальском краю и только издали смотревший на междоусобия в Приднепровье, частью им же возбужденные, и пользовавшийся выгодами от сих междоусобий, как скоро узнал, что Ольговичи утвердились в Галиче и Киеве и сделались господствующим княжеским домом в том краю, то сказал: «Ужели Русская земля отчина им одним, а нам не отчина?» – и начал готовиться к походу на Чернигов. Он, пользуясь своим влиянием на Новгород, Рязань и Муром, поднял на Чернигов всю землю Суздальскую, Новгородскую, Рязанскую и Муромскую и двинулся в поход; но едва дошел до Москвы, как получил весть, что князья рязанские согласились с Ольговичами и идут к нему за-

тем, чтобы при удобном случае изменить. Получивши такую весть, Всеволод вышел из Москвы и стал шатрами на Оке, куда к нему явились как союзники и рязанские князья с своими полками; Всеволод принял их ласково и велел сесть в особом шатре, а сам сел в особом и начал обличать их. Рязанские князья долго не сознавались, наконец были обличены своими же братьями Глебом и Олегом Владимировичами. Всеволод Юрьевич, убедившись таким образом в истине обвинения, велел схватить их с их думцами и отвести во Владимир, а сам перешел Оку, вступил в их землю и подошел к Пронску, жители Пронска три недели отбивались от полков Всеволода, наконец, томимые жаждою, сдались. Взятие Пронска сильно смутило рязанцев, и они прислали к Всеволоду с мольбою, чтобы он не ходил к их городу, и отдались на всю его волю. Всеволод, довольный их покорностью, отступил к Коломне и оттуда возвратился во Владимир, а вслед за тем рязанцы, по решению своего вече, отослали в Владимир и остальных своих князей и с княгинями. Таким образом, поход на Чернигов кончился походом на

Рязань; но тем не менее завоевание Рязани Всеволодом Суздальским помогло Рюрику отнять Киев у Всеволода Чермного; но, разумеется, сим дело не кончилось, Ольговичи продолжали искать Киева. Между тем Всеволод, по привезении рязанских князей во Владимир, отправил в Рязань своего сына Ярослава на княжение. Рязанцы приняли Ярослава покорно и целовали крест Всеволоду; но, как и должно было ожидать, князь, приехавший из Суздальской земли, не мог угодить рязанцам, и они стали ловить его дружинников, ковать в цепи и сажать в погреба. Всеволод, услышавши об этом, немедленно двинулся с войском в Рязанскую землю, сжег Рязань и Белгород, а рязанцев с их епископом Арсением отвел пленниками во Владимир.

Но среди успехов Всеволод вдруг получил весть, что Мстислав Удалый, князь Торопецкий, сын того знаменитого Мстислава, который остриг Андреева посла в Белгороде, по тайному приглашению новгородцев занял Торжок и оттуда вступил в Новгород, где между тем народ засадил своего князя Святослава Всеволодовича под стражу и приготовился к

войне. Получив такую весть, Всеволод отправил на Новгород своих сыновей с войсками; но те ничего не могли сделать против Мстислава и новгородцев и воротились назад. Поэтому Всеволод поспешил заключить мир с Мстиславом и новгородцами, по которому миру новгородцы отпустили к нему сына его Святослава, содержавшегося у них под стражею, а он освободил новгородских купцов, задержанных в Суздале. Вслед за миром с новгородцами Всеволод нашел нужным заключить мир и с Ольговичами, которые для этого прислали к нему митрополита Матвея; по условиям сего мира Рюрик принужден был уступить Киев Всеволоду Чермному, а Ольговичи за это дали ему Чернигов. Для большего утверждения мира с Ольговичами Всеволод Суздальский женил своего сына Юрия на дочери Всеволода Чермного. Наконец в 1212 году Всеволод Суздальский, после 37-летнего управления Суздальским краем, скончался. Летопись, извещая о кончине его, говорит: «Его имени трепетали все страны, и по всей земли шла слава о нем, и все зломыслы Бог дал под руку его; ибо он имел присно страх Божий в сердце».

своим, подавал требующим милостыню, творил суд истинен, не обвинуяся лица сильных своих бояр, обидящих меньших, и работающих сироты и насилье творящих».

Между тем Владимир и Роман Игоревичи Новгород-Северские, приглашенные галичанами в 1206 году, три года княжили спокойно, Владимир в Галиче, а Роман в Звенигороде; но в 1209 году Владимир поднялся на Романа и заставил его бежать из Звенигорода. Роман ушел в Венгрию, и началось междоусобие, в котором венгры приняли сильное участие и при помощи венгерской партии между галицкими боярами завладели Галичем; но управление венгерского воеводы Венедикта своею жестокостью и безнравственностью произвело то, что галичане, выведенные из терпения, снесли с изгнанными своими князьями Владимиром и Романом Игоревичами и при их помощи выгнали Венедикта с венграми; и Игоревичи опять сделались князьями галицкими: Владимир в Галиче, Роман в Звенигороде, Святослав, брат их, в Перемышле и Владимиров сын в Теробовле. Но Игоревичи на этот раз не прокняжили и года в Галицких

владениях: они, чтобы княжить спокойнее, начали, подобно покойному Роману Волынскому, избивать ненадежных галицких бояр и, как сказывают, избили до 500 человек. Бояре, встревоженные таким избиением, обратились к венгерскому королю и просили его дать им в князя проживавшего в Венгрии сына покойного Романа, десятилетнего Даниила. Король дал им Даниила и с ним отпустил своего воеводу со множеством войска; Игоревичи крепко защищали свои Галицкие владения, и каждый город, где они сидели, нужно было брать самым упорным боем; но к венграм и Даниилу пришли на помощь войска из Польши и Волыни, и посему город за городом были отняты у Игоревичей, и притом трое из Игоревичей, и в числе их сам Владимир, попались в плен. Галичане провозгласили своим князем десятилетнего Даниила под опекою галицких бояр, а троих Игоревичей, бывших в плену, повесили. Вслед за сыном явилась и мать Даниилова в Галиче, чтобы принять участие в правлении; но бояре ее выгнали, и опять началось междоусобие, в котором принял участие и венгерский король по

просьбе Данииловой матери. Междоусобие это кончилось тем, что Даниил был выгнан и в Галиче вокняжился боярин Владислав. Тогда Андрей, король венгерский, и Лешко Польский в 1213 году общими силами пошли на Владислава и, победивши его, разделили между собою Галицкие владения; венгерский король посадил в Галиче сына своего Коломана, женивши его на Лешковой сестре, а Лешко получил Перемышль и Любачев и, заботясь о детях покойного Романа, успел утвердить Владимиро-Волынское княжение за старшим из них Даниилом.

В Суздальской земле по смерти Всеволода, так же как и прежде по смерти Андрея, начались междоусобия. Всеволод за четыре года до своей смерти вызвал старшего сына Константина из Новгорода и дал ему Ростов, потом незадолго до смерти хотел объявить его своим наследником, но с тем, чтобы он отдал Ростов меньшому брату Юрию; Константин на это не согласился, и тогда Всеволод объявил своим главным наследником Юрия. Константин, живший мирно при жизни отца, по смерти его стал замышлять, как бы отнять

Владимир у брата, и для того заключил союз с своими братьями Святославом и Владимиром; а Юрий заключил союз против Константина с братом своим Ярославом Переяславским и пришел с ним на Ростов; Константин встретил их на реке Ишне и так хорошо укрепил эту реку, что противники его не могли перейти ее и, простояв четыре недели заключили мир и разошлись по домам. Юрий, воротившись во Владимир, поспешил заключить союз с пленниками отца своего – князьями рязанскими и, одарив их золотом, серебром и конями, отпустил в Рязань. На следующий год Константин отнял у Юрия Соль, Галич и сжег Кострому, а у Ярослава – Нерехту. В ответ на это Юрий и Ярослав собрали свои полки, пригласили своего союзника Давыда Муромского и снова пошли к Ростову; они по-прежнему остановились за рекою Ишнею, – стали жечь ростовские села и, не вступая в битву, принудили Константина к миру, по которому он не только отступился от союза с Владимиром, уже успевшим отнять у Юрия Москву, но и дал часть своего полка, чтобы выгнать Владимира из Москвы. С этой помощью и с своими

и Ярославовыми полками Юрий выгнал Владимира из Москвы и принудил его идти на княжение в Приднепровский Переяславль.

В это время в Приднепровье также происходили междоусобия. В один год с Всеволодом Суздальским умер Рюрик Ростиславич, княживший в Чернигове; и Всеволод Святославич Чермный погнал из Приднепровья всех внуков Ростислава Смоленского. Он сказал им: «Как мне с вами жить в мире и любви: по вашим проискам в Галиче повесили братьев моих Игоревичей; нет вам части в Русской земле». Внуки Ростислава в ответ на такую речь послали сказать своему двоюродному брату Мстиславу Мстиславичу Торопецкому, княжившему тогда в Новгороде: «Всеволод не дает нам части в Русской земле, приходи, поищем своей отчины». Мстислав по такому зову двинулся со своими войсками из Новгорода и, соединясь в Смоленске с своими двоюродными братьями, начал опустошать Черниговские владения по Днепру. Всеволод вышел к нему навстречу и, разбитый под Вышгородом, бежал в Чернигов. Вслед за тем Мстислав, посадивши в Киеве князем старшего в

Ростиславовом роду Мстислава Романовича Смоленского, сам с новгородцами осадил Чернигов, стоял под городом 12 дней и, заключив с Всеволодом мир, возвратился в Новгород, но на другой год, распрощавшись с новгородцами, опять ушел в Приднепровье, чтобы поддерживать своих родных.

Новгородцы, проводивши Мстислава, после долгих споров выбрали себе в князя Ярослава Переяславского. Но Ярослав, очевидно, был приглашен только суздальской партией новгородцев и, приехавши в Новгород стал гнать противную партию; потом перебрался в Торжок, а в Новгород послал своих наместников, стал теснить новгородскую торговлю, остановил подвоз хлеба и довел новгородцев до крайности. Новгородцы опять обратились к Мстиславу, и тот, приехав в Новгород, схватил Ярославовых наместников и послал сказать Ярославу, чтобы он шел вон из Торжка. Но Ярослав не думал повиноваться и, отослав Мстислава посла без ответа, засек все пути от Новгорода. Тогда Мстислав снесся с Константином Ростовским и пошел из Новгорода сперва на Торопец, и оттуда на Ржев и Зуб-

цов, где с ним соединились двоюродный брат его Владимир Рюрикович, приведший смоленские полки, и псковичи; потом все вступили в Тверскую область и стали опустошать села по Волге, пробираясь к Переяславлю и дошедши до Городища на Саре, соединились с Константином, который привел ростовские полки. Ярослав, узнавши об этом, поспешил оставить Торжок, пустился к Переяславлю, и, соединившись с своими братьями Юрием, Владимиром и Святославом, все четверо повели свои многочисленные полки на Мстислава и Константина и расположились станом на реке Гзе, а Мстислав с своими союзниками остановился на реке Липице. Здесь после непродолжительных переговоров произошла страшная битва. Новгородцы, разувшись и скинув верхнее платье, бросились на Ярославов полк так стремительно, что полк после упорного боя дрогнул и вместе с своим гордым князем обратился в бегство, а вслед за ним бежал и Юрий с владимирским полком, стоявший против Константина. Битва эта стоила весьма дорого Юрию и Ярославу, из одного Ярославова полка легло на месте более

9000 человек; Ярослав прибежал в Переяславль самодин на пятом коне, задушив четырех в дороге, а Юрий примчался во Владимир в одной сорочке на четвертом коне. Когда Мстислав и Константин с союзниками подошли к Владимиру; то Юрий выслал к ним с униженною просьбою, моля о том, чтобы они не ходили к городу приступом, и на другой день рано утром с двумя своими братьями пришел в стан Мстислава и Владимира и просил у них, чтобы они не лишили его живота и дали средства, чем кормиться. Мстислав и Владимир дали ему на прокормленье Радиллов городок, куда он и уехал с своим семейством, а во Владимире союзники посадили Константина Ростовского; потом вместе с Константином они пошли к Переяславлю, где засел Ярослав, и сперва думал отсидеться; но, услыхавши о близком приходе Мстислава с новгородцами, так перепугался, что сам приехал в стан к Константину и, униженно кланяясь, ему говорил: «Господине! Я в твоей воле, делай что хочешь, только не выдай меня тестю моему Мстиславу и его брату Владимиру, а сам брате накорми меня хлебом». Мстислав,

по соглашению с Константином, не пошел далее к Переяславлю и, заключив с Ярославом мир на всей своей воле, отправился в Новгород, а союзники его разошлись по домам.

Таким образом, Константин Ростовский, два раза безуспешно добивавшийся сделаться князем Владимирским при помощи своих братьев, наконец после четырехлетних междоусобий достиг своей цели при помощи Мстислава и новгородцев; и Суздальские владения успокоились. Константин, утвердившись во Владимире, на другой же год окончательно примирясь в Юрием, дал ему Суздаль и объявил своим наследником на владимирском престоле, и оба целовали на том крест.

Но в то время как мирно разрешились дела в Суздале, совсем иное происходило в соседних владениях рязанских. Там Глеб Владимирович, сговорясь с своим родным братом Константином, задумал изменнически убить всех своих родственников и завладеть их волостями. Для этого он, как старший князь, пригласил всех к себе на съезд; и когда все съехались, то учредил пир и позвал их в свой шатер, а между тем в соседнем шатре скрыл

вооруженных слуг и половцев. И когда гости начали пить и веселиться, Глеб с Константином и своими думцами, вынув мечи, стали сечь гостей, а за ними явились слуги и половцы из соседнего шатра и избili одних князей шесть человек и всю их свиту, бояр и слуг, бывших на съезде. Это зверское братоубийство, после окаянного Святополка не повторявшееся на Руси, впрочем, не принесло злодеям той пользы, которой они ожидали; на пир нечаянно не успел приехать один из князей – Ингвар Игоревич, он, услышавши об избииении братьев, успел вооружиться, захватил Рязань и принудил Глеба бежать к половцам. Через год Глеб и брат его Константин со множеством половцев ворвались было в Рязанские владения; но Ингвар разбил их наголову и принудил бежать в половецкие степи, где они и погибли.

Константин Всеволодович, прокняжив во Владимире два года, скончался в 1248 году, 33 лет от рождения; и Владимир по прежнему договору спокойно перешел к Юрию Всеволодовичу Суздальскому, а Ростов с своими пригородами остался за сыновьями Константина.

Но на другой же год беспокойные соседи – волжские болгары лестью захватили Устюг и подступали к Унже; поэтому Юрий в 1220 году послал своего брата Святослава с воеводами и полками воевать Волжскую Болгарию. Полки Юрия соединились при впадении Оки в Волгу и шли Волгою вниз до болгарского города Ошела; здесь они высадились на берег, сразились с болгарским князем и, прогнав его, подошли к Ошелу. Город этот был укреплен дубовым тыном, двумя оплотами и между ними валом; Святослав, подошедши к городу, наперед отрядил людей с топорами и огнем, а за ними послал стрельцов и копейщиков; болгары упорно дрались в своих укреплениях, но, когда тын и оплоты были подсечены и зажжены, бежали в город, за ними пустились и русские, рубя их вдогонку, и подступили к самому городу и зажгли его; но сильный ветер, потянувший от города, покрыл русские полки дымом и зноем и принудил отступить. Тогда Святослав, давши немного отдохнуть полкам, повел приступ с другой стороны города под ветром, и сам пошел впереди полков, и попрежнему подсек и зажег тын и оплоты

внешних укреплений; болгары, защищавшие сии укрепления, после упорной битвы опять побежали в город, а русские, гоня их, опять подступили к городу и зажгли его с другой стороны; и таким образом город был объят пламенем со всех сторон, и только болгарский князь с небольшою конною дружиною успел как-то уйти, а прочие защитники города были или посечены русскими, спасаясь из пылавшего города, или сгорели вместе с своими женами, детьми и имением. Святослав стоял под Ошедом до тех пор, пока от города остались одни обгорелые головешки. Сожевши Ошед, Святослав воротился в свои лодыи и пошел назад домой; но болгары других городов, услыхав о сожжении Ошеда, собрались большою ратью с своими князьями, конные и пешие, и пустились догонять русских. Святослав, узнавши об этом, приказал своим полкам вооружиться, надеть брони и поднять знамена, и таким образом шел Волгою мимо болгарской рати, стоявшей на берегу, и остановился на устье Камы, где к нему присоединился ростовский воевода Воислав Добрынич, который с ростовцами и устюжанами, повое-

вав и пожегши болгарские города и села по Каме, шел уже домой со множеством пленников и богатою добычею. Соединившись с Воиславом, Святослав пошел домой, пославши наперед себя весть к Юрию; Юрий, получивши эту весть, вышел к Боголюбову встречать Святослава, одарил его и его полки богатыми дарами и дал им трехдневный пир; потом на зиму сам стал готовиться к походу на болгарскую землю. Болгары прислали послов во Владимир с просьбою о мире; но Юрий их отослал, не давши мира, и сам отправился в поход; на дороге явилось к нему другое посольство от болгар, но он не принял его и на глаза. Потом, когда Юрий пришел в Городец на Волге и соединился там с ростовскими полками, пришло третье болгарское посольство и после многих молений наконец убедило Юрия дать мир на тех же условиях, на которых был мир с болгарам при Юрии Долгоруком и при Всеволоде; и Юрий послал в Болгарскую землю своих мужей приводить тамошних князей к присяге по их закону, а на следующий год выстроить Нижний Новгород при впадении Оки в Волгу.

После болгарского похода суздальская страна несколько лет наслаждалась миром, и только были споры с новгородцами, которые в это время часто меняли князей, безуспешно стараясь высвободиться от суздальского влияния. Но далеко не мирно в это время было в Приднепровье и во всей Юго-Западной Руси. По отъезде Мстислава Торопецкого в Новгород в 1215 году там были старшими князьями: в Киеве Мстислав Романович, в Чернигове по смерти Всеволода Чермного его родной брат Мстислав Святославич, в Смоленске Владимир Рюрикович, на Волыни Даниил Романович с родным братом Васильком и двоюродным Александром Всеволодовичем, а в Галиче Коломан, сын венгерского короля Андрея. Андрей, думая, что уже окончательно присоединил Галич к своим владениям, стал утеснять русскую веру и вводить латинскую и выгнал русского епископа и священников. Это страшно раздражило галичан, и они стали тайно сноситься с Даниилом Романовичем, княжившим во Владимире-Волынском, а между тем Андрей рассорился с Лешком Польским и отнял у него Перемышль. Лешко,

досадуя на обиду, послал в Новгород к Мстиславу Торопецкому звать его в Галич: пойд и садись в Галиче, говорили послы Лешковы; по этому зову Мстислав оставил Новгород и, собрав войска в Смоленске и Киеве, так быстро двинулся к Галичу, что венгры, не успевши приготовиться и зная к себе ненависть галичан, бежали; и Мстислав спокойно занял Галич. Он чтобы иметь в соседстве хорошего союзника, выдал свою дочь Анну за Даниила Романовича Волынского. Но этот верный союзник рассорил его с Лешком Польским: он нечаянно захватил Лешковы города по Западному Бугу, те самые, которые в недавнее время Лешко отнял у Волыни; Лешко, подозревая, что Даниил это сделал по согласию с Мстиславом, послал сказать Андрею Венгерскому: «Бери Галич для своего сына, моего зятя, я тебе помогу»; по этому приглашению Андрей послал в Галицкую землю сына своего Коломана с большим войском, к которому на дороге присоединились и польские полки Лешка. Этот поход Коломана и Лешка сначала был очень удачен; Мстислав, не готовый к битве, оставил в Галиче зятя своего Даниила,

а сам отступил на Волынь, чтобы соединиться с киевским и черниговскими князьями, своими союзниками; Даниил также не мог долго держаться в Галиче и по приказанию Мстислава отступил для соединения с ним к Волыни. Это отступление было целым рядом кровопролитных битв, продолжавшихся и днем и ночью; наконец Даниилу удалось переправиться через Днестр, пониже Кучельмина, и соединиться с Мстиславом. Впрочем, и после этого соединения Мстислав с Даниилом не могли еще идти на венгров и поляков, завладевших Галичем; и Мстислав сказал Даниилу: «Иди князь во Владимире, а я пойду к половцам, и будем вместе мстить за свое бесчестье». Но не к половцам, а в Новгород пришлось идти Мстиславу и оттуда, как мы уже видели, воевать с Ярославом Переяславским и Юрием Владимирским.

Между тем Коломан, занявши Галич, укрепился там и получил от отца своего Андрея новые полки венгров и чехов под начальством гордого воеводы Фили, который, насмехаясь над русскими, говорил: «Один камень много горшков избивает – острый меч, бор-

зый конь – много Руси». Положение Даниила и Василька во Владимире-Волынском было самое стесненное: с одной стороны их владения громил Лешко с поляками, а с другой – Коломан с венграми и галичанами; от них даже отступился их двоюродный брат Александр Всеволодович Бельский, и много нужно было ума и ловкости у Даниила и Василька и их советников, чтобы удержаться в своих отчинных владениях в продолжение почти двух лет. Наконец в 1218 году Мстислав Торопецкий, он же и Удалый, управившись с делами в Новгороде и земле Суздальской, соединившись с Владимиром Рюриковичем Смоленским и нанявши половцев, двинулся к Днестру. Воевода венгерский, гордый Филя, с большим войском венгров и поляков вышел навстречу Мстиславу и дал ему битву; битва эта была самая упорная и кончилась совершенным поражением венгров и поляков, и сам гордый Филя попался в плен. После этой битвы Мстислав пошел к Галичу, где был оставлен Филю королевич Коломан; венгры и поляки с Коломаном, не могши защищать всего города, укрепились в построенной Фи-

лею башне и мужественно бились против Мстислава; но, томимые жаждою, принуждены были сдаться вместе с Коломаном. Мстислав за крепкою стражею отослал Коломана в Торческ, а вельмож венгерских с женами и детьми отдал как пленников своей дружине и половцам; поражение венгров и поляков так было сильно, что, по словам летописи, ни один из них не вышел из Галицкой земли: иные были побиты войсками Мстислава, иные перетонули, иные взяты в плен, а иных перебили сельские жители по дорогам. В то время как Мстислав бился с Филею и Коломаном, Даниил и Василько бились с Лешком Польским, который, чтобы не допустить до соединения их с Мстиславом, напал на во-лынский город Щекарев; но вслед за победою Мстислава над венграми и Лешко примирился с Романовичами на том условии, чтобы ему отступить от союза с Александром Бельским. Оторвавши Лешка от союза с Александром, Романовичи напали на сего последнего и в одну ночь страшно опустошили волости около Червеня и Бельза; впрочем, Мстислав вступился за Александра и угово-

рил Романовичей оставить его в покое. В это же время, или несколько прежде, Мстислав помирился с королем венгерским Андреем и выпустил из плена сына его Коломана, а сам занялся усмирением смут между галицкими боярами, из которых одни радели венграм, а другие – Даниилу Романовичу. Вообще галицкие междоусобия сильно ослабили всю Юго-Западную Русь.

В это время общего ослабления Приднепровской Руси в 1223 году вдруг разнеслась весть о новых неслыханных врагах Русской земли – татарах; они к этому времени некоторыми своими отрядами проникли от Каспийского моря в половецкие степи. О сих новых пришельцах никто не знал путем, откуда они пришли, и называли их иные таурменами, другие печенегами; только носились темные слухи, что они уже покорили ясов, обезов и касогов, вступили в землю Половецкую и избили множество половцев, что половцы везде бегут перед ними и многие загнаны в Лукоморье по Дону, а другие подвигаются к Днепру. Наконец на границы Руси, к Половецкому валу, прибежал с своею ордою тесть Мстислава

Галицкого, половецкий князь Котян, и объявил, что старшие половецкие князья Юрий Кончакович и Даниил Кобякович разбиты наголову и убиты. Он стал просить помощи у зятя своего Мстислава и других русских князей, дарить их и говорить им такие речи: «Нашу землю отняли ныне, а вашу завтра пришедши возьмут, обороните нас; а ежели вы не поможете нам, то мы ныне будем посечены, а вы завтра». Мстислав Галицкий, желая помочь своему тестю и постоянному союзнику, начал также упрашивать русских князей, чтобы они помогли половцам. Наконец был съезд всем приднепровским князьям в Киеве, где кроме трех старших князей, Мстислава Романовича Киевского, Мстислава Святославича Черниговского и Мстислава Мстиславича Галицкого, было много и младших князей; на этом съезде все князья решили заступиться за половцев и послали за помощью к Юрию Суздальскому, который и обещался прислать племянника своего Василька Константиновича с ростовскими полками.

По решению Киевского съезда весной 1224 года князья собрали свои полки и сошлись к

Зарубу у Днепра. Татары, услышавши об этом, прислали своих послов, убеждая русских князей не заступаться за половцев; послы говорили: «Мы вашей земли не занимали, зачем же вы хотите воевать с нами из-за наших холопей – половцев»; но князья убили татарских послов и спустились ниже по Днепру к Олешью. Здесь явилось новое посольство от татар, но и оно не имело успеха: русские послов отпустили, но не отложили похода. У Олешья пришли к русским и соединились с ними вся половецкая земля и все их князья, отсюда Мстислав Галицкий с отрядом в 1000 человек перебрался через Днепр и, разбив передовых татарских сторожей, возвратился назад. Узнавши об успешном набеге Мстислава, все русские князья с своими полками перебрались через Днепр; здесь с князьями были и киевляне, и черниговцы, и смольняне, и галичане, и волынцы, и куряне, и трубчане, и путивльцы; одних выгонцев галицких с своими воеводами Юрьем Домомеричем и Держикраем Володиславичем пришло по Днепру вверх от моря 1000 лодий, не успели только ростовцы с своим князем Васильком. Пере-

бравшись через Днепр, русские вступили в половецкие степи и при первой же встрече разбили передовой отряд татар, потом 8 дней шли степями до реки Калки; здесь также разбили передовой отряд татар и, не переходя Калки, остановились станом. Мстислав Галицкий приказал Даниилу Волынскому с частью русских полков и с половцами перебраться через реку, а потом и сам отправился за ним с своими полками, не уведомив юрьевского и черниговского князей, с которыми поссорился. Битву начал Даниил Волынский, уехавший далеко вперед, и начало битвы было довольно счастливо; Даниил, Мстислав Немой Пересопницкий и Олег Курский, куда ни являлись, везде поражали татар; но когда воевода Ярун с половецкими полками вступил в бой, то половцы не выдержали татарского натиска, побежали и смяли станы русских князей, еще не приготовившихся к битве, и началась страшная безобразная сеча, кончившаяся таким сильным поражением русских, какого с ними никогда не случалось; в битве пали шесть князей и 70 богатырей, и из всего войска едва десятый успел

спасти за Днепр, до которого гнались за ними татары. Между тем Мстислав Романович Киевский, стоявший с своим полком в укрепленном лагере, на высокой неприступной горе, не двинулся от Калки ни на помощь бегущим, ни затем, чтобы самому спастись бегством. Татары, преследуя бегущих, отрядили двух воевод с полками против Мстиславова лагеря; сии воеводы три дни выбивали Мстислава из стана и не могли выбить; наконец они прибегли к хитрости: предложили Мстиславу мир через воеводу бродников Плоскиню, который целовал Мстиславу крест, что татары его отпустят на выкуп. Мстислав поверил крестному целованию и сдался с двумя бывшими при нем князьями и киевским полком; татары сперва иссекли полк, а потом связанных князей задавили под досками и сели обедать на их трупах. Так кончилась страшная Калкская битва. Татары преследовали русских до Новгородка, избивая жителей сел и городов, лежащих по дороге; все уже Приднепровье было в ужасе и ждало своей гибели, как вдруг татары повернули назад в степи. Русские люди в радости и недо-

умении говорили тогда: «Не ведаем, эти злые татары откуда пришли на нас и куда делись, только Бог весть».

По удалении татар на место убитого на Калке Мстислава Романовича занял Киев его двоюродный брат Владимир Рюрикович Смоленский, а в Смоленске сел другой их двоюродный брат – Мстислав Давыдович; Чернигов на место убитого на Калке Мстислава Святославича занял Олег Курский (внук известного Игоря Святославича), тот самый, который вместе с Даниилом так храбро сражался в Калкском бою; в Галиче по-прежнему остался Мстислав Удалый, а во Владимире-Волынском – Даниил Романовича. И вскоре во всех этих княжествах начались междоусобия.

Только что Мстислав Мстиславич успел прибежать с Калкского боя, как Александр Всеволодович Бельский при помощи галицких бояр начал разными клеветами вооружать Мстислава на Даниила Волынского и довел дело до того, что в 1225 году между тестем и зятем началась война. Даниил пригласил себе на помощь Лешка Польского, опустошил бельскую область и ворвался в Галицкие вла-

дения; и когда к Мстиславу пришли на помощь Владимир Киевский и Котян Половецкий, то Даниил поспешил вступить в переговоры с ним и его союзниками. Во время переговоров открылась клевета Александрова, и Мстислав примирился с зятем, и на съезде в Перемышле все союзные князья утвердили мир между собою. Но только что Мстислав успел примириться с Даниилом, как большая часть галицких бояр возмутилась против него, и вмешали в это дело короля венгерского, который по приглашению бояр вступил с войском в землю Галицкую, взял Перемышль, Теробовль и другие города, но, разбитый Мстиславом под Звенигородом наголову, бежал в Венгрию. Впрочем, поражение венгерского короля не покончило смут в Галиче: бояре стали настаивать, чтобы Мстислав выдал свою дочь за венгерского королевича и отдал ему Галич; Мстислав долго на это не соглашался и желал передать Галич Данилу Романовичу, но бояре прямо сказали ему: «Ты не можешь удержать Галича за собою, бояре этого не хотят, не хотят и Даниила»; после чего Мстислав против воли принужден был от-

дать Галич королевичу, своему зятю, а сам ушел в Понизье и оттуда в Торческ, где и скончался в 1228 году.

Но еще до смерти Мстислава Удалого начались междоусобия в Юго-Западной Руси. Мстислав Ярославич Немой, князь Пересопницкий и Луцкий, внук Изяслава Мстиславича, отдал свою отчину и малолетнего сына Ивана Даниилу Романовичу; но Ярослав Ингваревич, родной племянник Мстислава Немого, завладел Луцком, а Ростислав Пинский — Черторыйском. Даниил Романович, соединясь с братом своим Васильком, выгнал Ярослава из Луцка и взял приступом Черторыйск. Тогда Ростислав Пинский поднял на Даниила Киевского князя Владимира Рюриковича, который был рад мстить Даниилу за его отца Романа, постригшего в монахи отца Владимирова Рюрика: он привел с собою черниговского князя Михаила Всеволодовича и Котяна Половецкого и с многочисленным войском осадил Каменец. Даниил, не надеясь силою управиться с множеством неприятелей, стал переговариваться с ними о мире, а между тем сам уехал за помощью в Польшу и по-

слал одного своего мужа к Котяну Половецкому, называя его отцом и прося принять его сторону. Котян послушал его и удалился в степи, наперед разграбивши Галицкую землю, бывшую в союзе с Владимиром. Это удаление Котяна заставило и Владимира прекратить войну, воротиться в Киев и заключить мир с Даниилом. Между тем королевич венгерский, продолжавшей княжить в Галиче, и поддерживавший его галицкий боярин, крамольный Судислав крайне надоели галичанам; и когда Судислав однажды отправился в Дони́зье, то даниилова партия галичан прислала сказать ему: «Судислав пошел в Дони́зье, а королевич остался в Галиче один, приходи поскорее». По этому приглашению Даниил отправил своего тысяцкого Демьяна в Дони́зье против Судислава, а сам с небольшою дружиною пустился к Галичу; но прежде нежели он успел прийти, Судислав уже возвратился в город, успел укрепить его и зажег мост, чтобы не пропустить Даниила через Днестр. Между тем к Даниилу подошли тысяцкий Демьян с своим полком и все галицкие бояре, не любившие венгров и Судислава, так что у Дани-

ила собралось войско со всей Галицкой земли, от реки Боброка до Уиццы и Прута, и окружило Галич со всех сторон; и венгры с Судиславом и королевичем принуждены были сдаться. Даниил, принявши Галич, отпустил королевича к отцу, помня прежнюю любовь венгерского короля к себе; с королевичем ушел в Венгрию и Судислав, которого жители Галича провожали камнями, приговаривая: «Изыди из града мятежнице земли». Судислав, пришедший в Венгрию, поднял короля на Даниила, и тот, собрав большое войско, двинулся к Галичу, он думал, что Галичу не противоустоять его силе. Но Даниилов тысяцкий Демьян так хорошо умел укрепить город, то королю долго пришлось стоять под ним; а между тем Даниил успел привести полки поляков и Котяна Половецкого и тем заставил короля снять осаду Галича и в самую дождливую пору начать отступление в Венгрию. Это отступление было самое губительное для венгров: они, преследуемые полками Даниила и половцев, много потеряли и пеших и конных по дороге, а особенно при переправе через Днестр; иные из них потонули, иные

померли от ран и непогоды, другие убиты или взяты в плен.

Но Даниил на этот раз не мог спокойно жить в Галиче, побеждая врагов внешних, он постоянно терпел от внутренних изменников. Вероломные галицкие бояре, разделенные на партии, видя успехи Даниила против венгров и других неприятелей, стали чинить против него заговоры и, снесшись с Александром Всеволодичем Бельским, сперва хотели сжечь его, а когда это не удалось, то думали убить его на пиру; но верный тысяцкий Демьян успел узнать об этом и предупредил князя. Тогда Даниил послал брата своего Василька на Александра, который принудил его бежать из Бельска в Перемышль, куда бежали и вероломные бояре, противники Даниила. И началась у Даниила война с изменниками — боярами и их союзниками, продолжавшаяся шесть лет; в эту войну вмешались и венгры, и поляки, и князья черниговские, и половцы; Галич несколько раз переходил из рук в руки, было даже время, что Даниил был изгнан и из своих отчинных владений Волынских. Даниил сначала успел взять Перемышль и заста-

вил Александра бежать в Венгрию к Судиславу, Судислав же опять отнял венгерского короля и повел на Даниила. Король, перешедши Сан, взял Ярославль, потом подступил к Галичу, где бояре изменили Даниилу, и Даниил принужден был оставить Галич; оттуда король пошел к Владимиру-Волынскому и принудил тамошнего воеводу знаменитого Мирослава заключить мир, по которому Мирослав за своего князя Даниила возвратил Бельз и Червен Александру. Венгерский король, заключивши таким образом мир и посадивши в Галиче своего сына Андрея, возвратился в Венгрию; а Даниил в это время удачно воевал около Бужска и забрал много пленников, но по случаю мира, заключенного Мирославом, должен был прекратить войну и довольствоваться Владимиром-Волынским.

Вскоре по примирении с венгерским королем Владимир Рюрикович Киевский прислал сказать Даниилу: «Идет на меня Михаил Черниговский, приходи, брат, помочь мне». Даниил, полагаясь на мир с венграми, отправился к Владимиру в Киев с своим полком и успел там сделать съезд, на котором Влади-

мир и Михаил примирились. Между тем венгерский королевич, думая воспользоваться отсутствием Даниила, напал на его владения и подступил к Белобережью, что на реке Случе. Даниил, получивши об этом весть от своего сторожевого воеводы Владислава, по согласию с Владимиром Киевским пошел в тыл венграм и галичанам, чтобы таким образом отрезать их от Галича; королевич, проведавши об этом, поспешил отступить к Галичу. Даниил же, соединясь с братом своим Васильком, погнался за ним и нагнал у Шумска. Под Шумском оба войска вступили в бой; здесь Даниил, Василько и тысяцкий Демьян оказали чудеса храбрости и долго отстаивали победу, но наконец принуждены были отступить к Торческу; впрочем, и в полках королевича было страшное поражение, так что он не только не преследовал отступающего Даниила, но и сам бежал в Галич без оглядки. Ближайшим следствием битвы под Шумском было то, что Александр Бельский отступил от венгров и галичан и соединился с Даниилом, а Даниил, приобретши союзника, продолжал воевать и вместе с Александром отнял у гали-

чан Шеньск. На следующий год королевич и Судислав выслали против Даниила воеводу Дьяниша; Даниил против Дьяниша привел Владимира Рюриковича Киевского, Изяслава Новгород-Северского и Котяна Половецкого, дал битву у Перемышля, принудил Дьяниша, королевича и Судислава отступить к Галичу и пошел за ними. Но союзники его отказались идти далее и таким образом заставили и его воротиться назад. Тем не менее дела венгров в Галиче были крайне плохи, и на следующий год Глеб Зеремеевич и большая часть галицких бояр оставили королевича и перешли к Даниилу. Видя расположение галицких бояр, Даниил с братом Васильком вступил в Галицкие владения, и город за городом сдались ему добровольно, наконец после девятидневной осады Галича (в продолжение которой умер королевич) галичане сами пригласили Даниила, причем Судислав убежал в Венгрию. Таким образом Даниил снова сделался князем Галицкой и Волынской земель, впрочем, не надолго. Но как в новом изгнании Даниила из Галича были замешаны почти все княжества Приднепровской Руси, то

нужно наперед сказать об их положении в это время.

В прочих княжествах Приднепровской Руси после Калкской битвы также были междоусобия, хотя первоначально гораздо меньшие, нежели в Галиче и на Волыни. Прежде всего начались междоусобия в земле Черниговской; там, как мы уже увидели, прямо по возвращении с Калкской битвы занял Чернигов храбрый Олег Святославич Курский. Михаил Всеволодович, сын Всеволода Чермного, бывший в то время в Новгороде, услышавши об этом, немедленно отправился в черниговскую сторону и сначала думал посредством переговоров вывести Олега из Чернигова; но, не успевши в этом, обратился за помощью к тестю своему Юрию Суздальскому. Юрий Суздальский и его суздальские полки одним появлением своим, не вступая даже в битву, примирили враждующих князей и принудили Олега уступить Чернигов Михаилу. Таким образом Михаил сделался князем Черниговским и удержал за собою это княжение почти до своей смерти; он умел подчинить себе всех младших черниговских князей и не допус-

коть междоусобий в своей земле; но в то же время сам принимал деятельное участие в междоусобиях других русских владений и в первые годы своего княжествования в Чернигове, вел упорную борьбу с Ярославом, Всеволодовичем, князем Переяславля-Залесского, в защиту новгородцев, потом от Новгорода обратился к Приднепровью.

Михаил сначала жил мирно с Владимиром Киевским, даже в 1226 году помогал ему против Даниила Романовича Волынского; но в 1231 году был съезд приднепровских князей в Киеве, на котором Михаил рассорился с Владимиром и начал с ним войну. Владимир, не надеясь один противостоять князю Черниговскому, пригласил к себе на помощь Даниила Романовича, который и успел примирить противников, ибо на Черниговские владения напал Ярослав Переяславский, следовательно, Михаилу нужен был мир, чтобы свободнее разделаться с своим старым врагом. Но мир этот, заключенный по нужде, не мог быть продолжителен, им не были довольны ни та, ни другая сторона; и Михаил, управившись с Ярославом, опять начал собираться на

Владимира Рюриковича и в 1233 году осадил Киев; но на выручку Владимиру явился Даниил Романович с полками галичан и волынцев и принудил Михаила снять осаду Киева и перебраться за Днепр. Но недовольные сим успехом Владимир и Даниил сами переправились за Днепр и стали опустошать Черниговские владения; к ним пристал Мстислав Глебович, двоюродный брат Михаила, и они, побравши многие города по Десне, подступили к Чернигову, предлагая черниговцам в князя Мстислава Глебовича. Черниговские посады были уже заняты полками союзников, окрестности опустошены, к самому городу уже были подвезены стенобитные орудия осаждающих, которые уничтожали в осажденных всякую надежду на спасение; но Михаил одною хорошо рассчитанною хитростью уничтожил все успехи противников, он выступил из Чернигова, показывая вид, что уже отчаялся продолжать оборону города, а граждане потянули длинные переговоры с осаждающими; между тем Михаил неожиданно поворотил назад, в тыл полков Данииловых, и такое произвел в них опустошение, что Даниил едва

успел уйти, а вслед за ним бежал и князь Киевский.

Лишь только Михаил таким образом освободил Чернигов, как его союзник Изяслав Новгород-Северский привел к нему полки половцев: получивши такое важное пособие, Михаил и Изяслав переправились через Днепр и пошли к Киеву. Этот неожиданный поход сильно смутил Владимира и Даниила; особенно последний, утомленный черниговским походом, продолжавшимся от Крещения до Вознесения, хотел уже оставить своего союзника и лесами пробраться в Галицкую землю; но, остановленный просьбами киевского князя, решился еще попытать счастья в битве и вместе с Владимиром подступил к Торческу. Там Михаил с своими союзниками – половцами уже поджидал противников и немедленно вступил в бой, который, несмотря на отчаянную храбрость Даниила, кончился в пользу черниговского князя: полки киевские и галицкие были разбиты, Владимир и галицкий воевода Мирослав попались в плен, Даниил же едва убежал в Галич. Торчешское поражение навело страх на гали-

чан, а бояре донесли Даниилу, что Изяслав и половцы уже идут к Владимиру-Волынскому, чего вовсе не было; Даниил немедленно отправил туда своего брата Василька с уцелевшими полками, а сам остался почти без войска, и крамольные бояре, пользуясь этим, произвели мятеж, который заставил Даниила удалиться в Венгрию. Между тем торческие победители вошли в Киев, отдали пленного Владимира, его жену и детей половцам, Киев же Михаил уступил своему союзнику Изяславу, а сам пошел в Галич и занял его по соглашению с тамошними боярами.

Но занятие Галича далеко еще не оканчивало спора; Даниил был не из таких людей, чтобы упасть духом после одной неудачи, притом же у него были союзники – немцы и поляки; а посему Михаилу предстояло много еще хлопот и опасностей. При начале зимы того же года Василько, а за ним и Даниил с полками поляков двинулись к Галичу; но Михаил вышел к ним навстречу и принудил воротиться назад. А на следующий год сам Михаил послал галичан и болховских князей к Даниилову городу Каменцу; но этот поход не

удался, – Владимир Рюрикович, выкупившийся из половецкого плена, пришел с торками на выручку Каменца, разбил галичан и, многих взявши в плен, отослал к Даниилу. Впрочем, эта неудача не сокрушила Михаила, он с началом лета того же года вместе с Изяславом Киевским, пригласивши половцев и поляков, начал войну с Даниилом, требуя выдачи болховских князей, захваченных под Каменцом; но и эта война не имела надлежащего успеха: измена поляков и половцев принудила Михаила возвратиться в Галич и заключить мир, по которому он уступил Романовичам Перемышль. Впрочем, главною причиною поспешного заключения мира были не успехи Романовичей, а весть о занятии Киева Ярославом Всеволодовичем, князем Переяславля-Залесского, этим давнишним и упорным врагом Михаила. Но когда Ярослав, не могши удержаться в Киеве, удалился в свой Переяславль, тогда у Михаила быстро изменились дела к лучшему: сам он немедленно занял Киев, а сын его Ростислав, оставленный в Галиче, отнял у Даниила Романовича Перемышль, и таким образом Михаил сделался

первенствующим князем Юго-Западной Руси, владея в одно и то же время Черниговом, Галичем и Киевом. Тем не менее владычество Михаила в Галиче было ненадежно, Романовичи не переставали объявлять своих притязаний на Галич и тайно сносились с галицкими боярами; и когда однажды Михайлов сын Ростислав, сидевший в Галиче, пошел с своими полками воевать Литовскую землю, то галичане сами пригласили Даниила и сдали ему город.

После первого нашествия татар на Приднепровскую Русь Суздальские владения и вся Северо-Восточная Русь, до которых это нашествие не касалось, были спокойны от внутренних междоусобий. Там старшим князем был Юрий Всеволодович Владимирский, который умел держать в довольном повиновении и братьев своих, и племянников, он даже не оставлял притязаний своего дома и на Приднепровье и посылал в Переяславль-Русский то братьев, то сыновей своих и племянников; впрочем, он старался избегать ссор с приднепровскими князьями и только один раз предпринимал поход в Чернигов для под-

держания зятя своего Михаила Всеволодовича. Главное внимание Юрия было обращено на Новгород и на восточных своих соседей, на волжских болгар и мордву. С новгородцами он то мирился, то воевал и постоянно старался поддерживать суздальскую партию в Новгороде и через нее держать новгородцев в зависимости; в этом деле принимал самое деятельное участие и брат его Ярослав, князь Переяславля-Залесского. Относительно мордвы Юрий несколько раз посылал туда свои войска под начальством то своих братьев, то племянников, которые большею частью походы эти ограничивали разорением мордовских сел. Наконец зимою 1228 года отправился на мордву сам Юрий с своим братом Ярославом, с племянниками Васильком и Всеволодом Константиновичами Ростовскими и с муромским князем Юрием Давыдовичем. В этом походе Юрий страшно опустошил всю волость мордовского князя Пургаса; но тем, конечно, мордва еще не смирилась: на другой же год князь Пургас явился под Нижним Новгородом мстить за разорение своей области и успел сжечь монастырь Пресвятой Богородицы, сто-

явший вне города. Впрочем, у русских князей были и в мордве свои союзники, своя партия; только что Пургас воротился из-под Нижнего, как на него напал другой мордовский князь, Юриев союзник, сын Пурешев, и вместе с половцами избил мордву и русь Пургасову, так что сам Пургас едва спасся бегством. С болгарями у Юрия не было войны с 1220 года, в летописи только упоминается под 1229 годом, что болгары присылали к Юрию посольство для возобновления мира, заключенного в 1220 году, и обе стороны разменялись пленниками. И в том же 1229 году пришла весть, что половцы и саксины, преследуемые татарами, с низовьев Волги бежали к болгарам и что татары избili болгарскую стражу на Яике. Потом в 1232 году пришла другая весть, что татары зимовали, не дошедши Великого города болгарского.

Но вести сии нисколько не беспокоили ни князей, ни народ; и Юрий в том же году посылал на мордву своего сына Всеволода, племянника Федора Ярославича, и князей муромских и рязанских, которые, по обычаю, пожгли тамошние села и избili множество

мордвы. Наконец пришли вести в 1236 году, что татары взяли Великий город болгарский, избили всех жителей от мала до велика, сожгли город и пленили всю землю Болгарскую.

Вслед за вестями о покорении Волжской Болгарии татарами из-за мордовских лесов сами татары явились в пределах рязанских и муромских; их несметные полчища, предводительствуемые ханом Батыем и многими князьями, остановились на одном из верхних притоков Суры, реке Онузе. Батый с этого становища прислал к рязанским князьям требовать десятины во всем, и в князьях, и в людях, и в конях десятое. На это требование рязанские князья Юрий и Олег Ингваревичи, а также князья Муромский и Пронский отвечали: «Когда нас не будет, то все ваше будет» – и после такого ответа все вместе пошли к реке Воронежу на встречу татарам, не желая их допустить к своим городам. Но рать рязанских князей, несмотря на свою храбрость, была слишком слаба против несметных полчищ Батыевых, закаленных в боях; и князья, разбитые наголову, бежали к своим городам. Татары же, преследуя их, взяли город за горо-

дом, князей и жителей избили, а города сожгли. Обративши таким образом Рязанскую землю в пустыню, Батый пошел к Коломне. Юрий Всеволодович Владимирский, который, несмотря на усиленные просьбы, не прислал помощи рязанским князьям, теперь выслал на Коломну своего сына Всеволода и воеводу Еремея Глебовича, приказав им соединиться с уцелевшим от избиения рязанским князем Романом Ингваревичем. Татары не замедлили обступить их своими многочисленными полками и в страшной сече под Коломною убили Романа Ингваревича и воеводу Еремея Глебовича, а Всеволод с малым остатком дружины убежал во Владимир; вслед за тем татары взяли Москву, тамошнего воеводу убили, а князя Владимира, сына Юриева, захватили в плен.

Юрий, узнавши о несчастьи своих сыновей, поручил защиту Владимира своим сыновьям Всеволоду и Мстиславу и воеводе Петру Ослядюковичу, а сам ушел за Волгу собирать полки и ждать, пока подойдут к нему братья Ярослав и Святослав с своими полками. Между тем татары 3 февраля подступили к Влади-

миру и в продолжение пяти дней огородили его со всех сторон тыном и приготовили стенобитные орудия; а 8 февраля пошли на приступ и до обеда вломились с разных сторон в новый, или окольный, город и зажгли его, к вечеру же взяли и Старый, или Печерный, город, причем погибли все князья, бывшие с своими семействами, и множество народа. По взятии Владимира татары, разделившись на отряды, пошли далее и в продолжение февраля взяли четырнадцать городов в землях Суздальской и Ростовской и доходили с одной стороны до Торжка, до границ новгородских, а с другой – до Галича Мерьского. Юрий Всеволодович все это время собирал войска и стоял на реке Сити за нынешнею Мологою. Наконец 3 марта 1237 года татары явились и туда и дали битву Юрию, в которой полки Юриевы и князей ростовских были совершенно разбиты; сам Юрий убит со множеством бояр и воинства, а племянник его князь Ростовский Василько попался в плен и был замучен татарами за то, что не хотел принять их закона и изменить христианской вере.

От Сити татары пошли к Торжку и после

двухнедельной осады взяли этот город приступом, а людей всех избили, даже младенцев; от Торжка они двинулись к Новгороду селигерским путем, посекая людей, по выражению летописи, как траву, но по причине страшной весенней распутицы и непроходимых в это время болот, не дошедши до Новгорода ста верст, вдруг от Игнача креста поворотили на юг и подошли к Козельску, в северных пределах Черниговских владений, в нынешней Калужской губернии. Князь Козельска был еще малолетним, но княжая дружина и козельская земщина собрали общее вече и на этом вече решили умереть за князя и не сдавать города, и как решили, так и сделали. Семь недель Батый со всеми своими полками стоял под Козельском, и семь недель козельцы отбивали приступы его полков; наконец, когда стены города были совершенно разрушены, то, отбивши последний приступ ножами, дружинники и земцы козельские, не имея возможности долее защищать развалины города, собрали новое вече и по решению его бросились на стан неприятельский, избили четыре тысячи татар и сами легли ко-

стями, будучи подавлены множеством силы Батыевой. От Козельска Батый пошел прямо в степи половецкие и, разбивши Котяна и совершенно выгнавши его из Половецкой земли, остался там с лишком на год, чтобы дать отдых своим полкам; потом, зимою 1239 года, опять явился на границах Северо-Восточной Руси, завоевал землю Мордовскую и, вошедши в Русскую землю, взял Муром и дошел до Клязьмы. Жители Северо-Восточной Руси от ужаса уже не знали, куда деваться, бросали дома и уходили в леса; как вдруг Батый повернул на юг в степи и оттуда одним отрядом двинулся к Переяславлю-Русскому, а другим к Чернигову; и, разумеется, ни Переяславль, ни Чернигов, несмотря на отчаянное сопротивление, не могли защититься и отсидеться. Сперва был взят Переяславль, татары его сожгли, а жителей наполовину избили и наполовину отвели в неволю, и равным образом сожгли и опустошили и другие города Переяславского княжества. Вслед за Переяславлем был взят и сожжен Чернигов, где упорно и долго защищался князь Мстислав Глебович, оставленный там Михаилом; та же участь по-

стигла и другие города Черниговского княжества: жители были иссечены или уведены в плен, а города сожжены, так что весь левый берег Днепра обратился в пустыню, и остатки жителей укрывались в лесах и пещерах.

Наконец дошла очередь и до Киева, Батый вскоре по взятии Чернигова послал туда своего племянника Мунке; тот, не переходя Днепра, остановился у Песочного и через послов потребовал сдачи города. Михаил Всеволодович, княживший тогда в Киеве, в ответ на такое требование приказал убить татарских послов. Конечно, и князь, и жители Киева уже ждали приступа и готовились умереть в жестоком бою с татарами; но Мунке было не до Киева – пришли вести, что в Монголии умер отец его хан Угедей, и ему нужно было ехать на родину, и таким образом Киев на время уцелел. Впрочем, Михаил Всеволодович, сначала погорячившийся и приказавший убить татарских послов, скоро увидал, что ему не защитит Киева, и вслед за удалением Мунке убежал в Венгрию, а Киевом завладел Ростислав Мстиславич Смоленский; но Даниил Галицкий схватил Ростислава, взяв Киев себе,

посадил там своего знаменитого воеводу тысяцкого Димитрия и поручил ему защищать город в случае нападения татар; Димитрию недолго пришлось ждать этого нападения. Зимой 1240 года, т. е. почти через год по отступлении Мунке, явился под Киевом и сам Батый с одиннадцатью знаменитыми татарскими князьями и с 600 000 воинов. Он обступил город со всех сторон, повел приступ к Лядским воротам и, действуя день и ночь стенобитными орудиями, повалил городскую стену; но за рухнувшею стеною явилась живая стена защитников города, и началась страшная резня, продолжавшаяся до вечера; наконец ранен был воевода Димитрий, и защитники города отступили к церкви Св. Богородицы, а татары на ночь расположились на разрушенной стене. К утру у граждан явилась новая стена около Богородицкой церкви, и опять началась страшная резня; наконец сила сломила, и Киев был взят татарами 6 декабря. Князья волынские и галицкие, услышавши о взятии Киева, бежали в Венгрию; а вслед за ними в Волынской и Галицкой землях явился и Батый с своими татарами и взял силою Ка-

менец, Галич, Владимир-Волынский и другие города тамошнего края. Таким образом, вся Русская земля, за исключением Полотских, Смоленских и Новгородских владений, была страшно опустошена татарами и своими разрозненными силами нигде не могла защититься от их несметной силы.

Рассказ одиннадцатый. Русская земля во время суздальщины

Во время Суздальщины, как мы уже видели из рассказа о междукняжеских отношениях, утвердился новый порядок, по которому князья стали заботиться о том, чтобы постоянно удерживать за собою свои отчинные владения и стараться об их увеличении и улучшении, а не менять их на другие, как бывало прежде при внуках и правнуках Ярослава. Этот новый порядок выдвинул вперед земщину и сильно изменил княжеские отношения к ней. В прежнее время князья заботились преимущественно о добывании высоких столов, как говорит Даниил Заточник, мало думали об устройстве своих волостей и о сближении с своею земщиною; и, как мы уже видели, их отношения к земщине ограничивались судом и управою, сбором установленных доходов и защитою волости от неприятельских нападений; мимо сих отношений князья жили сами по себе, а земщина сама по

себе. Теперь же этот порядок сильно изменился; князья, живучи постоянно в своих отчинных владениях, по необходимости должны были более сближаться с земщиною, заботиться о лучшем устройстве своих волостей, принимать участие в чисто земских распоряжениях, хлопотать о заселении пустующих земель, о приискании жителей, о построении городов, слобод и сел. Так, тогдашние летописи свидетельствуют, что Юрий Долгорукий и Андрей Боголюбский построили множество городов в Суздальской и Ростовской землях, а еще прежде их князья рязанские и муромские, потомки Ярослава Святославича, раньше их отказавшиеся от искания чужих волостей, застроили городами и селами свои отчинные владения, рязанские и муромские; то же делали в это время и князья черниговские и смоленские и волынские. Конечно, построением городов князья занимались и прежде; так, и Владимир и Ярослав строили города в Приднепровье, и то же, хотя в меньшем раз- мере, делали их внуки и правнуки; но города, ими построенные, строились преимущественно с военною целью для защиты при-

днепровских границ от набегов кочевников и населялись обыкновенно младшими дружинниками или торками, берендеями, пленниками из Польши и Литвы и даже покорившимися или мирными половцами. Напротив того, во время Суздальщины князья строили города не столько по границам, сколько внутри своих владений и не для военных целей, а для развития промышленности и для лучшего заселения пустующих земель. Самое население сих городов уже не походило на прежнее: теперь князья стали заселять свои города преимущественно мирными жителями – земледельцами, торговцами и разными промышленниками, как туземцами, так и пришельцами, старались их привлекать разными льготами, преимуществами и выгодами. Так, об Андрее Боголюбском летопись говорит, что он пригласил к себе в Боголюбов разных мастеров. Или, рассказывая о построении Холма, летопись пишет о Данииле Романовиче Волынском: «И начал призывать прихожих немцев в Русь, иноязычников и ляхов; и шли изо дня в день юноши, и мастера всякие, и сельники, и тульники, и лучники, и кузнецы

меди, железу и серебру, и была жизнь, и наполнили дворы около города, поля и села». То же, конечно, делали и другие князья при построении городов и слобод и вообще при заселении пустых земель и диких лесов в их владениях; они вызывали для этого охотников как из своих владений, так из соседних и даже дальних земель, приманивая их к себе разными выгодами и льготами, освобождая их на время поселения и на урочные годы, лет на пять, на десять и больше, вовсе от податей и отдавая им во владение и даже в собственность разные земли и угодья, а иные города и селения навсегда освобождая от тех или других податей и повинностей. Князья того времени почти так же заботились о привлечении к себе земцов из чужих волостей и более густом населении своей волости, как их отцы и деды заботились об увеличении своих дружин; и посему в то время к ласковому и распорядительному князю, умевшему сохранять покой и тишину в своих владениях и не отягощать земцев поборами, охотники селиться шли со всех сторон, земщина в его владениях росла с невероятною быстротою,

люди из ближних и дальних земель спешили селиться в его волости. Напротив того, у князя нерадивого или тяжелого пустела земля, ежели он был силен, или его самого выгоняли из земли, ежели он был слаб; так мы видели, что владимирцы выгнали от себя Ростиславичей, племянников Боголюбского, за то, что они нерадиво управляли и дали волю посадникам и тиунам грабить и пустошить волость.

Вместе с сближением князя с земщиною и дружинники стали более сближаться с земцами, они также начали усерднее обзаводиться поземельными именьями, стали устраивать себе слободы и села и населять их свободными поселенцами, или из земцев той же волости или из соседних владений, приманивая их разными льготами и ссудами для поселения, и, следовательно, принимать на себя до некоторой степени характер земцев, не оставляя, впрочем, дружинничьей службы, которая еще представляла для них много выгод. И в то же время выгоды княжьей службы привлекали в дружину множество земцев. От этого, по свидетельству летописей, тогдашние

дружины князей преимущественно составлялись из туземцев, так что летописи в это время стали называть княжеские дружины не столько по имени князей, сколько по названию княжеств; так, дружинников суздальского князя суздальцами, дружинников смоленского князя смольнянами, черниговского черниговцами и подобное. Но от этого еще не сливалась дружина с земщиною, земские полки еще составляли отдельные рати от княжеских дружин, имели свое устройство и своих предводителей под названием тысяцких и земских воевод. И по-прежнему земские рати преимущественно собирались только для защиты земли и отражения неприятелей, нападавших на волость; но как в тогдашнее время князья, усевшиеся в своих отчинных владениях и не думавшие уже оставлять их или менять, сильнее слили свои интересы с интересами земли, то необходимым следствием сего было то, что земские рати стали принимать гораздо более участия в между княжеских войнах, так что тогда уже не было почти ни одной княжеской войны, в которой бы не принимала участия местная земщина своими

полками; тогда уже защита князя до некоторой степени слилась с защитой земли. Земцы даже стали участвовать в княжеских походах на других князей; впрочем, это и тогда еще было не всегда и зависело от расположения земщины к своему князю.

Деятельное участие земщины в междукняжеских войнах значительно изменило и самый характер сих войн. В прежнее время князья, враги между собою, не были врагами земщины своего противника и среди самой войны постоянно старались оставлять неприкосновенными селения и имущество земцев, а только грабили и опустошали имущества своих противников – князей. Напротив того, во время Суздальщины один князь, воюя против другого, уже не щадил земщины своего противника, грабил, жег и опустошал города и села, не разбирая, что княжеское и что земское, и, ежели возможно, присоединял его волость к своей волости. Так, при взятии Киева войсками Андрея Боголюбского этот город подвергся страшному опустошению и разграблению, жители-земцы многие были убиты, многие взяты в неволю, чего прежде никогда не бы-

вало; ту же участь потерпел Киев от Изяслава Ярославича в 1175 году и от Рюрика Ростиславича в 1203 году. Равным образом Всеволод Юрьевич Суздальский в своих войнах с рязанскими князьями страшно опустошал и же Рязанскую землю и наконец в 1207 году довел рязанцев до того, что они на общем своем вече решили схватить своих князей, какие у них остались, и отослать их с княгинями и детьми к Всеволоду во Владимир. После сего Всеволод послал княжить в Рязань своего сына Ярослава; а когда рязанцы не поладили с Ярославом, то опять пошел на них войною и всех граждан города Рязани и с епископом отвел пленниками во Владимир. Таковое разорение в княжеских войнах начали терпеть в то время и черниговская, и полотская, и галицкая, и другие земщины; теперь князья их уже не щадили, как в былое время.

Новый порядок, по которому князья стали дорожить своими отчинными волостями и стараться удерживать их за собою до последней крайности, произвел то, что земщины, в которых не успел утвердиться ни один княжеский дом, потеряли всякое значение и со-

вершенно пали; а, напротив того, сильно возвысились те земщины, в которых удержались свои отчинные князья. Так, например, земщина киевская, недавно еще столь знаменитая, сильная и принимавшая деятельное участие в междукняжеских отношениях, во время Суздальщины окончательно пала. Земщина эта при Ростиславе Мстиславиче имела еще достаточное значение, и даже при Мстиславе Изяславиче она еще отправляла своих послов вместе с послами от разных князей для приглашения Мстислава на княжеский киевский престол. По смерти Ростислава Мстислав, пришедши по приглашению в Киев, должен был урядиться как с князьями-союзниками, так и с киевскою земщиною. Но со взятием Киева войсками Андрея Боголюбского прежнее значение тамошней земщины пало. Сын Андреев, Мстислав, взявший Киев приступом, не только не думал договариваться с киевскою земщиною, но, чего никогда не бывало, предал Киев двухдневному грабежу и по отцовскому приказу посадил в киевские князья своего дядю Глеба Юрьевича Переяславского. И с этого времени при посадении

какого-либо князя на киевский престол более уже не спрашивали киевской земщины и новопосаженные князья уже не делали никаких рядов или договоров с киевлянами, и киевский престол стал вполне зависеть от договоров между князьями. Впрочем, Киев, несмотря на разграбление и на совершенное падение своей земщины, еще долго, до самых татар, считался у князей интересною добычею, его богатства и обширная торговля имели еще такое значение, что каждый усилившихся в Приднепровье князь спешил завладеть Киевом или посадить там своего подручника, и даже иные князья иногда ласкали киевлян, давали им пиры и сами пировали у них; так, например, в 1195 году при вступлении Рюрика Ростиславича на киевский престол киевляне давали пир Рюрикову брату Давыду Смоленскому, а на другой день Давыд давал пир киевлянам; но ни богатства Киева, ни временные ласки князей уже не возвращали киевской земщине утраченного значения. Киев перестал быть самостоятельным русским княжеством в истинном смысле, а только казался таковым по воле соседних князей, он

уже не имел собственных князей, в нем княжили или смоленские, или волынские, или черниговские князья, или посаженники других князей; так, по взятии Киева войсками Андрея Боголюбского, как мы уже видели, в Киев был назначен князем посаженник Андреев, брат его Глеб Переяславский. Потом в 1173 году, после поражения войск Андреевых под Вышгородом, в Киеве княжил Ярослав Изяславич Луцкий, посаженник Ростиславичей Смоленских, или в 1202 году Ингвар Ярославич, посаженник Романа Волынского и Всеволода Суздальского. Князья сии держались в Киеве уже не киевскими средствами, а силою своих отчинных владений черниговских, смоленских, волынских или волею других князей; они уже не собирали киевского вече для своей поддержки, и вече их не поддерживало и не могло поддерживать, ибо оно уже не пользовалось никаким уважением ни у своих, ни у чужих князей. Киев, несмотря на свое богатство, сделался слабым и одиноким, даже отделенным от своих пригородов, и стал приманчивою добычею, лакомым куском любого сильного соседа. Такая же участь постиг-

ла и Приднепровский Переяславль: там также земщина потеряла свое значение, и тамошние князья вследствие того сделались посаженниками других князей, и преимущественно суздальских.

Та же участь, по смерти Ярослава Осмомысла, постигла сильную и знаменитую земщину галицкую; только формы падения этой земщины были иные, нежели в Киеве. Киевская земщина пала потому, что с нею прочно не соединился ни один княжеский дом, тогда как в других соседних земщинах утвердились отчинные князья. Галицкая земщина, напротив того, отпала от своего отчинного княжеского дома, который ее сильно возвысил, и стала искать покровительства то у волынских, то у черниговских, то у других русских князей и даже в Венгрия и Польше. Главною причиною падения галицкой земщины было то, что богатые боярские фамилии отделились от народа; при Владимире Володаревиче и его сыне Ярославе Осмомысле они усердно служили князьям и в продолжение этого времени успели до того усилиться и обогатиться поземельными владениями, что возмечтали,

будто они достаточно сильны, чтобы распоряжаться по своей воле и галицкими князьями, и Галицкою землею. А посему, преследуя свои частные интересы, галицкие бояре, в ущерб князьям и земщине, разделились на партии, враждебные друг другу, и каждая партия стала поддерживать себя стороннею помощью или какого-либо русского князя, или венгерского короля, или польского; и когда одна партия при такой поддержке торжествовала и сажала на галицкий престол своего союзника, то другая спешила отыскивать неприятелей этому союзнику, и при помощи их начинала войну, и, в случае успеха, сажала на престол кого-либо из своих союзников. Необходимым следствием такой неурядицы было то, что голос галицкого вече, прежде сильный даже против Ярослава Осмомысла, теперь потерял свое значение; народ, не имея средств противиться могущественным боярским фамилиям, поддерживаемым чужеземцами, сделался безгласным. Каждый новый князь, опираясь на свою партию, стал гнать противные партии, придерживаясь пословицы: *«Не подавивши пчел меда не съестъ»*. Конечно, чрез-

мерное гонение почти всегда вызывало отпор, князя прогоняли; но от этого нисколько не выигрывала самостоятельность земщины, а напротив, она раз от раза падала ниже; ибо как гонение преимущественно делалось на одну партию, так и отпор производила только одна партия, голос же целого народа не высказывался. И отсюда необходимо вытекало то, что в Галиче, точно так же, как в Киеве, рядом с падением земщины падала и сила князей. И ежели Галич до татар не был обращен в провинцию какого-либо соседнего князя или короля, то это, так же как и в Киеве, происходило оттого, что Галич по своему богатству был завидною добычею для всех соседей, которые препятствовали друг другу завладеть такою добычею, а препятствовать завладению тем было удобнее, что галицкие бояре, имея свои довольно сильные полки, при своем разделении на партии всегда были готовы поддерживать противников того, кто бы завладел Галичем. Так, на другой же год по смерти Ярослава Осмомысла одна партия бояр совокупила свои полки и целовала крест против своего князя Владимира Ярославича в

пользу волынского князя Романа Мстиславича; потом когда венгерский король при помощи своей партии в том же году занял Галич и посадил там своего сына, то противная венграм партия опять обратилась к Роману Волынскому; а когда Роман на этот раз не имел успеха, то вызвала потомка старых галицких князей, Берладникова сына Ростислава. А когда и сей не мог успеть, то присоединилась к выгнанному своему князю Владимиру Ярославичу и при помощи поляков выгнала венгерского королевича и передала Галич Владимиру. Таким же образом галицкие бояре постоянно поступали и в последующее время, не давая утвердиться в Галиче ни одному княжескому дому и дошли до того, что, например, прямо говорили Мстиславу Удалому: «Ты не можешь держать Галича за собою, бояре этого не хотят, не хотят и Даниила». И Мстислав волей или неволей должен был отдать Галич своему зятю, королевичу венгерскому, которого хотели тогда бояре.

Напротив того, те земщины, в которых успел утвердиться какой-либо княжеский дом, в качестве отчинных князей, во время

Суздальщины получили сильное значение, какого значения не имела киевская земщина в самое цветущее свое время. Таковыми сильными земщинами были земщины суздальская, рязанская, смоленская и полотская.

Земщина суздальская и ростовская, прежде почти неизвестная, подчиненная княжим посадникам, присылаемым из Киева или Переяславля, и не имевшая никакого голоса в междукняжеских отношениях, с утверждением Юрия Долгорукого в тамошнем краю так возвысилась, что при Андрее Боголюбском сделалась одною из первых земщин на Руси и держала у себя князей не иначе, как по вольному избранию. Так, по смерти же Юрия суздальская и ростовская земщина избрала себе в князя старшего Юриева сына Андрея Боголюбского наперекор распоряжению Юрия, который хотел, чтобы там княжили его младшие сыновья. По смерти Боголюбского ростовцы, суздальцы и владимирцы вольными голосами выбрали себе в князя племянников Андреевых Мстислава и Ярополка Ростиславичей. Потом когда Ростиславичи стали плохо управлять, то владимирцы

собрали вече и прямо сказали: «Мы по своей воле избрали князей и целовали им крест, а они пустошат нашу землю, как бы не думая оставаться в ней князьями». И вслед за тем послали звать себе в князья Михаила Юрьевича и, несмотря на сопротивление ростовцев, поддерживавших Ростиславичей наперекор владимирцам, посадили в князья Михаила, а по смерти его выбрали в князья его брата Всеволода Юрьевича и, целовавши крест на него и на его детей, посадили его на владимирском престоле; тогда как ростовцы и большая часть бояр всего Суздальского края пригласили в князья недавно изгнанного Мстислава Ростиславича. И вследствие этого началась небывалая на Руси война земщины с земщиною из-за того, чтобы посадить своего князя, и война самая упорная, замечательная особенно потому, что с обеих сторон главными действующими были земцы, а не князья и их дружины. В этой войне земцы даже нередко противоречили своим князьям, за которых сражались; так, когда Мстислав Ростиславич соглашался на предложение Всеволода Юрьевича поделить суздальские владения

мирно, то ростовцы и бояре прямо сказали ему: «Ежели ты дашь мир Всеволоду, то мы не дадим». Или владимирская земщина, победив ростовцев и Мстислава, на третий же день восстала на своего князя Всеволода Юрьевича с требованием, чтобы он казнил взятых в плен ростовцев; в летописи прямо сказано: «На третий день был великий мятеж в городе Владимире, восстали бояре и купцы, говоря: “Княже! Мы тебе добра хотим и за тебя головы свои складываем, а ты держишь врагов своих просто, а се враги твои и наши суздальцы и ростовцы, либо казни их, либо слепи, или отдай нам”». По смерти Всеволода сын его Ярослав, получивши по отцовскому распоряжению Переяславль-Суздальский, утвердился на этом княжестве не иначе, как по согласию с тамошней земщиной; в летописи сказано: «Ярослав, приехавши в Переяславль, созвал Переяславцев к церкви Святого Спаса и сказал им: “Братия переяславцы, вот отец мой отошел к Богу, а вас отдал мне, а меня вам дал на руки; скажите, братия, хотите ли меня иметь у себя, как имели отца моего, и сложить за меня свои головы”. И отвечали пе-

реяславцы: “Очень, господине, да будет так, ты наш господин, ты наш Всеволод”». А когда началась вслед за тем война между Константином Ростовским и Юрием Владимирским, то ростовцы поднялись биться за своего князя и вместе с новгородцами и смольнянами добыли ему Владимир. Вообще в Суздальско-Ростовском крае князья и земщина дружно шли вперед и, взаимным доверием поддерживая друг друга, достигли того, что Суздальско-Ростовское владение сделалось первенствующим и сильнейшим между всеми русскими владениями того времени.

Соседняя суздальской земщина рязанско-муромская, уже более ста лет имевшая своих отчинных князей из племени Ярослава Святославича, в продолжение этого времени приобрела огромное значение в делах Рязанско-Муромского края. Она не только заодно с княжескою дружиною участвовала во всех междукняжеских войнах; но действовала самостоятельно даже тогда, когда по какому-либо случаю тамошние князья не могли действовать сами. Так, еще при Юрии Долгоруком в 1154 году, когда он выгнал из Рязани та-

мошнего князя Ростислава и посадил там сына своего Андрея, то рязанцы тайно подвели Ростислава с половцами ночью, так что Андрей едва успел убежать об одном сапоге, а дружину его частью избили, частью потопили в реке, а частью зарыли живых в землю. Или когда Глеб и Роман, князья рязанские, разбитые Всеволодом Суздальским на Прусковой горе, были отведены в плен во Владимир и Всеволод прислал к рязанцам требование, чтобы они выдали ему Ярополка Ростиславича, бывшего прежде князем Владимирским, грозя в случае отказа войною; то рязанцы на общем своем вече, сказавши так: «Князь наш и братья наши погибли», поехали на Воронеж, взяли там Ярополка, отвезли во Владимир и отдали Всеволоду. Или во время нашествия Всеволода Владимирского на рязанские владения в 1207 году, когда пронский князь Кир-Михаил бежал в Чернигов, то проняне выбрали себе в князья Изяслава Владимировича, и три недели бились против огромной рати Всеволода и, только когда у них была отнята вода, вступили в переговоры с Всеволодом, и согласились принять от него князя

Олега Владимировича. Вслед за тем Всеволод Владимирский, предводительствуя огромным войском, принудил рязанцев, чтобы они выдали ему своих князей и приняли себе в князя его сына Ярослава; но когда Ярослав, сидя в Рязани, стал поступать не по рязанским обычаям, то рязанцы перехватили его бояр и слуг, иных засадили по погребам, иных повесили и стали сноситься с пронскими князьями, чтобы выдать им самого Ярослава. Впрочем, этот замысел им не удался: осторожный Ярослав успел вовремя уведомить отца своего, и тот с большою ратью явился под Рязанью, отвел рязанцев пленниками во Владимир, а Рязанскую землю страшно опустошил. Тем не менее рязанские земцы, спасшиеся от плена, в тот же год с князьями Изяславом Владимировичем и Кир-Михаилом мстили Всеволоду опустошением окрестностей Москвы, и хотя были разбиты Всеволодовым сыном Юрием, однако Всеволод оставил их в покое и не решился предпринимать нового похода в Рязанскую землю. А по смерти Всеволода сын его Юрий отпустил всех рязанских пленников, бывших в Суздальской земле, и

заключал с рязанскими князьями мир и союз. Таким образом, рязанская земщина при всех неудачах своих и при всех происках Всеволода Владимировского успела отстоять свою независимость; даже тогда, когда тамошние князья большею частью были побиты или отведены в плен, она даже не задумалась восстать на Всеволодова посаженника Ярослава, когда он стал править не по рязанским обычаям.

Рязанская и Муромская земли в это время были довольно обширны; они на севере простирались за Окой, сходились с Суздальскою землею, на западе граничили с Черниговскими владениями в земле вятичей, на юге и востоке, по рекам Воронежу, Хопру и Великой Вороне, далеко углублялись в половецкие степи. Главным, старшим городом Рязанской земли был Муром, древнейшая новгородская колония в тамошнем краю и, конечно, родоначальник всех тамошних славянских городов и поселений; он находился в самых северо-восточных пределах тамошнего края, на Оке, в соседстве с мещерою, мордвою и волжскими болгарами; за Муромом следовали по старшинству Рязань, в середине края, и

Пронск на юго-запад от Рязани. Каждый из сих трех городов имел своих старших князей из племени Ярослава Святославича Черниговского, которые держали своих младших князей по пригородам. Князья сии по родству должны бы были быть в постоянном союзе с черниговскими князьями; но, находясь почти в постоянной вражде между собою, они делились на партии, и одна партия держалась союза с черниговскими князьями, другая с смоленскими, а третья с суздальскими. И как суздальские князья были ближайшими соседями, то они, покровительствуя своей партии рязанских князей, умели устроить дела так, что почти постоянно имели огромное влияние на рязанских и особенно на муромских князей. Впрочем, суздальское влияние ограничивалось только князьями. Рязанская же земщина была в постоянной вражде с суздальским преобладанием, и у суздальских летописцев рязанцы назывались не иначе как людьми гордыми, были непокоримыми и своеобразными. И действительно, будучи старыми колонистами новгородскими, рязанцы много удержали из новгородских обычаев и

не терпели чужой власти. У них и власть своих князей была сильно ограничена земскими боярами, которые были очень сильны большими поземельными владениями, в которых имели не только села, но и города; так, например, город Деделов, по всему вероятно, был собственностью того знаменитого боярина Дедильца, который от рязанского князя Глеба был послом во Владимире и присоветовал суздальцам, по смерти Боголюбского, избрать себе в князья Ростиславичей, шурьев Глебовых. Да и вообще рязанская земщина в своих отношениях к князьям много походила на новгородскую земщину: городские общины в Рязанском краю не всегда слушали княжих посадников и других начальников, рассылаемых по городам. Так, в летописях под 1210 годом упоминается, что в Кадоме был убит рязанский тысяцкий Матвей Андреевич, или еще прежде, в 1135 году, в самой Рязани был убит тысяцкий Иван Андреевич, по прозванию Долгий, или в 1155 году в Белгороде Рязанском был убит тысяцкий Андрей Глебов. Об ограниченности княжеской власти в Рязани свидетельствует и жалованная грамота,

данная Ольгову монастырю, в которой сказано, что когда князья Ингвар, Олег и Юрий отдавали в Ольгов монастырь пять погостов с 1010 семьями, то при этом присутствовали 300 бояр и 600 мужей, которые и записаны в грамоте; следовательно, князья одни, без согласия бояр и мужей, не могли означенных пяти погостов отдать в монастырь. Впрочем, вообще мы мало имеем известий об устройстве общества в Рязанской и Муромской землях, знаем только, что летописи почти одинаково отзываются о рязанцах, как и о новгородцах; а новгородцы в это время были известны своею неуступчивостью и развитием самоуправления.

Соседи Суздальской земли на западе, смольняне, тоже старые колонисты Новгорода, с Ростислава Мстиславича получившие отчинных князей в его племени, с тем вместе приобрели и более твердое положение своей земщины и большее участие в делах между княжеских. Уже Ростислав, когда его приглашали в Киев по смерти Юрия Долгорукого, посылал туда наперед себя от смольнян мужа Ивана Ручечника и от новгородцев Якуна до-

говариваться с приглашавшими князьями и киевлянами о том, на каких условиях они принимают его в киевские князья и будут ли ему послушны во всем. Эта посылка земцев, а не дружинников прямо показывает на сильное участие земщины в делах княжеских: здесь Ростислав принимает киевский стол, явно с согласия смолян и новгородцев; он считает для себя одинаково нужным как согласие князей и киевлян, приглашавших его в Киев, так и земцев новгородских и смоленских, отпускавших его на киевский престол. Следовательно, и, уезжая княжить в Киев, Ростислав дорожил еще расположением смолян и, так сказать, не хотел разрывать своей связи с Смоленском; и действительно, эта связь не разорвалась с отъездом Ростислава в Киев, смоляне усердно помогали ему в первой же войне с Изяславом Давыдовичем. А когда Ростислав в последний год своей жизни проезжал через Смоленские владения на пути своем из Киева в Новгород, то его выехали встречать лучшие смоляне за 300 верст, а потом вышел к нему навстречу едва не весь Смоленск, и все принимали его с большою ра-

достно и великими дарами, как первого своего отчинного князя, народного любимца, умевшего не нарушать прав земщины. Но смоленские земцы, крепко любившие князей, поступавших по обычаям смоленским, т. е. уважавших права земщины, являлись непреклонными, как скоро князья оказывали неуважение к народным правам. Так, Ростиславов сын Роман когда по воле Андрея Боголюбского занял Киев и, не посоветовавшись с смоленскою земщиною, дал Смоленск своему сыну Ярополку, то смольняне выгнали от себя Ярополка и посадили в смоленские князья Романа брата, знаменитого защитника народных прав, Мстислава Ростиславича. Впрочем, изгнание Ярополка не рассорило смольнян с детьми первого их отчинного князя, любимого народом Ростислава: они через два года признали своим князем Романа, когда тот по обстоятельствам принужден был оставить Киев и возвратиться в Смоленск; а по смерти Романа с радостью приняли брата его Давыда и все вместе с своим епископом и духовенством вышли встречать его. Но те же самые смольняне, которые так радушно встречали

Давыда, в 1185 году, когда пришли с ним на помощь к Киеву против половцев, наотрез отказали киевскому князю, требовавшему, чтобы смоленские полки переправились через Днепр, на помощь к Переяславлю, и, составивши вече, дали такой ответ: «Мы пошли из Смоленска только до Киева, и ежели нужно бы было драться с половцами под Киевом, то бились бы; а искать другой рати не можем, мы устали». И после такового ответа пошли с своим князем назад в Смоленск, и Давыд не мог остановить их; мало этого, воротившись в Смоленск, по свидетельству Новгородской летописи, он нашел смольнян в восстании против себя; летопись говорит: «Встань бысть в Смоленске промежи князем Давыдом и смольняны, и много голов паде лучших муж». Давыд, очевидно, утишил это восстание и остался княжить в Смоленске; но он после этого, кажется, уже не пользовался прежним расположением смоленской земщины, как это прямо свидетельствует Святослав Ольгович в письме к дяде своему Ярославу Черниговскому; он в 1195 году, побуждая Ярослава идти на Смоленск, пишет так: «Я уже разбил

смоленский полк Давыда, и захваченные в плен смольняне рассказывают, что их братья недобре живут с Давыдом. А не опускай такого хорошего для тебя случая». Давыд Ростиславич скончался в 1197 году, по смерти его следовали на смоленском престоле друг за другом: Мстислав Романович и Владимир Рюрикович, племянники Давыдовы, а за ними сын его Мстислав. Об отношениях к ним смоленской земщины мы не имеем никаких известий; но постоянная связь смольнян с новгородцами, сходство характера между ними и предшествовавшие отношения к Ростиславу, Роману и Давыду дают право думать, что отношения сии не изменялись, что смоленские земцы и по смерти Давыда продолжали принимать участие в делах мира и войны у своих князей, что князья смоленские и воевали, и мирились по согласию с своею земщиною. Как мы действительно и видим, когда Мстислав Мстиславич Новгородский в войне с Ярославом и Юрием Суздальскими пригласил к себе в союз Владимира Рюриковича Смоленского, то с Владимиром пришли и смоленские земцы своим полком, и в описании этой вой-

ны летопись прямо приравнивает смолян к новгородцам: «А мужи новгородцы и смоляны дерзи суть и боеви». Да и на самом деле в Липицком бою новгородцы и смоляны действовали одинаково: и те и другие первые бросились в битву, пешие, снимав с себя верхнее платье и сапоги. Об участии земцев в делах мира свидетельствует договорная грамота Мстислава Давыдовича с Ригию и Готским берегом; в этой грамоте прямо сказано, что для переговоров о мире князь посылал в Ригу от смолян попа Еремея и сотского Пантелея, а еще прежде сих послов вел переговоры с немцами Тумаш Смольнянин.

Но со смертью Мстислава Давыдовича, кажется, изменились отношения смолян к потомству Ростислава Мстиславича, и смоленская земщина едва ли не хотела остаться без князя или, подобно Новгороду, не думала ли иметь у себя выборных князей из других княжеских домов. Ибо на другой год по смерти Мстислава Давыдовича, мы имеем в летописи известие, что Святослав Мстиславич, внук Романа Ростиславича, при помощи полочан взял Смоленск на щит, иссек смолян

и сел на тамошнем княжеском столе. Потом через шесть лет, по взятии Смоленска Святославом, мы еще имеем известие, что Ярослав Всеволодович Суздальский приходил в Смоленск на Литву, победил Литву, взял их князя, урядил смольнян и посадил им в князья Всеволода Мстиславича, родного брата Святославу, а сам со множеством полона и великою честью возвратился домой. Это последнее известие, кажется, намекает на то, что Святослав, насильно занявший Смоленск и страшно опустошивший его, был вытеснен оттуда смоленскою земщиною и, вероятно бежавший оттуда в Полотск, снова подступил к Смоленску с Литвою; и смольняне, чтобы отбить его, пригласили к себе на помощь Ярослава Суздальского, который и разбил Литву, взял Святослава в плен, а смольнян уговорил принять Всеволода.

Соседи смольнян на западе, полочане, еще со времени Владимира Святого имели уже отдельного отчинного князя Изяслава Владимировича, потомки которого почти постоянно оставались отчинными полотскими князьями. Временное изгнание Изяславовых потом-

ков при Мстиславе Великом и присоединение Полотских владений к Киевским при преемнике же Мстислава, его брате Ярополке, кончилось тем, что потомки Изяслава опять воротились в Полотск и по воле тамошней земщины снова сделались отдельными полотскими князьями. При сих князьях, возвращенных волею и стараниями народа, земщина в Полотске получила такую силу, какой она не имела ни в одном русском княжестве, выключая Новгород. Впрочем, отношения полотской и новгородской земщины к своим князьям были неодинаковы; конечно, и в Полотске и в Новгороде князья были выборные: но новгородцы выбирали себе князей из целого потомства варяга Рюрика, полочане же только из племени Изяслава Владимировича. При том же князья избираемые Новгородом обыкновенно имели какие-либо отчинные владения в других княжествах Руси, куда они и удалялись, не поладив с новгородцами. Полотские же князья не имели никаких других владений, кроме полотских, их отчиною была только Полотская земля. Поэтому они, чтобы не остаться князьями без владений, должны

были волею-неволею или соглашаться на все требования своей земщины, или искать себе покровительства у соседних князей, или держаться полудикой Литвы, в земле которой хотя и были рассыпаны полотские и кривские колонии, но народ еще не везде был ославянен и жил по своим обычаям, особенно в глухих лесах и пущах. И князья действительно прибегали к тому, и другому, и третьему средству.

Мы уже видели, что в 1154 году полочане, недовольные своим князем Рогволодом Борисовичем, схватили его и отослали в Минск к его двоюродному брату Ростиславу Глебовичу, и посадили у себя князем этого Ростислава. Рогволод, содержащийся в Минске узником, успел убежать к Святославу Ольговичу Новгород-Северскому и при его помощи в 1159 году занял пограничный город Слуцк и оттуда стал сноситься с дручанами, которые, кажется, и подняли его искать волости, обещая содействие и свое, и полочан. Дручане, получивши от Рогволода весть о занятии Слуцка, сказали ему: «Княже! Не мешкай, мы рады тебе, поезжай, и будем за тебя биться и

с детьми». И когда Рогволод по такому зову двинулся из Слуцка, то вышли к нему навстречу 300 лодий дручан и полочан и ввели его в Друцк, а тамошнего князя, Ростислава сына Глеба, выгнали и сами разграбили его двор и дружину. Вслед за тем и полочане поднялись на своего князя; но Ростислав на первый раз подарками успел остановить восстание и привел полочан ко кресту. Впрочем, примирение было не искреннее: спустя несколько времени полочане стали ссылаться с Рогволодом и прислали сказать ему: «Князь наш! Мы согрешили к тебе и к Богу, что прежде восстали на тебя без вины, разграбили имение твое и твоей дружины, а тебя самого выдали Глебовичам на великую муку; и ежели ты не вспомнешь всего того, что мы сделали с тобою в безумье, и поцелуешь к нам крест, то мы твои люди, а ты наш князь, а Ростислава выдадим тебе в руки, делай с ним что хочешь». Рогволод, разумеется, поцеловал крест и обещался не поминать старого. Ростислав же, прождавши, что полочане ищут схватить его, бежал с дружиною в Минск; и полочане послали за Рогволодом в

Друцк и посадили его у себя князем, потом, собравши войско, повели его к Минску выгнать Ростислава. В пособие к полочанам Рогволод выпросил помощь у Ростислава Смоленского; по дороге к Минску Рогволод успел отнять Изяславль у Ростиславова брата Всеволода; но под Минском не имел полного успеха и, простояв десять дней, принужден был заключить мир, причем все целовали крест друг к другу, не целовал креста только Ростиславов брат Володарь, убежавший в литовские леса искать себе помощников.

При таком порядке Полотская земля во время Суздальщины сделалась просторным поприщем народных волнений и деятельного вмешательства соседних русских князей и Литвы. Рогволод еще два раза ходил неудачно на Ростислава к Минску, потом в третий раз, разбитый под Городцем Ростиславовым братом Володарем, набравшим себе полки Литвы, уже не осмелился воротиться в Полотск, боясь тамошней земщины, и ушел в Друцк. Полочане, очевидно недовольные им, посадили себе в князя Всеслава Васильковича, троюродного племянника Рогволоду. Этот новый

князь, посаженник народа, княжил спокойно пять лет и в это время женился на дочери Романа Смоленского; потом Володарь Глебович, успевший при помощи литвы разбить Рогволода под Городцем, на шестом году повел литву к Полотску выпроваживать Всеслава. Полочане, как и следовало, стали за своего посаженника; но, разбитые Володарем, принуждены были признать Володаря своим князем и целовать к нему крест, впрочем, не надолго. За Всеслава вступились князья смоленские; и Володарь, принужденный бежать от Витебска, уже не смел воротиться в Полотск, куда опять прибыл Всеслав и был принят земщиною. Вместе с Всеславом Полотская земля поступила под покровительство смоленских князей. И когда Мстислав Ростиславич с новгородцами шел воевать в Полотских владениях, то Роман Ростиславич Смоленский заступился за своего зятя Всеслава и за полочан и уговорил Мстислава с новгородцами воротиться назад. Но по смерти Романа полотские князья Всеслав и Брячислав Васильковичи и еще четверо их союзников отступили от союза с Смоленском и передались черниговским

князьям и во время их войны с смоленскими князьями привели к ним на помощь литву и ливь; с смоленскими же князьями соединился Глеб Рогволодович Друцкий, которого отец, как мы уже видели, был прежде под покровительством черниговских и новгород-северских князей. Этот переход полотских князей к черниговским лет через пять (именно в 1186 году) произвел войну Давыда Смоленского с полотскими князьями. Давыд вооружил смольнян и новгородцев и, соединившись с двумя полотскими князьями – своими союзниками, пошел на Полотскую землю; тогда полотская земщина мимо своих князей отправилась на границу, и, не допустив Давыда вступить в свою землю, приняла его с честью и дарами, и заключила мир, конечно обещая держаться смоленских князей, а не черниговских. Впрочем, в войне Рюрика Киевского и Давыда Смоленского с черниговским князем Ярославом, в 1195 году, полотские князья опять были на стороне черниговских. Но потом в договорной грамоте Мстислава Давыдовича с Ригю и Готским берегом, писанной в 1229 году, Полотск и Витебск являются уже в

зависимости от смоленского князя, хотя еще имеют и своих князей; Мстислав в заключение этой грамоты пишет, что по этой грамоте немецкие купцы будут пользоваться покровительством как в смоленской, так равным образом в полотской и витебской областях. А в 1232 году Святослав Мстиславич, внук Романов, по смерти Мстислава Давыдовича занял Смоленск при помощи полочан, — следовательно, полочане имели уже его своим князем.

Таким образом, вольная полотская земщина в междоусобиях потеряла своих отчинных князей, и подчинилась чужим князьям смоленским, и стала воевать за них против смольнян же. Но мало этого, она в междоусобиях и ссорах с своими князьями потеряла влияние на свои колонии по Двине и Неману. Колонии сии с одной стороны по Двине в ее низовьях подчинились немцам, утвердившимся в Риге в 1200 году и в продолжение каких-либо десяти лет успевшим оттеснить или подчинить себе удельных полотских князей, владевших городами по низовьям Двины; а с другой стороны, колонии по Неману и его

притокам были отхвачены полудикою литвою, которая сперва сама укрывалась в лесах, а потом стала укрывать у себя полотских князей. Полотские князья в первый раз укрывались в литовских лесах от Мстислава Великого и поднимали и водили на него литву; а потом стали собирать литовские полки на свою же братью на полотских князей и на полочан и тем сами же указали литовцам, как воевать с полочанами и другими русскими соседями. И таким образом, литовцы во второй половине XII столетия сделались страшными грабителями всех соседних русских владений, и не только уже не боялись прежде грозных для них полочан, но и стали сажать на полотский престол князей, искавших их помощи, и мало-помалу завладели всеми полотскими колониями по Неману и его притокам и посажали в тамошних городах или своих князей, или полотских же своих союзников, так что к концу XII века полочане для защиты от литовцев, предводительствуемых частью своими племенными князьями и частью изгнанными полотскими князьями, должны были искать защиты у смоленских князей; а наконец в XIII

столетии и смоленских князей вместе с полочанами, в 1225 и 1239 годах, должен был защищать от литвы Ярослав Всеволодович, князь Владимира Суздальского.

Мимо отношений княжеских общественное устройство Русской земли во время Суздальщины в основных своих чертах оставалось более или менее в прежнем виде. Собственно, в земских делах русское общество по-прежнему управлялось своими выборными начальниками; по-прежнему важнейшие дела решались вече или народным собранием, в котором имели право участвовать все члены общества; по-прежнему города были центрами областей, и к ним тянули все другие виды поселений, так что распоряжения, сделанные городом, были обязательны для всех погостов или волостей, лежащих в пределах той земли, которая тянет к городу; по-прежнему не было еще забыто отношение городов к пригородам. Но во время Суздальщины в большей части русских владений это отношение стало ослабевать, пригороды в это время уже не всегда повиновались своим старшим городам; впрочем, старшие города

еще не позабыли своих прав и продолжали по мере возможности поддерживать свои притязания и даже иногда вступали в борьбу с своими пригородами, опираясь на общий старый закон на Руси, по которому все власти, как на думу, на вече сходятся и на чем старшие сдумают, на том и пригороды станут; и сами пригороды продолжали еще признавать права старших городов и в случае надобности относиться к ним за советами и за помощью. Так, например, в 1176 году владимирцы, недовольные плохим управлением своего князя Ярополка Ростиславича, послали с жалобой к ростовцам и суздальцам как жителям старших городов, объявляя им свою обиду.

Начинающемуся изменению отношений между старшими городами и пригородами много способствовал новый порядок, утвердившийся во время Суздальщины, по которому князья стали заботиться о том, чтобы постоянно удерживать за собою свои отчинные владения и по возможности усиливать их. При этом порядке князья, естественно, мало думали о том, в старшем ли городе они живут

или в пригороде; для них даже пригород, не имевший ни какого авторитета, казался удобнее, чем старший город, пользовавшийся большим земским значением. Это направление всего яснее выказали князья суздальские, они, начиная с Андрея Боголюбского, постоянно старались держаться во Владимире, суздальском пригороде, а не в старших городах Суздале и Ростове. И Андрей же Боголюбский так успел возвысить и усилить Владимир, что он действительно сделался первым городом во всей суздальской и ростовской стороне. И хотя владимирцы еще называли себя младшими низинными пред ростовцами и суздальцами; но когда по смерти Андрея ростовцы и суздальцы, как старшие, вздумали руководить при избрании преемника Андрею, то владимирцы отказались повиноваться им и, выбравши себе в князья Михаила Юрьевича, семь недель бились с ростовцами, защищая избранного князя. И летопись прямо говорит, что владимирцы бились не против князей, предлагаемых ростовцами, но, собственно, не желая покориться ростовцам, которые хвалились так: «Пожжем Владимир или посадника

в нем посадим, это наши холопы каменщички». То же было по смерти Михаила: владимирцы выбрали себе Михайлова брата Всеволода, а ростовцы призвали из Новгорода Мстислава Ростиславича и пошли войною на Всеволода и владимирцев; Липецкая битва кончила спор в пользу Всеволода и владимирцев, и с тех пор пригород Владимир получил окончательно первенство перед старшими городами Ростовом и Суздадем; так что после 37-летнего княжества Всеволода, когда между его сыновьями начались междоусобия, то ростовский князь Константин Всеволодович, победивши владимирского князя Юрия Всеволодовича и сделавшись старшим князем во всей Суздальско-Ростовской земле, не остался в Ростове, а утвердился во Владимире.

Старания князей постоянно удерживать за собою свои отчинные владения, сообщивши земщине большое значение в междукняжеских отношениях, естественно должны были вызвать заботы князей о поддержании доброго расположения земщины к князю, а это расположение, конечно, могло приобретаться и

поддерживаться не чем иным, как соблюдением старых земских прав и порядков. Таким образом, хотя власть князей значительно усилилась от более тесного сближения с земщиною; но она по-прежнему еще не нарушала прав земщины, и все земские порядки велись по-старому. Так, князья, по искони заведенному порядку, начиная с осени в продолжение всей зимы сами объезжали свои области для чинения суда и управы, что по-тогдашнему называлось полюдьем. Об этом полюдье мы еще встречаем известия в летописях; например, под 1190 годом летопись говорит, что Всеволод Юрьевич 8 февраля был в полюдье в Переяславле, где у него в то время родился и сын Феодор, а 25 февраля того же года Всеволод был в полюдье уже в Ростове. Рождение Всеволодова сына во время полюдья в Переяславле показывает, что князь, по старому обычаю, ездил в полюдье со своим семейством. Князьям по-прежнему выделялись особые области на содержание дружинников и вообще на поддержание княжеской власти; так, под 1240 годом стольник князя Даниила Романовича говорит боярину Доброславу, что вели-

кие князи держат за собою Коломыйскую область на раздавание оружникам. Да и вообще князья в это время раздавали своим дружинникам земли в поместное владение из тех только областей, которые уступались земщиною на князя, точно так же, как это было и в прежнее время; но, естественно, удержание князьями за собою одних и тех же владений, как бы по наследству, незаметно вело к большему развитию княжеской власти над землями, уступленными князю земщиною. Но тем не менее земли сии не составляли личной собственности князей, а составляли только неотъемлемую принадлежность княжеской власти. Для приобретения же личной земельной собственности князья употребляли те же средства, как и частные люди, т. е. покупку, дарение, получение по наследству, расчистку пустующих земель и диких лесов, никому не принадлежащих; но такие земли, составлявшие частную собственность князя, нисколько не отличались от земель других частных собственников: на них лежали те же подати и повинности в казну, как и на землях других частных собственников. Строи-

ли князь на своих частных землях города или села, это нисколько не изменяло характера частной собственности сих земель; жители таковых городов и сел платили князю оброк и работали на него как на собственника земли, на которой они живут, по взаимному согласию, точно так же, как это было и у других частных собственников, и в то же время платили дани и отправляли разные общественные повинности по общей земской раскладке. Решительно частная земельная собственность князя в это время ничем не отличалась от другой какой частной собственности и не имела никаких привилегий. Владимир Василькович, князь Волынский, в своем завещании пишет: «Дал есмь княгине своей по своему животе, город свой Кобрынъ, и с людьми и с данью, как при мне давали, так и по мне дают моей княгине; дал также ей село свое Городень и с мытом, и люди как на меня работали, так и на княгиню по моем животе. А ежели нужно будет князю городские укрепления строить, то и они тянут в эту постройку, а равно платят князю поборы. А село Березовичи, которое я купил у Федора Давыдовича Юрье-

вича, а дал за него 50 гривен кун, 5 локоть скорлата, да дощатые брони, а дал сие село церкви Св. Апостол».

Управляли князья городами и областями по-прежнему через своих посадников, которые обыкновенно назначались из дружины; так, летопись под 1176 годом говорит о Мстиславе и Ярополке Ростиславичах, что они во время княжения своего в земле Ростовской раздавали по городам посадничество русским детским, т. е. дружинникам, приведенным из Приднепровья. Кроме посадников от князей посылались по городам и волостям тиуны как для чинения суда и управы от имени князя, так и по другим княжеским поручениям. Но ни посадники, ни тиуны не могли судить и распоряжаться одни; они были только представителями княжеской стороны, но в то же время на суде и в распоряжениях была и сторона земская в лице своих старост и выборных добрых людей. Так, относительно суда прямо свидетельствует договорная грамота Мстислава Давыдовича Смоленского с Ригою и Готским берегом 1229 года, в которой сказано: «Ежели какое судное дело окончено будет

В Смоленске между Русью и Латинским языком, пред судьями и пред добрыми людьми; то этого дела не всчинать ни в Риге, ни на Готском берегу». Мало этого, к гражданину даже нельзя было приставить пристава для вызова в суд, не объявивши наперед старосте, на что указывает та же Мстиславова грамота, о чем мы увидим подробные свидетельства впоследствии. Вообще общинное земское устройство в это время так было сильно, что община была в круговой поруке за своих членов и члена общины нельзя было взять без согласия общины или без позволения выборных старост. Княжий или посадничий детский или пристав даже не мог без позволения общины править долгов, причем община могла не допускать пристава и принять платеж долга на себя; так, в Мстиславовой грамоте сказано: «Ежели русский не захочет платить долга латинину, то латинин должен просить детского у тиуна, чтобы доправил долг. А ежели смольняне не дадут воли детскому, то должны сами платить взыскиваемый долг». Та же грамота так говорит о круговой поруке общины по своем члене: «Ежели волочанин

возьмет у латинина везти товар через Волок, и что погибнет из сего товара, то за это должны платить все волочане, т. е. вся община волочанских перевозчиков».

Но ежели бы при всем этом посадники и тиуны стали отягощать земцев, как это свидетельствует летопись о посадниках, посаженных Мстиславом и Ярополком Ростиславичами в земле Ростовско-Суздальской, то общество или земщина обращалась с жалобами к князю или к земщине старого города, ежели таковые посадники и тиуны оказывались в пригороде. И князь, получивши жалобу или узнавши о неудовольствии и волнении земщины против посадников и разобравши дело, сменял посадников и описывал то, что они пограбили; так, в летописи под 1240 годом сказано о Данииле Романовиче, «что он послал печатника своего Кирилла в Бакоту исписать грабительства нечестивых бояр, и тем утишил землю». Ежели же князь потворствовал своим посадникам и не сменял их, то земщина восставала на самого князя; так, например, владимирцы, притесняемые посадниками Ростиславичей, в 1176 году, вероятно по-

сле без успешных жалоб князьям, обратились с жалобами к старшим своим земцам – ростовцам и суздальцам; а когда не получили и от них удовлетворения, то восстали на своих князей, и, пригласивши князя Михаила Юрьевича, принудили их бежать из Владимира, и потом вместе с Михаилом и Всеволодом, разбивши Ростиславичей с ростовцами и суздальцами, объявили Михаила князем всей Суздальской земли. Да иначе не могло и быть при твердом общинном устройстве тогдашней земщины, которая могла сносить обиды до времени, но ежели когда подавала свой голос, то голос этот там, где земщина еще не потеряла своего значения, всегда имел силу, и князья не оставляли его без внимания. Даже в приведенном примере 1176 года, очевидно, Ростиславичи потому только не уважили просьбы владимирской земщины о смене неудобных посадников, что надеялись на помощь ростовской и суздальской земщины, которая была с ними заодно против владимирцев.

При двойной и дружной заботе со стороны князя и земщины об устройстве общества и о

сохранения мира и порядка те владения Руси, где князья и земщина действовали согласно, росли и развивались с заметным успехом. Время Суздальщины особенно было благоприятно для развития городов, для увеличения их торговли и умножения народонаселения; так, в это время города Ростовско-Суздальской земли Владимир, Ростов, Ярославль, Суздаль, Переяславль-Залесский значительно поднялись и более или менее сравнялись с лучшими городами Приднепровья. Так, летописи свидетельствуют, что при Андрее Боголюбском Владимир уже посещали торговые гости греческие из Константинополя, латинские из разных земель Западной Европы, гости разных княжений русских, также гости соседней Волжской Болгарии и жидаы. О населенности Владимира можно заключать по исчислению церквей, погоревших в тот или другой пожар во Владимире; так, по свидетельству летописей, в 1185 году сгорело во Владимире 32 церкви, причем сказано: «Погорел едва не весь город», или в 1227 году там же сгорело 17 церквей и едва не весь город. В других владениях тогдашней Руси мы имеем

свидетельство летописи о значительной населенности Смоленска; под 1230 годом летопись говорит, что во время сильного мора, бывшего тогда в Смоленске, было построено четыре скудельницы, в которых похоронили 32 тысячи человек. В том же году, по свидетельству летописей, в Новгороде похоронили 3030 человек в одной скудельнице, потом построили еще две скудельницы и те наполнили без числа. Это значительное число умерших ясно говорит о большой населенности помянутых городов. Галич, Владимир-Волынский, Полотск, Чернигов, Киев, Новгород-Северский и многие другие города, судя по указаниям летописей, также имели значительное население.

Конечно, население каждого из сих городов, начиная с Владимира Суздальского и Смоленска, не могло равняться с населением Киева при первых преемниках Ярослава, когда там было более 600 церквей; но тогда Киев был главным центром, куда стекались жители со всех краев Русской земли; во время же Суздальщины главного центра уже не было, а явилось несколько частных центров в

разных краях, и народонаселение распределилось равномернее по всей Русской земле, а вместе с более выгодным распределением народонаселения развивались и улучшались способы народной жизни; удобства жизни, которые были прежде в Киеве, теперь стали распространяться и по другим городам, особенно тем, в которых утвердились князья. Во время Суздальщины не только княжие слуги ходили в богатых одеждах, но уже и бояре стали водить своих слуг подобно княжеским; так, один дружинник, посылая моление свое к Ярославу Всеволодовичу Переяславскому, между прочим пишет, что боярские слуги уже ходят в червленых сапогах и в багрянице, а летопись Волынская свидетельствует, что слуги епископа Перемышльского носили бобровые тулы и прилбища волчьи и барсуковые. По свидетельству летописи, церковь Рождества Св. Богородицы в Боголюбове была украшена золотом, финифтью, всяким церковным строением и от доцерковного по стенам доверху окована золотом и измечтанна всякою хитростью; и так же богато была устроена церковь соборная во Владимире

Клязьминском; и во многих других городах начали в это время появляться великолепные церкви и другие общественные здания, дворцы княжеские, городские стены с великолепными башнями и воротами; так, о церкви Иоанна в Холме летопись говорит: «Строенья ее таково: четыре комары, с каждого угла перевод, и стоянье их на четырех головах человеческих изваяно; три окна украшенные Римскими стеклами, при входе в алтарь два столпа из целого камня и на них комара; верх же украшен золотыми звездами по лазури, внутренний же помост слить из меди и чистого олова, и блестел как зеркало». Об укреплениях Владимира-Волынского, по свидетельству летописи, Андрей король венгерский сказал: «Такового города я не видал и в немецких странах».

Относительно торговли мы имеем прямые и ясные свидетельства, что во время Суздальщины она была не только не слабее против прежнего времени; но даже во многих отношениях сильнее: ни половцы, ни междоусобия князей ей много не мешали. Мы знаем из летописей, что торговцы свободно ездили с

своими товарами по половецким селам; а у русских князей всегда было обыкновение не стеснять и не задерживать торговых гостей даже во время войны; этого требовали как выгоды самих князей, пользовавшихся торговыми пошлинами, так еще более интересы земщины, с которой князья постоянно должны были жить в согласии.

Киев по-прежнему вел деятельную торговлю с Грециею и всем северным берегом Черного моря, а также с половцами, с Польшею, Венгриею и другими странами на Западе в этой же торговле участвовали Чернигов, Галич и Волынь. Река Днепр от Киева до моря у киевлян и черниговцев называлась греческим путем, но ней ходили торговые суда как из Греции на Русь, так и из Руси в Грецию, здесь по-прежнему главною пристанью считалось Олешье, куда приставали большие греческие суда. Русские этого времени особенно дорожили греческою торговлею, и для этого иногда приднепровские князья предпринимали большие походы на половцев, когда те своими грабежами начинали препятствовать торговле. Так, в 1168 году Мстислав Изъясла-

вич Киевский на княжеском съезде жаловался своим союзникам, что половцы отнимают у нас путь греческий, соляной и залозный; и князя на съезде же назначили поход, и все с своими дружинами двинулись из Киева в половецкие степи и доходили за Оскол, воюя землю половецкую. Потом в том же году, по призыву того же Мстислава, князя ходили в Канев встречать греческих купцов и залозников из опасения, чтобы половцы, мстя за недавнее опустошение своей земли, не пограбили купеческий караван. По свидетельству «Слова о полку Игореве» и других памятников, в Киеве проживали для торговли греки, армяне, евреи, немцы, моравляне и венециане; а по свидетельству летописей, в Киеве были ворота Лядские, Угорские и Жидовские. Это указывает на целые слободы или отделения города, в которых проживали поляки, венгры и жидаы; а по немецким летописям, и немецкие торговцы имели свои конторы в Киеве; в грамоте австрийского князя Леопольда, данной жителям Регенбурга в 1190 году, регенбургские купцы, торгующие в России, прямо названы руссариями. Кроме иноземцев

В Киев съезжались и русские торговые гости с разных сторон – из Новгорода, Смоленска, Чернигова, Галича и других городов. Новгородские гости в Киеве даже имели свою церковь, следовательно, жили там отдельно большею слободою. Галич и Волынь также торговали с Грециею, Венгриею, Польшею и Германиею, и туда также съезжались и жили там гости новгородские, смоленские и других русских городов; греческим путем для галичан и волынцев были Восточный Буг и Днестр; Днестром и потом Черным морем и Днепром галичане провозили свои товары даже в Киев.

Страна ростовско-суздальская, и особенно город Владимир с Андрея Боголюбского, также стали участвовать в торговле греческой и немецкой; по свидетельству летописей, туда ездили гости и из Царьграда и из латинских земель; но особенно в близких торговых сношениях Ростовско-Суздальский край находился с Великим Новгородом, Смоленском и Волжскою Болгариею. Ежегодно в суздальские города приезжало по две тысячи и больше новгородских гостей; а в Болгарии ро-

стовско-суздальские гости в это время были главными русскими торговцами, и в старшем, или Великом болгарском, городе имели свою церковь и кладбище; так, в рассказе летописи о кончине мученика Аврамия, одного христианина не русского языка, замученного болгарами, сказано, что русь-христиане, взявши тело его, похоронили на своем кладбище. Волга и Ока с своими притоками служили большою торговой дорогой для суздальцев, ростовцев, владимирцев, устюжан, муромцев и рязанцев, по которой они торговали с болгарами, мордвою и другими тамошними народами; очевидно, с торговой целью в это время был выстроен и Нижний Новгород при впадении Оки в Волгу. При помощи болгар русские вели торговлю с Персиею и другими странами Азии; ибо азиатские мусульманские народы были в тесных торговых сношениях с волжскими болгарами. А рязанцы по Дону торговали с половцами и Тавридою: на торговлю рязанцев с Тавридою и частые сношения с тамошним краем мы имеем прямое указание в сказании о принесении в Рязань Корсунского образа Николая Чудотворца.

Смольняне и полочане вели деятельную торговлю с Новгородом, Ростовско-Суздальскою землею, Киевом, Черниговом и Волынью; ибо, по свидетельству летописей, мы встречаем смоленских гостей во всех сих краях. Относительно же иноземной торговли смольнян и полочан во время Суздальщины, мы имеем прямые и довольно подробные свидетельства, что торговля сия преимущественно была ведена с Северною Германиею и берегами и островами Балтийского моря. По свидетельству договорной грамоты Мстислава Давыдовича Смоленского с Ригю и Готским берегом, писанной в 1229 году, Западная Двина по взаимному условию смольнян и немцев была признана от верховья до устья свободною для обоюдной торговли, с одной стороны, смольнян, полочан и вислян, а с другой стороны, немцев и готландцев; по сей грамоте смольняне и полочане имели право свободно торговать Двиною до устья и потом Балтийским и Немецким морями до Любека; а немцы из Двины могли свободно идти волоком в Днепр до Смоленска и из Смоленска в другие русские города, куда захотят. Князь

Смоленский по грамоте принимал на себя обязанность защищать приезжих торговых немцев от обид во всей Смоленской земле; а немцы должны были платить тем же русским купцам, приезжающим в Ригу и другие немецкие города до Любека. Немцы имели в Смоленске свои дворы и свою церковь. У смольнян и полочан продолжалась торговля и с литовцами; но во время Суздальщины эта торговля, очевидно, была стеснена, с одной стороны, немцами, занявшими берега Балтийского моря в Ливонии, Эстляндии и Курляндии, а с другой стороны, волынцами, вошедшими в это время в более тесные связи с литвою.

Самым торговым народом на Руси по-прежнему были новгородцы: их торговые гости во время Суздальщины разъезжали с своими товарами по всем краям Русской земли; их мы встречаем, по летописям, и в Киеве, и в Галиче, и во Владимире-Волынском, и в Чернигове, и в Смоленске, и особенно в земле Ростовско-Суздальской, в которой они разъезжали большими товариществами; так, например, Ярослав Всеволодович Переяслав-

ский во время одной войны с Новгородом сразу захватил в своей земле до двух тысяч новгородских гостей с их товарами. Кроме русских княжеств у новгородцев в это время продолжалась сильная торговля и колонизация на крайнем севере нынешней Европейской России, в Заволочье, где новгородская торговля и колонизация, с одной стороны, проникала до Белого моря и Северного океана, а с другой стороны, до Камской Болгарии и до Уральских гор и даже в Сибирь. Северная Двина для новгородцев и особенно для их колонистов в Заволочье служила большою дорогою для торговли с шведами и норвежцами. Корабли шведские и норвежские и в XIII веке продолжали еще ходить в устье Северной Двины для торговли с тамошними новгородскими колонистами; в 1222 году норвежцы за убийство одного своего купца двинянами приходили в устье Двины на четырех кораблях мстить двинянам и пограбили у них много серебра и мехов. Двинские колонии новгородцев в это время были довольно сильны и богаты; знаменитые новгородские граждане имели там большие владения и даже свои города. Их

торговые промыслы и колонии в этом краю в глубоком Севере простирались даже в Сибирь за Уральские горы, а на юге сближались с владениями волжских или камских болгар, где новгородскими повольниками в 1174 году основана довольно сильная и богатая колония Вятка, получившая свое название от реки Вятки, на которой было построено первое поселение новгородских выходцев. Новгородская колония на Вятке в XIII столетии имела уже у себя города Никулицын, Какшаров и Хлынов и владела соседними племенами чудь, черемисы и вотяки и торговала с Камскою Болгарией и пермью. По Балтийскому и Немецкому морям Новгород и его пригороды Псков и Ладога вели деятельную торговлю с шведами, датчанами и немцами; новгородские торговые корабли доходили до Любека. Особенно новгородская торговля с немцами усилилась со времени учреждения союза вольных немецких городов, известного под именем Ганзы. Ганза имела в Новгороде свою главную контору, которая называлась матерью всех иных контор; у немцев и готландцев были свои дворы и церкви в Новгороде, Пско-

ве и Ладогe; новгородцы заключали с немцами торговые договоры, из которых некоторые дошли и до нас. Вообще торговля во время Суздальщины, по свидетельству памятников, производилась по известным правилам, купцы в русских городах составляли отдельный класс жителей, по значению своему в русском обществе занимавший первое место после бояр; так, в летописи под 1177 годом купцы во Владимире упоминаются прямо после бояр, летопись говорить: «И возсташа во Владимире бояре и купцы». Еще в прежнее время, по уставу Всеволода, в Новгороде купцы разделялись на *пошлых* и *не пошлых*; точно так же и во время Суздальщины по смоленской грамоте купцы разделялись на *правых* купцов и *не правых*; в грамоте прямо сказано, что свободный путь по Двине, по воде и по берегу, дается русским и немцам, только тем, кто правый купец есть. По Всеволодову уставу старосты купеческие выбирались только из пошлых купцов, непошлые купцы не могли быть выбранными в старосты; а по смоленской грамоте торговля заграничная дозволялось только правым купцам; следова-

тельно, торговля вообще хотя никому не была запрещена, но преимущественные торговые права и заведывание торговой управою принадлежали пошлым, или правым, купцам. Пошлыми же, или правыми, купцами по Всеволодову уставу были те, которые внесли в ту или другую купеческую общину пятьдесят гривен серебра; таким образом главная торговля и торговый суд и управа были принадлежностью тех только купцов, которые заявили свою состоятельность вкладом в общину довольно значительного определенного капитала, но определенный капитал, раз внесенный в общинную казну, делал пошлым купцом не только самого внесшего, но и все последующее его потомство, как прямо и сказано у Всеволода: «А пошлым купцом быть или отчиною или вкладом». Следовательно, звание пошлого, или правого, купца было наследственным, точно так же, как звание боярина. Торговля по уставу Всеволода имела свой суд и управу независимо от общего городского суда и свой сбор пошлин также независимо от княжих посадников и бояр, как прямо сказано у Всеволода: «А поставил есми

три старосты от житых людей и от черных людей тысяцкого, а от купцов два старосты; управливати им всякая дела Иванская; и торговая и гостиная и суд торговый; а посаднику в то не вступаться, ни бояром новгородским».

По договорной грамоте Мстислава Давыдовича Смоленского с Ригою и Готским берегом отношения русских и немецких купцов определялись следующими образом: 1-е, относительно суда. В случае суда между русским и немцем в Смоленске русский должен представить двух свидетелей, одного русского и одного немца; то же немцы должны делать для русских в Риге и других немецких городах. Русский в Смоленске не может приставить к немцу детского для вызова в суд, не объявивши о том наперед немецкому старосте; ни немец не может в Риге или на Готском берегу приставить детского к русскому, не объявивши наперед русскому старосте. Ни немец не платит судных пошлин в Смоленске, ни русский гость в Риге и на Готском берегу. Которое судное дело между немцем и русским порешено в Смоленске, того дела нельзя начинать снова, ни в Риге, ни на Готскому берегу;

равным образом дело, поконченное в Риге или на Готском берегу, не начинается снова и в Смоленске. А суд как в Смоленске, так и в Риге и на Готском берегу должен производиться перед добрыми людьми. Смоленский князь не должен вступаться в суд немцев, между собою они правятся своим судом; и немцам не вступаться, ежели русские купцы в немецкой земле будут правиться своим судом. Ни русин не может звать немца на суд к иному князю, кроме смоленского, ни немец в Риге или на Готском берегу не может звать русского на иной суд, кроме Рижского или Готского. 2-е, *относительно взыскания долгов*. Ежели русский задолжает и русским и немцу, то взыскивать долг сперва немцу, а потом русским; точно так же ежели немец в Риге или в другом каком немецком городе задолжает и немцам и русскому, то при взыскании долга прежде всех удовлетворяется русский. Ежели русский будет взыскивать свой товар на немце в Риге, или на Готском берегу, или ином городе немецком, то должен довольствоваться тамошним судом, а другого суда не искать, так же поступать и немцу в

Смоленске. Ежели русский не станет платить долга, то идти к тиуну и взять у него детского.

3-е, *относительно торговли.* Немец, приехавши в Смоленск, может свободно торговать или в Смоленске, или везти свои товары в какую угодно сторону; точно так же и русский свободно торгует в Риге и на Готском берегу или может ехать в другой какой немецкий город до Травны. Немец свободно покупает все товары в Смоленске, точно так же и русский в Риге и на Готском берегу. Русский, купивши товар у немца и отвезши его к себе на двор, должен заплатить деньги, а не отдавать товар назад; точно так же и немец, купивши товар у русского, не может принудить русского взять товар обратно. Ежели испортятся или изотрутся весы, то их должно проверять по образцовым весам, хранящимся у русских в церкви Св. Богородицы на горе и у немцев в Латинской церкви.

4-е, *относительно проезда купцов с товарами.* Немец по всей дороге, по Смоленским владениям, едет ли в Смоленск или из Смоленска, не платит проезжих или мытных пошлин; точно так же и русский не платит проезжих пошлин, проезжая с товара-

ми по немецкой земле. Когда немцы придут с товарами к волоку от Двины, то волоцкий тиун, по вестям нисколько не медля, должен нарядить волоцких перевозчиков; и ежели у которого перевозчика погибнет на перевозе товар, то за это платит вся община волоцких перевозчиков; то же самое немцы для русских гостей должны делать у себя. Ежели к волоку подъедут в одно время и русские, и немцы, то им бросать жребий, чей товар везти наперед; такой же порядок должны соблюдать немцы в своей земле для русских гостей. Ежели у русского или у немца на дороге бурюю разобьет судно с товаром, то на воде и на берегу товар свободен от всякого насилия; и ежели у хозяина товар потонул, то ему никто не должен мешать вытаскивать его; и ежели у хозяина своих людей мало и понадобится помощь, то он должен нанимать при свидетелях и платить цену, по какой рядил при свидетелях, а сверх ряды с него не требовать.

Тот же почти порядок сношений русских с немцами записан и в Новгородской договорной грамоте около 1195 года: по этой грамоте суд производится также при помощи свидетеле-

лей, но сверх свидетелей еще требуется жребий и клятва; также не допускается переводить суд из одной земли в другую, а довольствоваться судом той земли, к которой принадлежит ответчик или где суд начался первоначально. *Относительно взыскания долгов*; в случае отпирательства должника требуется двенадцать человек свидетелей и клятва; но ни немца нельзя посадить в погреб в Новгороде, ни новгородца в Немецкой земле нельзя посадить в погреб за неплатеж долга, а только взять свое по приговору суда. Относительно торговли предоставляется полная свобода немцу в Новгородской земле, а новгородцу в Немецкой земле. Но еще; излагается одинаковость отношений к немцам в Новгороде, с отношениями в Смоленске в проекте договора немцев с новгородцами, писанном около 1230 года. *1-е, относительно суда.* Ежели новгородец и немец имеют тяжбу друг с другом в суде, то должны представить двух свидетелей немцев и двух новгородцев; а ежели новгородец и немец не согласны в свидетелях, то дело решается жеребьем. *2-е, относительно взыскания долгов.* Ежели нов-

городец должен и новгородцу и немцу, то долг платит наперед немцу. 3-е, *относительно торговли*: купцы немецкие и готландские свободно торгуют в областях новгородских по старому обычаю; все, приходя на гостиный немецкий двор, торгуют в нем свободно как русские, так и немцы; весы гостиного двора поверяются два раза в год. 4-е, в проезде немецких гостей с товарами по Новгородской земле постановляется: когда немецкие гости будут на Ижоре, то тамошний тиун высылает им перевозчиков, за что перевозчикам дается гостями определенная наемная плата. В случае кораблекрушения соседние жители не должны грабить гостей, а подавать им помощь. Такие же порядки и привилегии должны наблюдать и немцы в своих городах относительно приезжающих к ним новгородцев. Вероятно, такие же или подобные договоры заключались с немцами и другими торговыми народами и в других городах или областях Руси; но до нас сих договоров не дошло.

Земледелие во время Суздальщины оставалось в прежнем виде. Земледельцы жили общинами на своих общинных землях и на зем-

лях частных владельцев, князей, монастырей, бояр и купцов, а равным образом сами земледельцы могли иметь собственные земли и на них селить других земледельцев. Те из земледельцев, которые жили на землях частных владельцев, по свидетельству Русской Правды, в то время назывались ролейными закупками и по состоянию своему близко подходили к шимитам; они за пользование землею и за ссуды, которые давали им хозяева земли, должны были платить своею работою на хозяйском поле в пользу хозяина или давать хозяину условленную долю произведений, полученных с данной им земли, т. е. или половину, или две трети, или три четверти, или меньше, смотря по условию. Ролейный закуп, или по-нынешнему крестьянин, тогда не был прикреплен к земле, он свободно во всякое время мог оставлять землю хозяина, но не иначе как наперед рассчитавшись с хозяином, т. е. возвративши ему в целости полученную от него ссуду и выплативши наем. Равным образом и хозяин земли имел право сослать с земли ролейного закупа, ежели находил его неисправным работником или по

другим причинам. Ролейный закуп, оставивши землю одного хозяина, мог поселиться у другого хозяина или вступить в сельскую общину, где его примут, и сесть на общинной земле и даже беспрепятственно мог приобрести себе землю в собственность и сделаться землевладельцем, ежели имел на то средства. В то время земледельцы свободно могли переходить из одной области в другую, даже из княжества в княжество, ежели они сами не связывали себя какими-либо обязательствами на той или на другой земле, ежели они исправно платили подати и за ними не было недоимок, которые каждая земледельческая община взыскивала строго с своих членов и без расчета в недоимках не спускала с своей земли. Ежели же земледелец оставлял землю хозяина или общины, не сделавши расчета, то назывался беглым и преследовался законом; хозяин или община имели право преследовать и отыскивать его везде. Во время Суздальщины князь, дорожа своими отчинными княжествами, постоянно заботились о размножении населения в своих областях и рады были всяким пришельцам и давали им

все возможные льготы, только бы они сидели на занятых землях или не переселялись из княжеств; таким же образом смотрели на поселенцев и частные землевладельцы и сельские общины. Земли тогда было много, а земледельцев мало, и потому ими везде дорожили. Земледельцы, как полноправные члены русского общества, обязаны были нести военную службу подобно горожанам и другими членами русского общества, они же должны были укреплять города на случай неприятельского нападения и привозить нужные запасы. Впрочем, собственно, к военной службе земледельцев тогда приглашали редко, только в крайних случаях, когда неприятели вступали в ту или другую область, когда нужно было защищать свою родную землю. Но когда князь из своих видов вооружал земледельцев, то такового князя укоряли и говорили, что такой-то князь и поселян выгнал на войну. Так, о Ярославе Всеволодовиче и брате его Юрии во время их войны с Мстиславом Удалым летопись говорит: «Полки их были сильны вельми, все силы Суздальской земли были выгнаны и поселяне пешие». Сельские земле-

дельческие общины управлялись так же, как и городские общины, старостами и другими выборными начальниками и имели свои мирские сходы или вече. Несколько сельских общин составляли одну большую общину, под названием погоста или волости, также с своим выборным начальством. Сельская община через своих выборных начальников или приговором сходки решала сама все дела и тяжбы между своими членами; но недовольный сельским судом мог идти с жалобой в волость или погост, где кроме выборных старост был еще начальник от князя, под именем тиуна или волостеля.

Ремесла в тогдашнем русском обществе, очевидно, считались выше земледелия; ибо, по закону Русской Правды, за сельского рядовича – земледельца платилось пени только пять гривен, а за ремесленника или ремесленницу платилось по 12 гривен, столько же, сколько за сельского княжеского тиуна. Ремесленники жили и в городах, и в уездах и так же, как земледельцы и купцы, составляли отдельные общины с своими старостами и с своим управлением. В городах ремесленники

селились особыми улицами, или концами; так, например, в Новгороде мы знаем Плотницкий конец, Гончарский конец; в уездах поселения ремесленников составляли особые слободы, как, например, под Киевом была слобода сидельников. Ремесленники разделялись на княжих и земских. Княжие ремесленники составляли особый разряд княжих слуг и жили на княжих землях и платили за землю своей работой князю. Земские ремесленники были разных разрядов: одни из них жили общинами как самостоятельные члены городов и селений; другие ремесленники не имели земли и бродили из города в город, из селения в селение, содержались своею работою и, как люди вольные, бродячие, не имевшие постоянной оседлости, не принадлежали ни к какой общине; наконец, третий разряд ремесленников составляли те из них, которые жили за каким-либо землевладельцем: так, например, были свои ремесленники у епископов, у монастырей, у бояр и вообще у богатых собственников. Этот разряд ремесленников составляли как рабы, так и вольные люди, по договору принявшие на себя

обязанность служить своим ремеслом епископу, или монастырю, или боярину, или другому какому частному собственнику. Ремесла и художества во время Суздальщины постепенно развивались и совершенствовались, тогда уже встречались между ремесленниками и художниками люди, пользовавшиеся известностью у своих современников; так, например, в Киеве был известен Петр Милонег, современник Рюрика Ростиславича, построивший каменную стену под церковью Св. Михаила у Днепра на Выдобичи. Или у князя Даниила Романовича при построении церкви Св. Иоанна в Холму был хитрец Авдий, который высекал разные хитрые узоры по белому и зеленому камню на церковных дверях. Или есть известие, что у Батыя был пленник из русских, коваль серебра, который построил ему великолепный серебряный трон. Конечно, подобных художников на Руси было немного, и вообще ремесла и художества развивались еще туго; ибо русские люди того времени, торгуя с иноземцами, преимущественно получали от них произведения художеств и ремесел, чего, разумеется, не могло

бы быть, ежели бы ремесла на Руси были в цветущем состоянии. При том же для многих значительных строений, для украшения церквей и для удовлетворения других художественных потребностей приглашались мастера и художники из иных земель – или из Греции, или из Италии, или из Германии. Так, значительнейшие церкви в Суздальской земле были построены итальянцами, а в Киеве и Чернигове по-прежнему лучшими строителями и художниками были греки из Константинополя. Андрей Боголюбский, отстраивая и украшая свой любимый город Боголюбов, по свидетельству летописи, собрал мастеров из разных земель. Но, очевидно, не всегда приглашались строители и другие художники иностранные, были и свои мастера, как прямо говорит летопись под 1194 годом: что епископ Ростовский Иоанн для возобновления суздальской церкви не искал мастеров от немцев, но нашел способных людей из служителей церкви Пресвятой Богородицы и из своих, умевших лить олово и крыть крыши и белить известью, и возобновил церковь, на удивленье современникам, и покрыл оловом

от верху до комар и до притворов. Нет сомнения, что и уцелевший до нас Дмитриевский собор во Владимире, построенный около 1194 года и замечательный по своим изящным формам и по многим затейливым наружным украшениям, был строен русскими мастерами, которые взяли за образец для этого соборную церковь Покрова Пресвятой Богородицы близ Боголюбова, построенную между 1158–1160 годами. Да и вообще мудрено допустить, чтобы все каменные постройки на Руси производились непременно иностранцами и чтобы не было своих строителей и других художников, ибо построек этих, особенно церквей, было очень много. Есть даже известие, что немецкие купцы для росписи своей церкви в Новгороде приглашали русских художников, которые и написали им образ Господа Вседержителя. Нельзя не согласиться, что ремесла и художества во время Суздальщины на Руси хотя не быстро, но шли вперед; самое приглашение иностранных мастеров вело к тому, чтобы и русские люди учились у них, как мы и знаем, что греческие иконописные мастера выучили своему художеству пе-

черского инок, Алимигия. Конечно, Русь не имела у себя древних образцов художественных произведений, какими обладали Западная Европа и Греция; но для русских мастеров могли служить образцами и те художественные произведения, которые делались на Руси иностранными мастерами. Так и мы знаем, что храмы, построенные итальянскими художниками в Ростовско-Суздальском краю, при Юрии Долгоруком и Андрее Боголюбском, постоянно служили образцами в том краю для построения храмов в последующее время и в XII, и в XIII, и в XIV столетиях; даже в XV столетии, по прямому свидетельству летописей, московские храмы строились по образцу владимирских. Точно так же киевские храмы времен Ярослава и его сыновей, строенные византийскими художниками, постоянно служили образцами для русских мастеров, строивших храмы в последующее время в Киеве, Переяславле, Чернигове и других городах Приднепровья, что доказывается и архитектурой тамошних древних храмов, уцелевших до нашего времени. По прямому свидетельству летописи, замечательные худож-

ники в то время пользовались уважением в русском обществе; например, Петр Милонег, строитель Выдубецкой стены, в летописи назван приятелем киевского князя Рюрика Ростиславича.

Подвигаясь хотя медленно вперед на пути материальной жизни, русское общество во время Суздальщины по-прежнему шло вперед по пути жизни духовной, по-прежнему продолжалась мирная проповедь христианской веры между язычниками, подчиненными Руси; так, по свидетельству летописи, в 1229 году были крещены новгородские данники корелы, в это же время, по всему вероятно, русские колонии в Литве распространяли христианство между соседними литовцами, ближайшими к русским колониям и бывшими в более тесных связях с русскими, особенно в Южной Литве, т. е. на юг от Вилии, где было в это время множество русских городов. По-прежнему умножались церкви, монастыри и училища по всем краям Руси. Князья и простые люди старались об умножении и украшении церквей и монастырей. Многие церковные пастыри того времени были из-

вестны своим примерным благочестием, строгостью жизни, своим просвещением и заботами о пастве. Таковы, например, святой Кирилл епископ Туровский, который еще в молодости отказался от богатого наследства после родителей и поступил в монастырь, где строгость отшельнической жизни довел до того, что, подражая великим отшельникам Греческой церкви, заключил себя в столпе, чтобы совершенно отрешиться от мира и предаться богомыслию и молитве. Но когда святость его жизни обратила на него общее внимание и при избрании нового епископа на Туровскую кафедру князь и граждане умолили его принять святительский сан, то тот же молчаливый отшельник показал себя самым красноречивым и деятельным пастырем; так что Андрей Боголюбский, знаменитый князь отдаленной Суздальской земли, пожелал читать его красноречивые и высокие поучения. Симон, первый епископ Владимирский в Суздале, постриженник Киево-Печерского монастыря, известный у современников под именем пастыря учительного и милостивого, среди заслуженной славы и богатств отличался

таким смирением, что, как сам пишет к другу своему Поликарпу, желал бы хоть хворостинной торчать во вратах Печерского монастыря и, только благоговая к званию Божию, не решался оставить кафедры епископской. Кирилл митрополит Киевский, поставленный в 1224 году, у летописца назван учительным и книжным, он был особенно известен своими заботами о примирении враждующих князей; для этого он ездил из края в край России, то во Владимир-Суздальский, то на Волынь, то в Галич, то в Чернигов, чтобы личным присутствием и убеждениями везде водворить мир и согласие, хотя старания его не всегда имели успех. О епископе Ростовском Пахомии, скончавшемся в 1216 году, летописец говорит: «Сей был не наемник, а истинный Пастырь, не захватывал богатства от чужих домов, не собирал его и не хвалился им, но обличал грабителей и мздоимцев, ревнуя нраву Златоуста пекся о сиротах, был зело милостив к убогим и вдовицам, ласков ко всякому убогому, смирен и кроток, исполнен книжного учения, и всеми делами утешал печальных». Кирилл епископ Ростовский, поставленный в

1231 году, был известен постоянными заботами о поучении христиан и об украшении церквей. Поучения этого Кирилла такую имели известность у современников и так высоко ценились, что на слушание их сходились не только князья, и бояре, и простой народ, но даже игумены, священники и иноки, и не только жители Ростова, но и жители окрестных городов. И благочестивые епископы, известные своею пастырскою ревностию, пользовались большим уважением у князей, бояр и народа, особенно в земле Суздальской, которая в это время превосходила все края Руси своего любовью к пастырям церкви. Так, летописец пишет, что когда епископ Ростовский Кирилл после поставления своего в Киеве возвращался в Ростов, там к нему вышли навстречу и князь, и княгиня, и бояре, и все граждане Ростова, и игумены, и священники, и иноки, и весь крылос церковный со крестами, свечами и кадилами.

Но рядом с светлою стороною жизни христианской во время Суздальщины были и стороны мрачные, не согласные с духом истинной церкви, как в клире, так и в мирских лю-

дах. В церковном клире в это время нередко замечались значительные беспорядки; так, митрополит Кирилл в своих церковных правилах пишет, что некоторые епископы дерзали продавать священный сан, т. е. посвящать во священники и другие степени церковной службы за деньги, и учреждали при этом разные поборы под именем уроков и посошного. А по свидетельству Патерика Печерского, самые епископские кафедры получались происками у князей и других сильных мира и даже подарками. Епископ Симон Суздальский и Владимирский пишет печерскому иноку Поликарпу: «Писала ко мне княгиня Ростиславля Верхуслава, что она не пожалела бы потратить и тысячу серебра, только бы тебя поставить епископом Новгороду и Смоленску; но я отвечал ей, дочь моя Анастасия, дело небогоугодное ты хочешь сделать». А Феодор епископ Ростовский, современник Андрея Боголюбского, племянник знаменитого киевского боярина Петра Бориславича, получил сан епископа Ростовского обманом и подкупами у патриарха Константинопольского, обойдя киевского митрополита. Этот же Феодор, при-

бывши в Ростовско-Суздальскую землю, повел свое управление епархией с таким самовластием и жестокостью, что вооружил против себя и князя, и народ. Он не хотел принять благословения от киевского митрополита, и когда князь Андрей Боголюбский настаивал, чтобы он ехал в Киев принял благословение, и без того не признавал его своим епископом, то Федор, в ответ на требования князя затворил все церкви во Владимире и ключи церковные взял к себе, так что по всему городу не было ни звону, ни пения церковного. Мало этого, считая себя властью независимой, он начал страшные грабительства: у кого отнял села, у кого оружие, у кого коней, других предал работе и заточенью и разоренью не только простых, но иноков, игуменов и священников, иным людям порезывал головы и бороды, иным выжигал глаза, иным вырезывал язык, иных, распиная по стене, мучил немилостиво, желая исхитить от всех имение, ибо был жаден к богатству и ненасытен. Но таковое самовластие епископа в такой стране, как ростовская и суздальская, где общество всегда имело большое значение и

голос, естественно, не могло быть продолжительно, едва ли прошло и два месяца, как князь Андрей Боголюбский по требованию народа приказал схватить Феодора и отвести в Киев на суд к митрополиту, где митрополит нарядил над ним суд и по приговору суда приказал отрезать ему язык, отсечь правую руку, выколоть глаза и отвезти на Песий остров в заточение. Летопись также свидетельствует, что епископ Ростовский Леон грабил священников, без нужды умножая церкви, и за это был изгнан ростовцами и суздальцами. Беспорядки, допускаемые епископами, естественно, вели к беспорядкам и в низшем духовенстве; так, митрополит Кирилл в своих правилах пишет, что в Новгородском крае многие священники, надеясь на своих прихожан, покорялись повелениям архиерея и предавались чрезмерному пьянству, так что начиная от Светлой недели до Всех Святых не служили ни литургии, ни отправляли других треб церковных. А прихожане иные силой удерживали таковых священников у себя, противясь повелениям архиерейским. Беспорядки в клире, естественно, давали простор

беспорядкам и между мирянами; так, в правилах митрополита Кирилла между прочим указывается на языческие обычаи в божественные праздники творить некие бесовские позорища с свистаньем, кличем и воплем, на которых, по свидетельству летописи, в память Перуна, древнего идола, бились дрекольем до смерти и снимали с убитых платье. Потом указывается еще на другой старый языческий обычай – водить невест к воде; и наконец, на третий обычай праздновать Дионисов языческий праздник, собирая в субботу вечером в ночь на Св. Воскресенье мужей и жен вкупе для бесстыдных и развратных игр и плясок.

Мало этого, время Суздальщины было временем борьбы и споров между церковной иерархией, князем и обществом, в которой борьбе князь и общество представляли одно начало, а церковная иерархия другое. В это время в одном Новгороде были изгнаны народом три архиепископа, в Ростове также были изгнаны три епископа и один присланный митрополитом не принят. Андрей Боголюбский замыслил устроить особую митрополию

в Ростовско-Суздальском крае, чтобы совершенно не зависеть от киевского; митрополита. В самом Киеве в это время были споры, признавать ли киевским митрополитом Климента, поставленного русскими епископами при Изяславе Мстиславиче, или Константина, присланного патриархом Константинопольским, так что Константин принужден был бежать в Чернигов, где и скончался. А в 1463 году Ростислав Киевский не хотел признать киевским митрополитом Иоанна, присланного константинопольским патриархом. Князь и общество, поддерживаемые некоторыми из духовенства, даже спорили об уставах церковных; так, в это время был довольно продолжительный и горячий спор о посте в среду и пяток, ежели в эти дни случатся какие господские праздники. Ростовцы и суздальцы, поддерживаемые каким-то беглецом, греческим епископом Феодором, выгнали от себя епископа Нестора за то, что он не разрешал есть мясо в среду и пяток в господские праздники, исключая дни Пасхи, Пятидесятницы, дня Рождества Христова и Богоявления. Грек Феодор разрешал ростовцам пост не только в

господские праздники, но и в дни нарочитых святых. Потом ростовский епископ Леон не разрешал поста ни для каких праздников и, изгнанный из Ростова, спорил об этом предмете пред патриархом Константинопольским. В это же время и о том же предмете был спор в Киеве и в Чернигове: игумен Печерский Поликарп учил, подобно греку Феодору, что должно есть сыр и мясо не только в господские праздники, но и в дни нарочитые святых, ежели они случатся в среду или пяток; и это учение поддерживал черниговский князь Святослав и выгнал из Чернигова епископа Антония, не разрешавшего поста в господские праздники, случающиеся в среду или в пяток; митрополит же Киевский заточил Поликарпа Печерского за учение о нарушении поста в означенные дни. Но заточение Поликарпа, несмотря на то что сделано по соборному определению, не успокоило его последователей, и современники были недовольны судом митрополита и, по прямому замечанию летописи, даже говорили, что Киев был взят войсками Андрея Боголюбского за неправду митрополичью по делу Поликарпа.

Впрочем, явные и очень прискорбные беспорядки клира и мирских людей в церкви, отмеченные летописями и другими памятниками за время Суздальщины, были или случайными, отрывочными местными явлениями, или выражали естественный рост церкви и постепенное укоренение ее в русском обществе, но отнюдь не были выражением ее слабости или шаткости; чему лучшим доказательством служит то, что беспорядки сии скоро прекращались и не возбуждали сильных раздоров и разделений, столь губительного в делах церкви. Естественно, что чем более поднимался рост церкви в обществе, тем заметнее становились временные и случайные недостатки тех или других клириков; а с другой стороны, чем глубже церковь проникала в общество, тем скорее отыскивала на глубине старую плесень язычества и разных суеверий, потерявших уже смысл, когда-то им принадлежавший. Все это было в порядке вещей, борьба была необходима для развития жизни; но, что всего важнее среди самых беспорядков, церковь во время Суздальщины, постепенно принимая на себя чисто народный

характер, делалась чисто русскою церковью, яснее определяла и устанавливала свои отношения к русскому обществу и в то же время не разрывала мира и согласия с церковью Греческою. Во время Суздальщины замечается какая-то дружная и согласная деятельность клира и мирских людей на пользу церкви; так что о мире церкви одинаково заботятся и клир, и мирские люди; например, когда в 1227 году в Новгороде появились волхвы и начали делать разные волхвования и ложные знамения, то уже не духовенство одно на них восстало, а весь город, и граждане, сами приведши их на Ярославлев двор, предали сожжению. В самых беспорядках иерархии первые восставали против злоупотреблений низшее духовенство и мирские люди; так, по требованию низшего духовенства и мирских людей были изгнаны из Ростовской земли и преданы суду епископ Леон, грабивший священников, и самовластный и корыстолюбивый епископ Феодор.

Время Суздальщины именно было тем самым временем, когда вполне определились отношения Русской церкви и к русскому об-

цеству, и к патриарху Константинопольскому. В это время с одной стороны ограничены притязания Константинопольского патриарха относительно назначения иерархов в Россию, а равным образом поставлены пределы самовластию митрополита Киевского в самовольном назначении епископов по другим русским княжествам. Князья и народ в это время прямо говорили митрополиту, присылавшему неугодного епископа: «Нам этот не нужен, ты его поставил и держи его, где хочешь». Так, например, в 1183 году, когда на место умершего ростовского епископа Леона митрополит поставил в епископы в Ростове Николая Гречина, то Всеволод, князь Суздальский, не принял его и писал к митрополиту: «Сего не избрали люди с земли нашей; но как ты его поставил, то и держи его, где тебе угодно; а мне поставь Луку смиренного и кроткого игумена Св. Спаса на Берестове». И митрополит поставил Луку, а Николая послал в Полотск, где в это время скончался епископ Дионисий. Самая власть епископов в отношении к клиру и мирянам, без нарушения прямых церковных правил, была ограничена живым

участием общества в делах церкви; так, в это время священники и клирики преимущественно были люди избранные самим обществом, епископ только посвящал избранных. С другой стороны и светская власть над церковью получила надлежащие границы. Она, несмотря на старания Андрея Боголюбского, не успела подчинить себе церковь; патриарх Константинопольский наотрез отказал Боголюбскому в учреждении особой митрополии во Владимире-Суздальском и написал ему в своем соборном послании, что двум митрополитам в России быть не следует по правилам церковным, а надлежит остаться одному митрополиту в Киеве по-прежнему; а другим своим посланием оправдал епископа Ростовского Нестора, невинно изгнанного Андреем по научению лишенного епархии греческого епископа Феодора, племянника Мануила епископа Смоленского, и требовал, чтобы Андрей принял Нестора, как невиноватого, а Феодора удалил. Что и сделал Андрей Боголюбский по патриаршей грамоте, не решившись рассориться с старейшим представителем православной церкви патриархом Константино-

польским, и тем самым поднять на себя церковь Русскую.

Таким образом церковь Русская во время Суздальщины, среди самых смут, порожденных неуместными притязаниями иерархии и светской власти, достигла того, что стала в свободные отношения и к иерархии, и к светской власти и слилась в одно нераздельное целое с обществом, выражая собою известную определенную сторону жизни русского общества, а не составляя отдельного общества, как в Западной Европе того времени. Такое правильное положение доставило Русской церкви во время Суздальщины особенную силу и твердость и сообщило ей характер чисто народной русской церкви. Лучшим свидетельством силы и твердости Русской церкви в обществе и особенной любви общества к ней служить безуспешность попыток римского папы обратить русских в латинство. Римские папы во время Суздальщины четыре раза присылали своих послов, то в Киев, то в другие города Руси, стараясь обратить русских в латинство, именно: в 1169 году при князе Киевском Мстиславе Изяславиче;

в 1205 году к Роману Мстиславичу Волынскому и Галицкому; в 1207 году ко всему русскому духовенству и мирянам, по случаю занятия Царьграда латинами, причем папа Иннокентий III писал в своем послании, что Греческая империя и церковь почти вся соединилась с Римскою церковью и покорно принимает ее повеления и что Русской церкви, как составляющей часть Греческой, не следует отставать от своего целого; и наконец, в 1231 году к Юрию Всеволодовичу князю Суздальскому и Владимирскому, к которому папа Григорий IX писал в своей булле, чтобы он оставил греческие и русские обряды и принял латинские. Но все сии посольства и даже содержание тайных папских миссионеров в России не имели никакого успеха, ни князья, ни духовенство, ни народ нисколько не подавались на соединение с Римскою церковью. Когда посол папский говорит Роману Мстиславичу, что папа при помощи меча Петрова может сделать его богатым, сильным и знаменитым, то Роман отвечал, указывая на свой меч: «Такой ли Петров меч у папы, а я пока ношу его при бедре, не нуждаюсь в чужом, и кровью

покупаю города, по примеру наших дедов, возвеличивших Русскую землю». А когда венгры во время междоусобий, бывших по смерти Романа, завладевши Галичем, стали теснить Русскую церковь и обращать галичан в латинство, то за оскорбление Русской церкви весь народ дружно поднялся на них и выгнал из Галича.

По мере того как церковь более и более утверждалась в русском обществе, росло на Руси и просвещение, неразлучное с христианскою церковью. Между современными Суздальщине князьями мы уже более прежнего находим князей и охотников до книг и внимательных к просвещению народа. Так, о Святославе Ростиславиче известно по летописи, что он знал греческий язык и любил читать книги; о Святославе Юрьевиче известно, что он был весьма благоразумен, учен писанию, много книг читал и людей ученых, приходящих от грек и латин, милостиво принимал, часто с ними беседовал и имел состязания; о Андрее Юрьевиче Боголюбском, что он интересовался читать красноречивые поучения своего знаменитого современника Кирилла

Туровского; о Романе Ростиславиче Смоленском, что он был вельми учен во всяких науках, и к учению многих людей понуждал, устроив на то училища, и учителей греческих и латинских содержал своею казною, и столько на это тратил имения, что смольняне на погребение его должны были собирать деньги и хоронить его на общественный счет; о Михаиле Юрьевиче также есть известие, что он знал Священное Писание, с греками и латинами говорил на их языках также свободно, как по-русски. Ярослав Владимирович Галицкий, получивший от современников прозвание Осмомысла, также знал иностранные языки, читал много книг, мудрости и правой веры наставлял, понуждал духовенство учить мирян, определял монахов учителями и из монастырских доходов назначал на содержание училищ; о Константине Всеволодовиче Ростовском известно, что он всех умудрял духовными беседами, часто и прилежно читал книги, держал при себе ученых людей, в его библиотеке было более тысячи одних греческих книг, он поручал ученым переводить греческие книги на русский язык, собирал из-

вестия о делах древних славных князей, сам описывал их и поручал другим.

Князья по-прежнему старались окружать себя людьми образованными, получившими известность своими дарованиями; так, например, летопись говорит, что Даниил Романович Галицкий приглашал к своему двору знаменитого у современников певца Митусю. Это обыкновение князей иметь при себе людей образованных естественно и между дружинниками развивало потребность в образовании. Эту потребность мы видели еще при внуках и правнуках Ярослава Великого, а теперь она постоянно усиливалась более и более. Лучшим свидетельством постоянного развития этой потребности в дружинниках служит моление одного дружинника, писанное к Ярославу Всеволодовичу Переяславскому; из этого моления даже можно видеть, что тогдашнее образование дружинников не ограничивалось знакомством с одною духовною греческою литературою, но простиралась и на знакомство с литературою классического греческого мира, и даже на знакомство с тогдашнею жизнью Западной Европы.

Дружинник пишет в своем молении к князю: «Княже, мой господине, я хотя не в Афинах рос и не у философов учился; но был падох акы пчела по книгам по различным цветам, оттуда собираю сладость словесную, совокупля мудрость, как в мех воду морскую. Княже мой господине! Аз несмь Феофрастянин Теренд, Египетский мудрецы Нифинии, Калимидии хитрецы. Аще есмь малоумен, обаче послушай гласа моего, постави сосуд сердечный под поток языка моего, изкаплю сладость словесную паче вод ароматских... Княже мой господине! Ни моря уполовником вычерпать, ни нашим иманьем дому твоего истощити. Аще бо не мудр есмь; но поне мало мудрости усретох, во вратех разумных муж сапоги носил есмь, а в смысленных ризы облачихся... Княже, мой господине! Королязи бо и рытиры, могистрове, дуксове тем имеют честь и милость у поганых Солтанов и у Королев: ин впад на фэрь (коня) бегаеа чрез подрумие (конское ристалище) отчаявся живота, а иный летаеа с церкви или высокие палаты паволочиты крылы, а ин наг мечеа в огнь, показующе крепость сердец своих царем сво-

им... а ин обвився мокрым полотном борется рукопашь с лютым зверем. Уже остану много глаголати, да не во мнозе глаголании разношу ум свой, буду яко мех утл, труся богатство в руце инем».

О просвещении и книжном учении духовенства мы уже упоминали выше и привели свидетельство летописей о том, как высоко ценилось это просвещение тогдашними русскими людьми, как князья, бояре и простые люди стекались в церкви из разных городов, чтобы слушать поучения знаменитых проповедников и церковных учителей того времени. Но кроме летописных свидетельств до нас дошло несколько и самых литературных памятников того времени знаменитых пастырей церкви. Так, от знаменитого проповедника, русского златоуста XII века Кирилла Туровского мы имеем одиннадцать поучений, говоренных в церкви, три наставления, писанные к разным лицам, великий покаянный канон, изображающий искренний горький плач души о грехах перед Господом, и тридцать молитв, расположенных по дням. Дошедшие до нас труды Кирилла Туровского об-

личают в авторе высокий ум, глубокое истинно христианское чувство и близкое изучение как Священного Писания, так и литературы Отцов Церкви. Между словами Кирилла Туровского есть одно явно говорящее без приготовления – это слово, произнесенное в пятую неделю по Пасхе, по случаю малочисленности собравшихся слушателей. Чтобы нагляднее выразить характер проповедей нашего древнего проповедника и яснее показать его проповеднические способности, я считаю здесь нелишним представить вполне это импровизованное слово. Вот оно:

«Я убо, друзья и братья! Надеялся на всякую неделю более собирать в церковь людей, на послушание божественных словес, ныне же пришло меньше. Но ежели бы я говорил от себя, то вы хорошо бы делали не приходя слушать; ныне же я вам владычнее возвещаю, читаю вам грамоту Христову. Ежели кто принесет в город грамоту цареви или князю, к сущим под рукою его; то не спрашивают жития принесшего, богат ли, убог ли, грешен ли, или праведен; но слушают только что мое в грамоте, и стараются, чтобы ничего

не было забыто, а кто которое слово путем не расслышит, то спрашивает слышавшего, и ежели какой бесчинник сделает шум, то с боями прогоняют его, как пакость творящего. Ежели же такое внимание потребно к земному князю; то кольми паче вы должны быть внимательны здесь, где беседует Владыка ангелов. Тем молю вас пришедших сюда поучайте не приходящих и увещевайте их приходить в церковь, вы бо вкусили от меду учения, они же нисколько. Вкусите, рече, видите, яко благ Господь. Весте бо, яко изводяй достойного от недостойного, яко уста суть Христова. А понеже убо сия изрекох, послушайте же да поучу вас о молитве; тою бо исправляется всяко доброе, ежели от умиленна сердца изходит, яко благоухание к Богу восходит; того ради и пророк глаголет: да исправится молитва моя, яко и кадило пред тобою. Почто же яко и кадилу молит исправиться молитве? За тем что фимиам издает благоухание, когда будет на огне; так и молитва, когда от горяча сердца будет, то яко благоухание к Богу восходить. Теперь уразумели ли то, что поется. Я и большему научу вас, ежели вы будете вни-

мать и захотите учиться; а ежели не будете внимать, то и я, и нехотя, умолкну; а вы будете осуждены тем, что, имея учащего, не внимали. Како бы вы захотели пройти такой путь, какой прошла Южская Царица, чтобы слышать премудрость Соломонову? И се боли Соломона zde: не меня ради, я грешник, а евангельского ради проповедания и апостольского учения. Поведайте мне братие: ежели бы кто при восходе солнца зажмурил свои очи, не желая видеть света сего, и говоря тьма лучше света: то стал ли бы кто жалеть о нем, не паче ли возненавидели и отверглись его. То же должно сказать и о словеси учения: слово божие в писании называется свет и свет сей божий видимого сего света, ибо сей просвещает плотские очи, а тот душевные; того ради и пророк Давыд глаголет к Богу: светильник ногам моим закон твой и свет стезям моим, и паки Исаия; людие сидящие во тме видеша свет велий. Кто убо помину нехотящего свету видети? Сколько вас приходит в церковь, понуждайте нехотящих приходить, и чтобы никто не говорил, я занят иными делами; вспомните о тех званых на царскую

вечерю, которые также приводили разные изветы: ов рече, супрут волов хочу искусити, ов же села куплепнато сыдядати, ин же жену поят, и про то разгневался на них Царь. А вы ужели одного часа не можете уделить Богу? Отвечайте мне на мой вопрос: ежели бы я повся дни раздавал злато или серебро, или мед или пиво, не приходили ли бы наперед друг перед другом? Ныне же словеса Божия раздаю, лучша паче злата и камня драгаго, и слажына паче меда и сота; и вы лишаетесь их не приходя в церковь. Тех же и злословлю и укоряю, якоже вас приходящих хвалю и благословляю; каждого же из вас, приходящих сюда и вкушающих духовного сего меду, молю: аще суседа имеете, или родина, или жену, или дети, зовите их всех в церковь и поучайтесь душеполезным словесем, да и zde богоугодно поживше и вечных благ наследници будем о Христе Иисусе Господе нашем, ему же слава».

Другим драгоценным памятником духовной русской литературы, современной Суздальщине, служит послание Симона, епископа Суздальского и Владимирского, к киево-пе-

черскому иноку Поликарпу. Поводом к написанию этого послания было письмо Поликарпа к Симону, в котором он жаловался на киево-печерского архимандрита Акиндина, и вообще на свое плохое положение в Печерском монастыре, и на безуспешность искательств игуменства в монастырях Козмы и Дамиана и Св. Димитрия. Симон в своем послании к Поликарпу, обличая неосновательность его жалоб и несообразность их с обетами иночества, в образец иноческой жизни приводит четырнадцать сказаний о подвижнической жизни святых иноков, живших в разное время в Киево-Печерском монастыре; и, желая возбудить в Поликарпе более благоговение к святости Печерской обители, рассказывает о чудесном построении Печерской церкви Пресвятыя Богородицы, о поставлении трапезы или престола и об освящении престола и между прочим говорит, что он, Симон, желал бы отказаться от епископства и оставить всю славу и власть, чтобы хворостиной торчать в воротах Печерского монастыря. В этом послании Симон умел совместить художественную изящность с самою высокою простотою изло-

жения и с такою искренностью чувства и глубоким пониманием духовной жизни, что труд его до сего времени служит лучшим украшением нашей поучительно-повествовательной духовной литературы.

Третьим замечательным памятником духовной литературы во время Суздальщины служат двенадцать сказаний о святых иноках Киево-Печерского монастыря, писанных для архимандрита Акиндина тем самым иноком Поликарпом, к которому писал свое прекрасное послание епископ Симон. Труд Поликарпа по изящной простоте, живости и стройности рассказа обличает в авторе высокого художника повествователя, хотя он и ниже послания Симона. Особенною теплотою и простотою дышат рассказы Поликарпа о блаженном Прохоре-лебеднике, о Марке Печернике, о Феофиле, учении Марка Печерника, о Спиридоне-просфорнике и о Пимене-многоболезненном. Для образца вот начало рассказа о Пимене: «О блаженном сем Пимене слово взявше, на исповедание снидем крепкого его страдания, да увемы, како со благодарением имамы болезни терпети доблественно, и како

сила Божия в немощах совершается. Сей убо блаженный Пимен болен родися на свет, болен и возрасте, сия телесная болезнь места в нем душевной неаде. Чисть бо от всякого порока бысть и от утробы материи скверного непозна греха».

Из светских литературных произведений от времен Суздальщины дошли до нас: «Слово о полку Игореве» и «Моление к князю Ярославу Всеволодовичу», сочинители того и другого творения не оставили своих имен. Кроме того, мы имеем несколько летописей, относящихся к тому же времени, и народных былин, в которых говорится о лицах исторических, относящихся ко времени Суздальщины, например о новгородцах Василье Буслаеве, скончавшемся 1171 году, о Садке Сытиниче и других. Особенно замечательно истинными поэтическими красотами и верным и живым изображением тогдашнего состояния Русской земли – «Слово о полку Игореве». Неизвестный сочинитель этого «Слова», описывая в нем несчастный поход Игоря Святославича Северского на половцев, умел в одной живой картине верно представить состояние Рус-

ской земли во время Суздальщины. Он, изобразивши, между прочим, мастерски общую печаль Приднепровья т. е. киевской и черниговской стороны, о поражении и плене Игоря Святославича, и грозу от половцев вследствие этого поражения, обращается к современным знаменитым князьям других краев Руси с таким воззванием: «Княже Всеволоде (Суздальский)! не мыслию тебе перелететь издалеча, отня стола поблюсти. Ты бо можеша Волгу веслы разкропити, а Дон шеломы выльяти. Аже бы ты был, то былабы чага (пленница) по ногате, а Кощей (невольник) по резани; ты бо можеша по суху живыми шерешеры стреляти удалыми еыны Глебовы. Ты буй Рюриче и Давыде (Смоленские)! не ваши ли злаченые шеломы по крови плаваша, не ваша ли храбрая дружина рыкают, аки туры ранены саблями калеными, на поле незнаеме? Вступите, господина възлат стремянь за обиду сего времени, за землю Русскую за раны Игоревы, буго Святославича. Галицкий Осмосмысле Ярослав! высоко седиши на своем златокваном столе, подпер горы Угорские своими железными полки, заступил королеви (Венгерско-

му) путь, затворил Дунаю ворота, меча беременны чрез облаки, суды рядя до Дуная. Грозы твои по землям текут, отворявши Киеву врата, стреляеши с отня злата стола Солтана за землями. Стреляй, господине, Кончака, поганого Кощея, за землю Русскую за раны Игоревы, буюго Святославича. А ты буй Романе и Мстиславе (Волынский и Торопецкий)! Храбрая мысль носить вас ум на дело. Высоко плававши на дело в буюсти, яко сокол на ветрех ширяся, хотя птицу в буюстве одолети. Суть бо у вас железные папорзи под шеломи латинскими; теми тресну земля и многи страны, – Хинова, Литва, Ятвязи, Деремеда, и Половцы сулицы своя повергоша, а главы своя поклониша под тьи мечи Харалужные (булатные)».

Врагами Русской земли по-прежнему на юго-востоке с степной стороны были половцы, а на западе с лесной стороны литва; но отношения сих врагов к Русской земле во время Суздальщины значительно изменились. Половцы год от году делались менее страшны, хотя и продолжали делать свои набеги, и иногда довольно значительные; но русские люди

довольно уже попривыкли к сим беспокойным кочевникам и за набеги сами платили также набегами, и довольно сильными. А князья русские по-прежнему продолжали пользоваться половецкими полчищами как союзниками или наемниками в своих междоусобиях; они по-прежнему роднились с половецкими князьями, сами женились на их дочерях, и русские княжны и княгини выходили замуж за половецких князей, так что многие половецкие князья уже носили славянские княжеские имена, и даже иные принимали святое крещение; многие из половцев уже поступали в службу к русским князьям, селились в русских пограничных городах и принимали строй русской жизни. И кажется, было уже недалеко то время, когда бы половцы должны были или обратиться в мирных соседей русским, или подчиниться русскому владычеству.

Но совсем в ином положении была литва, теперь набеги литовцев год от году делались сильнее и грознее; в прежнее время сии лесные дикари ограничивались набегами на соседние Полотские, Туровские и Пинские вла-

дения, и то изредка; во время же Суздальщины литовцы стали проникать во владения Псковские, Новгородские, Смоленские, Черниговские и Волынские, и набеги их делались все чаще и чаще. Колонии полотские и кривские в Литовской земле мало-помалу уже совершенно были отделены от своих метрополий и частью признавали над собою власть литовских князей или русских князей, посаженных литовцами. Самый Полотск уже недалек был от того, чтобы подчиниться какому-либо литовскому князю, он уже не раз, как мы видели, принимал своих князей, посаженных полками литовскими. Полочане, прежде грозные для литовцев, теперь сами стали бояться литвы; Западная Двина, эта торная веселая дорога полочан к морю, теперь уже под страхом литвы обратилась в пустынное болото. Вот как говорит певец «Слова о полку Игореве» об отношениях литвы к современному ему полочанам: «Двина болотом течет оным грозным полочанам под кликом поганых (литовцев). Един же Изяслав, сын Васильков, позвони своими острыми мечи о шелома литовские, притрепа славу деду

своему Всеславу, а сам под черлеными щиты на кроваве траве притрепан литовскими мечи, изрони жемчужную душу из храбра тела, чрез злато ожерелье. Унылы голоси, пониче веселие, трубы трубят Городенские. Ярославе и вси внуцы Всеславлі, уже понизить стязи (знамена) свои, вонзить мечи вережени, уже бо выскочисте из дедней славе. Вы бо своими крамолами начасте наводити поганые (литовцев) на землю Русскую, на жизнь Всеславлі» (т. е. на Всеславово достояние). И действительно, князья полотские, потомки знаменитого Всеслава, своими междоусобиями выдвинули литовцев, сами вызвали их из непроходимых лесов и пущей; сами водили их на свою братью, сами учили воевать с русскими и брать города и таким образом на свою голову дали ход этому полудикому племени.

Литовские племена во время Суздальщины разделялись на два главных отдела: на литовцев, живших на север от реки Вилии и в низовьях Немана, и на литовцев на юг от Вилии до Припети. На север от Вилии жили: жмудь в низовьях Немана до реки Святой,

собственно литва по северному берегу Вилии и дяволтва на север от литвы в соседстве с летголою до Западной Двины. Второй отдел составляли два племени: рушковичи и булевичи, жившие на юг от Вилии. Хотя тот и другой отделы литовских племен издавна находились под влиянием Руси и более или менее были колонизованы русскими поселениями и состояли в зависимости от полочан или кривичей; но колонизация северных племен по отдаленности их была слабее и постепенно ослабевала по мере того, как усиливались междоусобия в Полотске и Смоленске; напротив того, племена южные, как ближайšie, сильнее колонизовались русскими поселениями и были в более тесных связях с полочанами и кривичами; так что во время Суздальщины, по свидетельству литовского летописца Быховца, страна на юг от Вилии у северных литовцев считалась Русскою землею. И действительно, в этой стране было много русских колоний и городов, вследствие чего и сами жители были уже обрусевшею литвою, на что намекает и самое название южных племен литвы рушковичами и булевичами, с чи-

сто русскими окончаниями. Сии-то южные обрусевшие племена были главными пособниками междоусобствовавшим полотским князьям, с ними-то князья сии добывали себе столы княжеские и прогоняли своих противников, и к ним же убегали князья прогнанные. Но к концу XII века и обрусевшие и необрусевшие литовские племена, пользуясь междоусобиями русских князей, одинаково стали напирать на русские владения преимущественно для грабежа. Так, южные племена напирала к Припети, на соседние Туровские, Пинские и частью Волынские владения и даже на Смоленские, Черниговские и Северские; так что киевский князь Рюрик Ростиславич, владевший и Туровом, почти постоянно проживал в Турове для отражения литовских набегов. В это же время из северных племен дяволтва преимущественно напирала на Псковские и Новгородские владения, иногда одна, иногда в союзе с полочанами; так в 1183 году литва дяволтва грабила Псковские владения, а в 1198 году таже литва в союзе с полочанами напала на Великие Луки и в 1200 году захватила Ловать до Налюця, но была

прогнана новгородцами. Жмудь и собственно литва за одно с ятвягами преимущественно напирала на северо-западный край Волынских владений, к Берестью, Кобрину и Дрогичину; но здесь они встретили сильного врага в Романе Волынском, который неудовольствовался отражением литовских набегов на свои владения; но сам сделал несколько сильных и удачных походов в глубь ятвяжских, жмудских и литовских болот и лесов и так разгромил разрозненные литовские племена и опустошил их земли, что литовцы в этом крае на некоторое время решительно при-смирели.

Страшные походы Романа Волынского сделали большой переворот в Литовской земле, видя крайнее опустошение своей земли, литовские племена, прежде разрозненные, начали думать о соединении и дружных действиях против врагов. Конечно, во время Суздальщины литовские племена не успели еще соединиться в одно целое и в каждом племени еще было по несколько князей; но между ними князьями выдавались личности, способные подчинить себе других князей, и самая

видная из сих личностей был Миндовг, один из старших князей собственно литвы, он во время Суздальщины ежели и не успел еще подчинить себе других литовских князей, но уже умел возбуждать их на общее дело и руководить ими как союзниками. Так, страшное опустошение Волынской земли в первые годы по смерти Романа Мстиславича было уже делом не одного какого-либо племени, но всех пяти племен литвы и даже ятвягов, как прямо говорит Волынская летопись: «Беда была земле Володимирской (Волынской) от воеванья литовского и ятвяжскаго». Вторым общим делом всех литовских племен, очевидно под руководством Миндовга, был мир с волыньскими князьями Даниилом и Васильком Романовичами, заключенный 1215 году от имени старших князей всех пяти племен литвы, жмуди, дяволтвы, рушковичей и булевицей, как прямо сказано в летописи, по исчислении всех племен и старейших их князей: «Си же вси мир даша Князю Данилови и Васильку и бе земля покойна». Этот мир с волыньскими князьями все литовские племена соблюдали строго до завоевания Волынской

земли татарами. Мало этого, многие литовские князья, и в числе их Миндовг, вступили в тесный союз и родство с Даниилом Романовичем и братом его Васильком, и по их указанию начали воевать Польшу в том же году, и произвели там страшные опустошения. Потом 1235 году Даниил опять поднимал на Польшу литовских князей Миндовга и Изяслава Новгородского, т. е. собственно литву, жившую на север от Вилии, и литву обрусевшую, жившую на юг от Вилии на Немане. Но мир с Романовичами Волынскими вовсе не был миром с остальной Русью. Литовцы, не трогая Волынь по-прежнему продолжали делать набеги на другие владения Руси. Так, Ростислав Михайлович Галицкий в это же время по приказу отца своего Михаила несколько раз должен был ходить в Литовскую землю для удержания литовских набегов на северо-западные киевские границы. Кроме того, литовцы, вероятно племя дяволтва, в 1217 году, кажется, по указанию ливонских немцев, бывших тогда в войне с Новгородом, сделали набег на Новгородские владения и пограбили берега Шелони. В 1223 году литовцы воевали

у Торопца; но, услышавши о походе Ярослава Всеволодовича с новгородцами, обратились в бегство; а в 1224 году они пробрались до Русы и разбили вышедшего против них посадника Федора и рушан. Потом в 1225 году было какое-то сильное нашествие литвы, многочисленные полчища литовцов в одно время явились и в Новгородских, и в Смоленских, и Полотских владениях. В Новгородском крае они только трех верст не дошли до Торжка и страшно пустошили страну, побили и пограбили гостей и заняли Торопецкую волость; но князя Ярослав Новгородский и Давыд Торопецкий, соединясь вместе, ударили на грабителей, нагнавши их у Всвята, разбили наголову, две тысячи положили на месте, взяли множество пленников и отбили всю награбленную добычу. Но зимою 1229 года литовцы опять явились в Новгородских владениях и воевали около Лубны, Моревы и Селигера и снова были разбиты новгородцами, обращенные в бегство, побросали награбленную добычу. В 1234 году они опять воевали в Новгородском крае около Русы и даже ворвались в самый город; но, отбитые рушанами, бежали и

отступили на Клин. Между тем Ярослав Новгородский, получивши весть об их набеге, пустился по Ловати им наперерез, и нагнал на Дубровне в Торопецкой волости, и так удачно разбил их, что они потеряли обоз в 300 коней, и, спасаясь по лесам, побросали оружие и щиты, тем не менее многие были побиты новгородцами. Впрочем, все сии набег литовцев огранивались убийствами и опустошением, ни в Новгородских, ни в Псковских, ни в Смоленских владениях литва нигде не думала еще утвердиться. Очевидно, все сии набег производились только голодными охотниками пограбить, собственно же литовским старшим князьям было не до завоеваний на стороне; они в это время еще резались друг с другом и отбивались от ливонских немцев, которые вмешивались в споры литовских князей и желали их подчинить себе, хотя и без успеха; так, под 1237 годом в летописях есть известие, что ливонские немцы, получив помощь от немецкого ордена в Пруссии и соединясь с чудью и псковичами, напали на литву, но были разбиты.

Новыми врагами Руси во время Суздаль-

щины являются на западе немцы, утвердившиеся в Ливонии при устье Двины, и на востоке монголы или татары. Немцы, собственно бременские купцы, с 1158 года начали ездить для торговли к ливонцам или ливи, жившим при устьях Двины, и мало-помалу построили там два острожка Уксукуль и Дален. Бременский архиепископ, узнав о немецких поселениях при устье Двине, выпросил разрешение у папы послать проповедников латинской веры в землю ливонских язычников и послал туда монаха августинского ордена Мейнгарда. Мейнгард, прибывши в Ливонию, выпросил позволение у одного из полотских князей – Владимира, княжившего в низовьях Двины, проповедовать евангелие ливонским язычникам, построил в Уксукуле церковь, крестил некоторых из язычников и начал строить замки. Но успех его проповеди был непродолжителен, упорные язычники не только сами не крестились, но убедили и крестившихся ливонцев обратиться к прежнему язычеству и стали грабить имение самого Мейнгарда, уже получившего сан епископа. Тогда Мейнгард отправил посольство к папе с

просьбою прислать войско для крещения язычников силою. Папа велел проповедовать крестовый поход в Ливонию; между тем, пока собиралось крестовое ополчение, Мейнгард умер в 1196 году, и на его место прибыл новый епископ Бартольд с священниками и войском. Бартольда ливонские язычники убили в первой же битве, но сами были разбиты и силою принуждены креститься и обязались содержать у себя немецких священников; но лишь войско, провожавшее Бартольда, село на корабли, как ливонцы отреклись от крещения, ограбили священников и выгнали их. На место убитого Бартольда приехал новый епископ Алберт с войском на двадцати трех кораблях; язычники встретили его как заклятого врага и осадили в замке Гольм, но были разбиты и поневоле обещались принять христианство. Алберт в 1200 году выстроил в устье Двины город Ригу и населил его немецкими колонистами, за которыми сам ездил в Германию, потом в 1202 году упросил папу основать орден рыцарей меча, которые бы жили постоянно в Ливонии и воевали с тамошними язычниками для обращения их в хри-

стианство. Это новое учреждение дало силу немецким поселениям в Ливонии; немцы с поселением рыцарей меча стали твердою ногою на Ливонской земле и подчинили себе не только ливонцев, но и соседних эстов, мало этого, они даже успели отнять два полотских княжества в низовьях Двины, Кукейнос и Герсик. Ливонцы язычники обратились было за помощью к полотскому князю, к какому неизвестно; но и тот ничего не мог сделать в их пользу. Немцы отделались от него тем, что обещались платить ему ежегодную дань за ливонцев поработанных рижской церкви и ордену меченосцев; и полотский князь, очевидно по тогдашним полотским обстоятельствам, очень слабый, поспешил заключить с ними мир и таким образом оставил ливонских язычников без помощи на произвол немцев. Через несколько времени немцы перестали платить и обещанную дань; но полотским князьям было уже не до Ливонии и не до немцев, им и дома от внутренних междоусобий, от вмешательства соседних князей и от напора литвы не было ни покоя, ни надежного пристанища. И таким образом нем-

цы без опасения от полотских князей могли свободно распоряжаться в Ливонии; и в 1229 году заключили торговый договор с смоленским князем Мстиславом Давыдовичем, в который договор со стороны смоленского князя была включена и земля Полотская и Витебская. Но, подвигаясь к северо-востоку от Западной Двины в пределы эстонской чуди, немцы встретили себе крепких противников в псковичах и новгородцах, с которыми вступили в нескончаемые войны то удачные, то неудачные. Сначала они были в мирных сношениях с псковичами и новгородцами и во враждебное столкновение в первый раз вступили в 1217 году, вздумавши помогать эстонской чуди, и были разбиты под эстонским городом Оденпе, или Медвежьей Головою; и, потерявши в битве трех военачальников и 700 коней, принуждены были заключить мир, по которому должны были оставить Оденпе. В 1219 году новгородцы в другой раз сошлись с немцами под городом Пертуевом и опять разбили их и их помощников литву и ливонцев, но города взять не могли. Потом было еще несколько походов новгородских в Эстонию,

и немецких в Псковские и Новгородские владения; но и те и другие походы оканчивались только сожжением сел и опустошением страны; в 1224 году немцам удалось после кровопролитного приступа взять Юрьев, или Дерпт, русский город в Чудской земле, причем были истреблены все русские жители Дерпта; а в 1233 году они захватили было Изборск, но в том же году были выгнаны оттуда псковичами; а в 1234 году Ярослав с новгородцами разбил их под Юрьевом и принудил к миру, по которому они, кажется, обязались платить дань с Юрьева. Вообще немцы были врагами беспокойными, но негрозными, они своими успехами в Эстонии были обязаны единственно тому, что новгородцы и псковичи были в это время в постоянных междоусобицах.

Совсем иной характер имели монголы, или татары, новые враги Русской земли, наджившиеся на нее с востока; они в два похода, следовавшие быстро один за другим, как мы уже видели, покорили себе почти всю Русь, их грозной силе ничто не могло противиться; но о них мы будем говорить после.

Кроме врагов Русская земля во время Суздальщины терпела многие другие несчастья, иногда доводившие тогдашних людей до отчаяния. В одном северном краю Руси, т. е. в Новгородских и Суздальских владениях, по летописям насчитывается шесть значительных пожаров. Особенно были сильны пожары в 1194 году; в этом году горели Ладога, Руса и Новгород, в Новгороде в это время продолжались пожары от Недели всех Святых до Успеньева дня, т. е. до 15 августа; так что каждый день загоралось в нескольких местах, и люди в страхе бросали свои дома и жили в полях. Велик также был пожар в 1211 году, истребивший в Новгороде 4300 дворов и 15 церквей; а пожар 1217 года истребил половину Новгорода, причем погибло множество товаров и людей. В 1223 году по всей Суздальской земле была страшная засуха, так что леса и болота сами загорались, и по всей земле такой был дым и мгла, что птицы падали на землю, а звери из лесов бежали в города и селы, и на всех людях был страх и ужас. 1187 и 1230 годы особенно замечательны страшными повальными болезнями; под 1187 годом

летопись говорит: «Была сильная болезнь в людях, так что не было двора, где бы кто-нибудь не хворал; а в иных местах целые дворы были наполнены больными, так что некому было и ходить за больными». О море же в 1230 году в летописи сказано, что в одном Смоленске в это время было похоронено в нарочно по случаю мора выстроенных четырех скудельницах тридцать две тысячи человек; а в Новгороде в одной скудельнице похоронили 3030 человек и еще в двух без числа, так что не успевали хоронить и трупы валялись по улицам и площадям.

Но величайшее бедствие Русской земли в северных ее пределах, т. е. в Новгородских и Суздальских владениях, составляет голод, в продолжение семидесяти лет возобновлявшийся семь раз, так что на каждые десять лет приходилось по голодному году. Особенно страшны были годы 1212-й и 1214-й, когда по всей Суздальской земле голод доходил до того, что люди ели дубовую кору, мох, солому и падаль и многие умирали от голода. Еще более страшный голод был в Новгороде в 1215 году; дороговизна хлеба тогда дошла до того,

что кадь ржи доходила до десяти гривен, тогда как прежде считалось страшною дороговизною, когда кадь ржи доходила до 3 или до 4 гривен; люди ели липовый лист, сосновую кору и мох, многие продавали своих детей в рабство, многие умирали с голоду; поставили скудельницу и полную наклали трупов, но и затем по площадям, улицам и полям везде валялись трупы, так что собаки не успевали поедать их; а жители области Водь все или померли от голода, или разбежались в разные стороны. Но верх ужаса и бедствий, какие только выдержали во время Суздальщины новгородцы, представляет 1230 год. В этом году в первых числах мая было значительное землетрясение, потом в мае же солнечное затмение, а 14 сентября мороз побил хлеб по всей волости новгородской, и голод быстро возрос до того, что кадь ржи продавалась по 20 и по 35 гривен, а к весне люди начали есть не только мох, липовую и сосновую кору, но принялись за лошадей, собак и кошек, а иные ели трупы мертвых; были и такие, которые резали и ели живых людей, но таковых отыскивали и которых сжигали, иным отрубали

головы, других вешали. Вместе с голодом явился страшный мор, не успевали хоронить мертвецов, по улицам и площадям не было прохода от непохороненных трупов. Голод дошел до того, что люди потеряли всякое чувства сострадания, даже родители не делились хлебом с детьми и продавали детей приезжим торговцам из хлеба, дороговизна достигла страшной цены, коврига хлеба продавалась по гривне, т. е. на нынешние деньги почти по три рубля серебром. И в этом памятном году, по свидетельству Новгородской летописи, голод был не в одном Новгороде, но и по всей Русской земле, выключая киевскую область, и также сопровождался мором; а другие летописи говорят, что голод стоял три года.

Примечания

В книге по возможности сохранены орфография, пунктуация, написание строчных и прописных букв, а также научная терминология и этнонимы первого издания 1861 г.

[^^^]